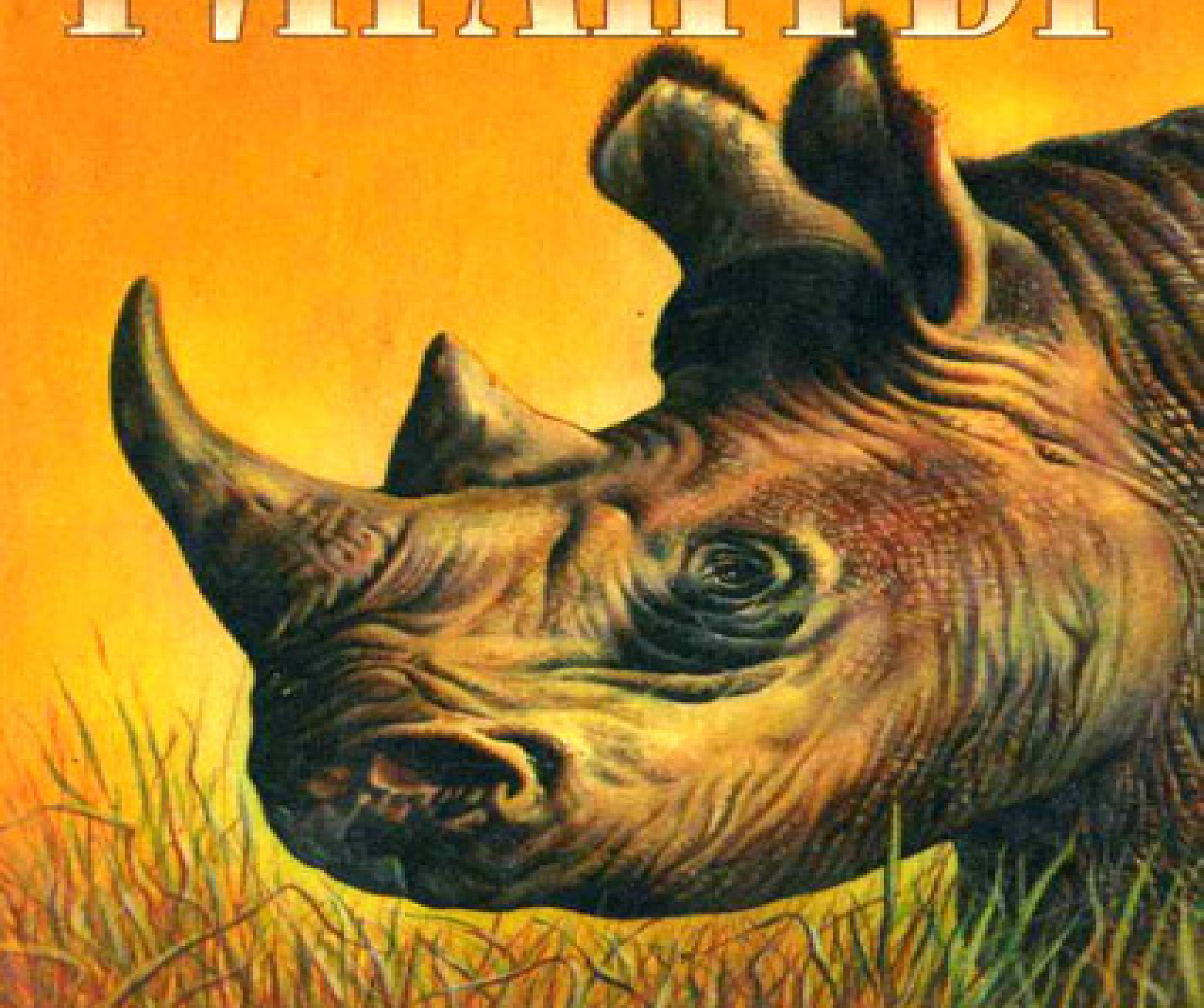

Беззащитные
МПАМБЫ

Annotation

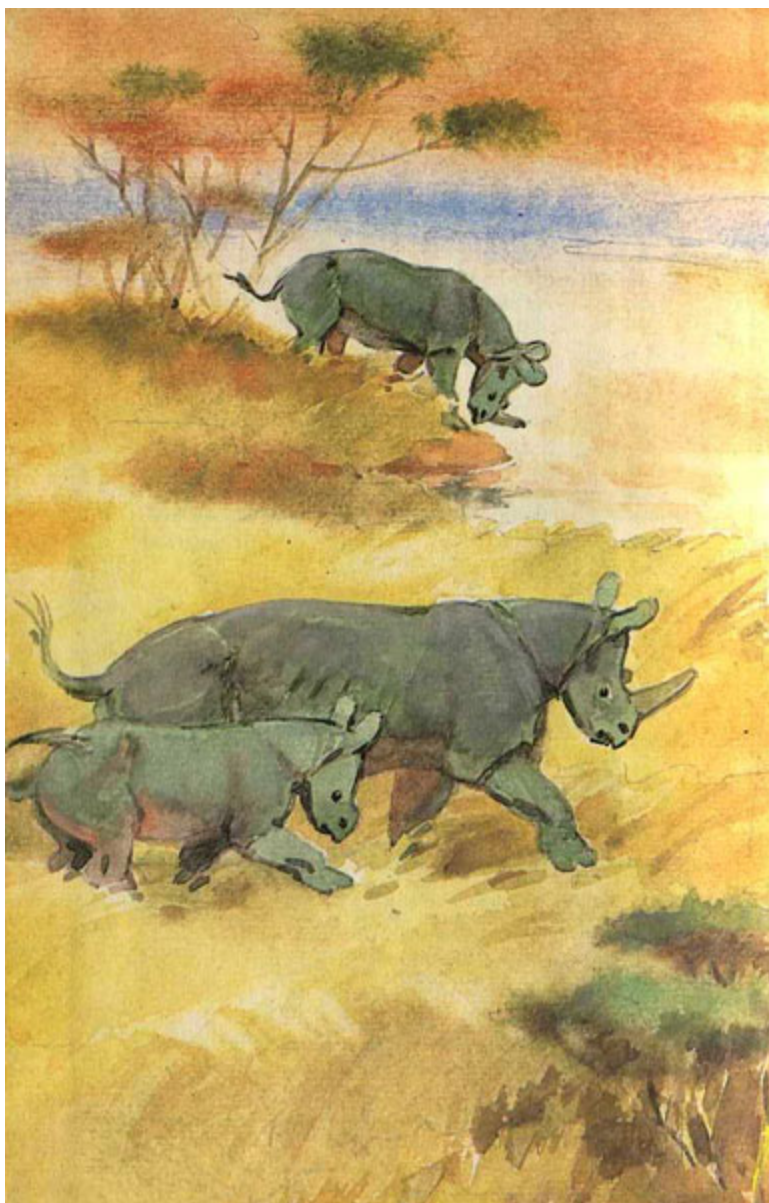
Хищническое истребление животных — тема, которая сегодня тревожит многих людей на Земле. Трагедии существования одного из древнейших обитателей Африки — носорога, безжалостно уничтожаемого из-за его якобы магического рога, посвящена эта книга.

- [Джон Гордон Дэвис](#)
 -
 - [Предисловие](#)
 - [Действующие лица](#)
 - [Вступление](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)

- [Глава восемнадцатая](#)
 - [Часть четвертая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)
 - [Глава двадцать первая](#)
 - [Глава двадцать вторая](#)
 - [Часть пятая](#)
 - [Глава двадцать третья](#)
 - [Глава двадцать четвертая](#)
 - [Глава двадцать пятая](#)
 - [Глава двадцать шестая](#)
 - [Глава двадцать седьмая](#)
 - [Глава двадцать восьмая](#)
 - [Часть шестая](#)
 - [Глава двадцать девятая](#)
 - [Глава тридцатая](#)
 - [Глава тридцать первая](#)
 - [Глава тридцать вторая](#)
 - [Постскриптум](#)
-

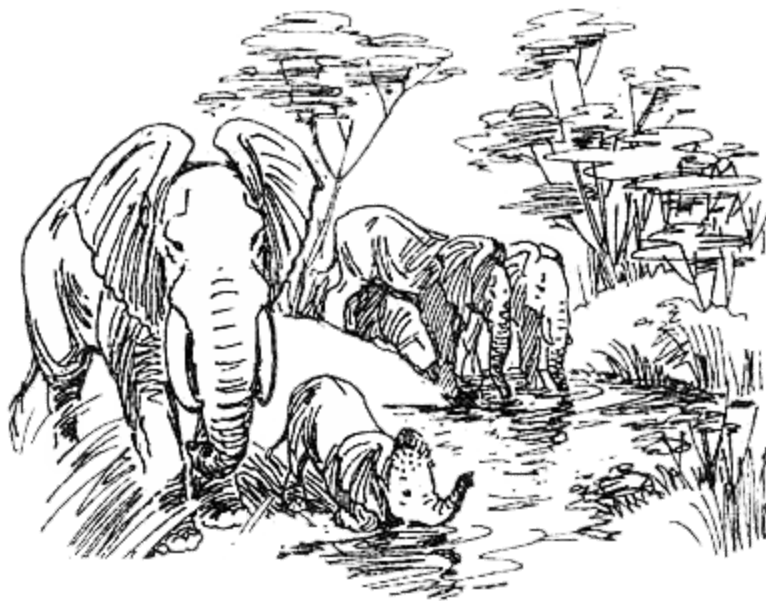
Джон Гордон Дэвис Операция «Носорог»

Посвящается Клэр Келли Эдвардс

Предисловие

Есть на свете книга, о которой не все знают. Называется она Международная Красная книга, издается в Швейцарии Международным союзом охраны природы и природных ресурсов и содержит перечень животных, которым грозит полное вымирание, с объяснением причин, почему они вымирают. Среди позвоночных сейчас насчитывается около тысячи таких видов. С начала нашей эры в среднем каждые двадцать лет с лица земли исчезало по одному виду. Теперь ежегодно вымирает один вид млекопитающих. Вымирает навсегда, безвозвратно.

Виновата в этом Безволосая Обезьяна. Человек расхищает, грабит, сжигает, перенаселяет, загрязняет. С Европой он расправился давным-давно. Потом начался захват колоний. Он охотился на дичь, истребляя все подряд, и снабдил огнестрельным оружием отсталые племена. Он рубил и сводил леса, устранял межплеменные распри и внедрял современные лекарства, сокращал смертность, но не ограничивал

рождаемость, и начался демографический взрыв, началось ограбление Земли.

В Африке это ограбление, воздействие всех перечисленных факторов на злосчастную фауну приобрело особенно опустошительный, особенно кровавый и жестокий характер. Смертоносным бичом была и остается кампания по борьбе с мухой цеце, подразумевающая систематическое истребление в определенных районах всех животных, чью кровь сосет муха цеце — переносчик смертельной для человека и домашнего скота сонной болезни. Но губительнее всего оказалось навязывание чуждых законов и порядков отсталым народам, у которых существует полигамия, — людям, измеряющим богатство количеством жен, скота и дочерей, которых отдают в жены в обмен на скот. Бурный рост населения повлек за собой массированное наступление на среду обитания диких животных, наступление людей, называющих «дичь» и «мясо» одним словом — «ньяма».

Но не только мясо привлекает охотников. Даже работники заповедников готовы погнать человека, которого нужда или инстинкт побуждают охотиться с копьем, луком или ружьем, чтобы прокормить семью. И хотя в современной Африке такие охотники превратились в бич для фауны просто потому, что их стало очень уж много, не они главное бедствие. Подлинные злодеи, подлинные негодяи — профессиональные браконьеры.

Мясо для них подчас всего лишь побочный продукт, нередко его оставляют гнить под африканским солнцем. Им нужны шкуры, рога, клыки для продажи скупщикам, которые поставляют этот товар экспортерам на океанском побережье, а те, в свою очередь, рассылают его по всему свету фабрикантам чулел, ковриков, сумочек, обуви, верхнего платья, чемоданов, стоек для зонтиков, ожерелий, браслетов,

бильярдных шаров, клавиш для пианино, поделок, лекарств, стимулирующих средств. Браконьеры предпочитают охотиться в заповедниках — обширных по площади, удаленных от поселений и трудно поддающихся контролю. Мерзавцы из мерзавцев, они наживаются на долгой, мучительной смерти животных, терзаемых жаждой в ловушках и ямах, отравленных ядом, изнуряемых воспалившимися пулевыми ранами. Это крупный и гнусный бизнес.

Носороги внесены в Красную книгу. Их немилосердно истребляют, чтобы добыть рог. Существует поверье, что вещество этого рога увеличивает мужскую силу. Рог размалывают в порошок и нюхают, как табак, или из него вырезают бокал, чтобы пить молоко, веря, что такой порошок и такое молоко действуют сильнее шпанской мушки. На самом деле от этого средства нет никакого прока. Может быть, легенда порождена фаллической формой рога. Так или иначе, родилась она очень давно. Две тысячи лет люди платят большие деньги за кусочек такого рога. Две тысячи лет носорогов нещадно, нещадно, нещадно истребляют. Почти совсем истребили маленького яванского носорога — уцелело всего два-три десятка особей; уничтожили небольших суматранских носорогов, и теперь их осталось около двух сотен; перебили чуть ли не всех индийских носорогов. В Африке крупный миролюбивый белый носорог почти вовсе уничтожен и на юге, и на севере, и в центре континента; жестоко истребляли, истребляли, истребляли черного носорога. Западни и ямы, стрелы и ружья старых и новейших образцов — все было обращено против него, и все ради рога, от которого нет никакого прока.

Разные организации и правительства с разной степенью успеха проводили операции по переселению носорогов из мест, где бесчинствуют браконьеры, в

менее опасные районы. В Натале (Южно-Африканская Республика) уцелела небольшая популяция белого носорога, ее взяли под надежную охрану, учредив заповедник, и она там благополучно здравствует.

Растет строго охраняемая индийским и непальским правительствами популяция крупного индийского носорога, ее численность достигает семисот особей. Суматранские носороги разбросаны в полудюжине стран Юго-Восточной Азии, в географических районах, не благоприятствующих их размножению. Попытка вывезти несколько экземпляров для разведения в неволе кончилась плачевно: двух животных застрелили в целях самообороны, третье — самка — очутилась в зоопарке в одиночестве. В 1970 году правительство Южной Родезии провело крупную операцию по отлову черных африканских носорогов в глухих районах, где браконьеры грозили совершенно истребить их, и переброске в другой конец страны, в обширный заповедник Гона-ре-Жоу.

Черный африканский носорог — грозный представитель этого семейства. Он достигает высоты полутора метров, бывают даже носороги в рост человека. Длина — до трех с лишним метров, вес — до тонны и больше. Он способен развить скорость около сорока километров в час и с ходу повернуть кругом, описав петлю диаметром шесть-семь метров. Оружие черного носорога — страшный острый рог длиной более полуметра. У него отменное обоняние и превосходный слух, он весьма раздражителен и склонен бешено атаковать зверолова, которым руководят самые благие намерения. Чтобы отлавливать живьем этих зверей в пересеченной местности и затем транспортировать через холмы и ложбины, через скалы и реки, за тысячу километров на новое место обитания, нужно быть весьма искусным охотником и следопытом, нужны

мужество, терпение, выдержка, сила, трудолюбие, находчивость и преданность делу охраны фауны.

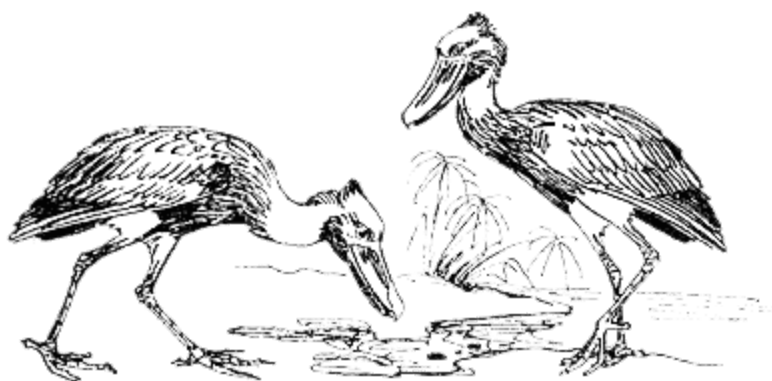
Перед вами не документальный отчет, а повесть об операции «Носорог». Повесть правдивая и особенно захватывающая потому, что перед операцией некий прорицатель предсказал, что ей будут сопутствовать смерть и кровопролитие. Я постарался достоверно изложить в литературной форме то, что видел сам, и то, что мне рассказали другие.

Джон Гордон Дэвис

Ноябрь 1970 года

Действующие лица в порядке появления на сцене

Джон Гордон Дэвис — европеец, тридцати лет с небольшим, шатен; повествователь.

Роналд Томпсон — европеец, тридцати лет с небольшим, белокурый, инспектор по охране дичи, специалист по черным носорогам, нрав горячий.

Норман Пейн — европеец, пятидесяти лет с небольшим, брюнет, опытный объездчик, прекрасный детектив, нрав спокойный.

Брайтспарк Тафурандика — африканец, шестидесяти лет с небольшим, волосы черные, короткие, курчавые; слуга повествователя; любитель горячительных напитков, говорлив.

Бен — африканец, пятидесяти лет с небольшим, волосы черные, короткие, курчавые; личный следопыт и помощник Томпсона.

Грэм Холл — европеец, тридцати лет с небольшим, шатен, объездчик, нрав спокойный.

Ричард Пик — европеец, двадцати лет с небольшим, шатен объездчик, полон энергии.

Невин Лийс-Мей — европеец, двадцати лет с небольшим белокурый, объездчик, нрав сдержанный.

Поль Куце — европеец, тридцати лет с небольшим, белокурый, инспектор по охране дичи, знаменитый охотник, вместе с Томпсоном руководит операцией «Носорог»; весьма выдержан; это он обращался к прорицателю.

Капеса — африканец, сорока лет с небольшим, волосы короткие, черные, курчавые; личный следопыт и помощник Куце.

Джон Осборн — европеец, тридцати лет с небольшим, волосы темные, объездчик, весьма добродушен.

Дэвид Скэммел — европеец, около двадцати пяти лет, шатен, объездчик, полон энергии.

Прочие

Вступление

В это время года пересыхали все реки, кроме одной, и в том месте, куда дикие животные приходили на водопой, она текла очень медленно, едва пополняя каменистые и песчаные лужицы, и солнце накаляло камни и белый песчаный берег. Звериная тропа спускалась к реке через сухие, жаркие, глухие заросли.

Две из ловушек, расставленных местным браконьером у водопоя, были замаскированы на самой тропе. Но сперва они побывали у колдуна, а тот прочел над ними заклинание мушонга, чтобы они принесли счастье и не были украдены другим охотником. Это были широкие петли из многожильного стального троса толщиной три восьмых дюйма. Одна подвешена на уровне головы будущей жертвы, ниже помещена вторая, для ноги. Конец верхней петли привязан к срубленному браконьером толстому бревну, нижняя петля прикреплена к стволу дерева мопани, растущего возле тропы.

В этот тихий, знойный африканский вечер на закате шли на водопой носорожиха и ее детеныш. Самка была высотой сто шестьдесят пять сантиметров и весила около тонны; трусивший следом за ней трехмесячный детеныш не достиг еще и метра. Оберегая его, мать — воплощение быстрой, грозной, бронированной мощи —

шла впереди, но она не заметила ловушек. Огромная задняя нога тяжело ступила прямо в нижнюю, а голова просунулась в верхнюю. Почувствовав, что петли затягиваются, носорожиха захрапела и рванулась вперед, чтобы сбросить их, но петли только еще туже затянулись, врезаясь в шею и в заднюю ногу, и она взревела и заметалась, и ею овладело бешенство.

Носорожиха рвалась вперед, и трос врезался все глубже, и дерево закачалось, и она захлебнулась собственным ревом. Трос пропорол толстую кожу, и

хлынула кровь, а она продолжала вырываться, и одна петля стиснула ее широкое дыхательное горло, а другая кромсала сухожилия задней ноги. Обезумев, она сипло редела и мотала шеей и громадной рогатой мордой, вращала налитыми кровью, полными ужаса глазами, а трос продолжал вгрызаться в ее тело. Носорожиха, одержимая ужасом, встала на дыбы, дергая могучей головой, и тяжелое бревно, к которому была прикреплена верхняя петля, ползло по земле, а она редела и мычала, выгибала огромную спину и металась взад и вперед, и трос неумолимо врезался все глубже, и она упала — подвела вздернутая вверх окровавленная задняя нога. Ударилась широченной грудью, так что дрогнула земля, и перевалилась на бок, разбрасывая пыль толстыми ножищами. Тяжело поднялась и снова, как и рассчитывал браконьер, ринулась вперед, слясь освободиться от ловушек — и затягивая петли сильнее; и она опять грохнулась на содрогающуюся землю, дергая головой и ногой, и поднялась на дыбы, колотя по воздуху здоровенными копытами передних ног; попыталась достать ногой петлю на шее, чтобы сорвать ее, но не дотянулась и снова грохнулась; сделала попытку зацепить трос рогом, не вышло, изогнулась и направила длинный рог к нижнему проводу, но верхняя петля отдернула голову назад, и носорожиха опять упала со всего маху, обдирая себе брюхо, и трос затянулся еще туже. Все это время детеныш метался взад-вперед около нее, насторожив уши и стуча копытцами, то отскочит, то подбежит, то, объятый тревогой и страхом, упадет, оступившись; и он непрерывно визжал и скулил, с ужасом глядя, как бьется его огромная родительница. Животные, которые шли на водопой, слышали страшный гул и треск и хрипы, они прядали ушами и опасливо принюхивались к воздуху, возбужденно переступали ногами и топтались по кругу, торопливо пили воду и бегом возвращались в

заросли. Целых десять минут громадная самка с налитыми кровью глазами рвалась из западни, редела, грохалась на землю и снова поднималась в облаке пыли, и дерево качалось, и толстое бревно дергалось, и трос нещадно терзал тело, и носорожиха задыхалась. На одиннадцатой минуте порвалась нижняя петля.

Петля порвалась вдруг, и самка упала, тотчас опять взгромоздилась на ноги и, обезумевшая, затрусила по звериной тропе, волоча за собой бревно на тугом ошейнике. Она трусила, ничего не видя перед собой, сипя и задыхаясь, и детеныш бежал вдогонку галопом, и бревно прыгало следом за ней. Она мотала огромной головой, силясь освободиться от удавки. Дергала грохочущее, подпрыгивающее бревно, и на задней ноге болтался конец врезавшейся в ногу петли. Носорожиха ломилась через заросли прочь от реки, вверх по склону бугра, вниз по другому склону, и она сорвалась в лощину, с шумом покатила вниз, увлекая за собой гулкие камни, и детеныш, визжа, скатился за ней, и она с трудом поднялась и опять побежала, и прыгающее бревно волочилось за ней, цепляясь за камни и кусты и с каждым разом все туже затягивая петлю. Десять минут бежала она, оглашая заросли топотом, спасаясь от муки, и детеныш, прижав уши, догонял ее неуклюжим галопом; десять минут ломилась через заросли все медленнее и медленнее, задыхаясь и спотыкаясь, потом бревно сделало свое дело — застряло между камнями и рвануло ее за шею, и она рухнула.

Носорожиха напряглась, чтобы встать, задыхаясь, борясь с натянутым тросом, дрожа всем телом, разинув пасть и раздувая ноздри; попыталась встать, и налитые кровью, обезумевшие глаза были готовы выскочить из глазниц, она тужилась и хрипела, и кровь струилась по ее шее и хлестала из ноги; она снова и снова рвалась, но всякий раз удавка осаживала ее, все глубже

врезаясь в шею, и ничего не получалось, и она обмякла, навалившись на согнутые в коленях ноги, а тутой трос крепко держал ее голову. Черное доисторическое животное лежало, дрожа и задыхаясь, и могучие бока с обручами ребер вздымались, втягивая воздух, и ноздри были широко раздуты, и из разинутой пасти вырывались приглушенные сиплые звуки, и обезумевшие, измученные глаза были готовы лопнуть от прилившей крови, и шумное, тяжелое дыхание разносилось далеко-далеко в закатной тишине.

Запыхавшийся детеныш стоял рядом в сумраке, весь в ссадинах от ушибов, которые получил во время лихорадочной погони за матерью. Сторожко поводя длинными ушами и прерывисто дыша, он метался вокруг своей могучей распростертой родительницы и топал, и пыхтел, и жалобно повизгивал. В этот день он еще совсем не пил воды. Детеныш долго метался и скулил и опасливо вертел ушами, потом смирился с необычным поведением матери, и ему захотелось пить. Посапывая и поскуливая, он стал искать соски, тыкаясь мордой в материнский бок. Носорожиха лежала, задыхаясь, а детеныш прижал уши к голове и опустил на колени, но она лежала неудобно, тогда он сам распластался на животе, протолкнул голову под ее заднюю ногу, ухитрился поймать ртом сосок и принялся сосать.

Взошла луна, и носорожиха по-прежнему лежала, вздымая серебристые в лунном свете бока, и черная кровь лилась из шеи и задней ноги; она хрипела и задыхалась, и детеныш громко сосал. Удавка сжимала дыхательное горло, но через некоторое время она все-таки немного отдышалась. На ноге петля пропоролла мясо до кости. Теперь, когда носорожиха обмякла, нахлынула боль, дикая, жгучая, пульсирующая боль там, где тугой трос врезался глубоко в шею и в ногу. Но до смерти было еще далеко.

В лунном свете появились гиены. Припадая к земле, чуя запах крови, зная, но еще не смея, они кружили в зарослях и зорко следили за детенышем. Детеныш их слышал и чуял, и он скулил, подняв голову вверх; он метался вокруг матери, озираясь и прислушиваясь, непрерывно поводя ушами. Ему было очень страшно, но, если бы кто-нибудь тронул мать, он яростно атаковал бы противника, стараясь поддеть его своим крохотным, чуть больше сантиметра, рогом.

Могучая носорожиха тоже, наконец, услышала гиен, услышала сквозь боль и муки; и она попыталась подняться на ноги, чтобы встретить врага лицом к лицу и дать ему отпор, и натянутый трос ослаб, и камни отпустили бревно. Вслепую, опустив голову, задыхаясь и пытаясь нагнать страх на гиен, она заковыляла назад через камни, но горло было перехвачено удавкой, и вместо рева получился хрип. На темных камнях она споткнулась и упала на колени, снова поднялась и заковыляла дальше, и кровь капала из ноги и шеи, и детеныш трусил за ней.

Задыхаясь, свесив голову, могучая носорожиха брела вслепую через залитые лунным светом заросли, и тяжелое бревно волочилось следом за ней, цепляясь за корни и выступы, и трос врезался глубже и глубже, как и было задумано, и гиены шли по ее следам. Она волочила заднюю ногу, и нога с перехваченной тросом костью подкашивалась, потому что все мышцы были рассечены; она оступалась и подтягивала ногу и снова оступалась. Детеныш трусил за ней. Она шла медленно, с каждой минутой все медленнее, и шаталась, и хромала, и падала, громко хрипя сдавленным горлом. Всю долгую лунную ночь носорожиха ковыляла, волоча за собой бревно. Ее одолевала жажда, огромная пасть была широко разинута, но она думала только о том, как уйти от удушья. Кровь широкой, черной,

поблескивающей в лунном свете струей текла по мощной шее и по искалеченной задней ноге.

Под утро началось воспаление, адская боль толчками пронизывала распухшие раны. Жажда стала нестерпимой. Иногда носорожиха падала без сознания, потом опять приходила в себя от собственного хрипа, от пронизывающей боли, от тяжелого, глухого шума в голове, от гулкого стука собственного сердца. Но до смерти все еще было далеко. Смерть придет не сегодня, в жаркие дневные часы, и не ночью, может быть, даже не завтра днем и не завтра ночью. Придет, когда гангрена напоит черно-зеленой адской отравой всю громадную тушу — разве что носорожиха до тех пор сама себя удушит. Разве что явятся львы. Или наберутся смелости гиены. Или явится браконьер, выследив жертву по метинам, оставленным на земле бревном, и добьет ее копьем. Но в этот час браконьер был далеко, вливал себе в глотку пиво. Так что смерть придет нескоро.

Когда рассвело, все помыслы могучей носорожихи были о том, чтобы напиться, и она направилась к воде, огромный черный умирающий зверь шел к воде, ковыляя и хромая, и задняя нога подкашивалась, и всякий раз широкая темная спина кренилась, и глубокая кровавая рана на шее всякий раз открывалась, и обезумевшие глаза вылезали из орбит. И детеныш трусил за ней следом.

Солнце стояло высоко в небе, когда носорожиха приблизилась к воде. Раздувавшиеся громадные ноздри почуяли воду, и она разинула громадную пересохшую пасть, и детеныш тоже почуял воду. Вниз по длинному, сухому, накаленному косогору, через желтые, серые, бурые заросли ломилась носорожиха, волоча за собой бревно, хрипя, падая, одолеваемая нестерпимой жаждой и дикой болью. Семьсот метров... после долгого перерыва еще шестьсот... потом... потом еще

пятьсот... четыреста... и сквозь чудовищную муку она явственно чужла запах воды.

В двухстах метрах от водопоя бревно опять зацепилось. Застряло между двумя деревьями. Трос рывком натянулся, и носорожиха упала и начала брыкаться толстыми ногами, силясь встать, и в исступлении мотала головой и билась на земле, силясь встать и дойти до воды, но все ее движения и все рывки теперь были медленными, вялыми. Потом она обмякла, распластавшись на боку, заарканенная тугой удавкой, и могучие бока ее тяжело вздымались, и пасть была разинута, и ноздри раздувались, но встать она не могла. Воспаление образовало кровоточащий, гноящийся, толстый, широкий ошейник, и заднюю ногу опоясывала рана до кости.

Весь этот долгий жаркий день громадная носорожиха пролежала на земле неподалеку от воды. Иногда она пыталась встать. Иногда ей это удавалось, и она пыталась идти на трех ногах, и петля осаживала ее, врезаясь все глубже и глубже, и обезумевшая носорожиха неистово мотала опущенной головой, сражаясь с удавкой, хрипя от жажды и удушья, и снова падала на землю. Иногда она впадала в забытие. Но воздух еще поступал с хрипом в легкие, и адская боль приводила ее в себя, и она опять силилась встать и опять падала. Мухи облепили ее глаза и пасть и раны на толстой распухшей шее и на ноге. Потом явились муравьи, явились, привлеченные запахом крови, большие черные муравьи. Детеныш не отходил от матери и скулил. Ему было очень страшно и очень хотелось пить, но он не смел идти к водопою. Иногда он распластывался на животе рядом с ней и сосал. Иногда ложился на бок подле нее и даже засыпал. Но по большей части он бродил вокруг матери, подняв голову, озираясь по сторонам, непрерывно поводя ушами и повизгивая, и ему очень хотелось пить. Вечером к шее и

к ноге носорожихи подступила гангрена, и начались самые страшные муки. Однако до смерти было еще далеко.

Ночью детеныш направился к водопою. Он двое суток не пил воды. Мучимый жаждой, слыша запах воды, он долго ждал, непрестанно шевеля ушами. Снова и снова порывался он пойти к воде. Вот тронулся с места, подняв голову и поводя ушами, ловя звуки и запахи воды. Осторожно пошел через заросли, остановился, опять пошел, нерешительно и тревожно поскуливая и оглядываясь на свою могучую родительницу, но мать не вставала, и уши его прижимались к голове, потом опять поворачивались в разные стороны, и он беспокойно озирался. Снова и снова отойдет вот так на несколько шагов, потом вдруг повернет и бежит обратно к матери и стоит, запыхавшись, подле огромной туши, прислушиваясь и озираясь. Появилась луна.

После многих повторных фальстартов детеныш отошел далеко от матери, озираясь по сторонам, ловя ноздрями запах воды, ловя запах ночи, останавливаясь и снова трогаясь; он шел через серебристо-золотисто-черные заросли вниз к водопою, и стоны матери доносились откуда-то издалека, и сердце его отчаянно колотилось, но иссушающая жажда пересиливала страх, и он уже увидал поблескивающую в лунном свете воду, и тут гиены набросились на него.

Гиены давно следили за ним, держась с подветренной стороны, и, когда до воды оставалось совсем немного, они бросились на него. Припадая к земле, выскочили из кустарника, спеша наперегонки к добыче, и он услышал их и повернул кругом и с визгом побежал обратно к матери, до которой было всего двести метров, и гиены, припадая к земле, гнались за ним в лунном свете, и он бежал и визжал и спотыкался, бежал со всей скоростью, на какую только был

способен, и одна гиена прыгнула, нацелившись на его задние ноги, и поймала изогнутый петелькой хвостик и начисто оторвала его, но отчаянно бегущий, испуганный, скулящий детеныш чувствовал только дикий, терзающий душу ужас, а желтые зубы норовили схватить его мелькающие пятки, и он мчался сломя голову, мчался, отчаянно визжа, через снопы лунного света к матери, и рычащие убийцы гнались, щелкая зубами, за ним, и на полпути они настигли его. Одна гиена прыгнула ему на загривок, другая схватила заднюю ногу, третья впиалась в переднюю ногу; он дыбился, и извивался, и кричал, и вырывался, но они висели на нем, вонзив глубоко клыки, и сбили его с ног, не отпуская хватки; он пытался встать и бежать, бежать, бежать, но они навалились на него со всех сторон, кусая, терзая, рыча, и они добрались до его кричащей глотки и дергали, рвали, резали его зубами, толкаясь в лунном свете, и клыки нашли дыхательное горло и вспороли его и вырвали прочь, и детенышу пришел конец. И они, не мешкая, распотрошили его и сожрали. Носорожиха слышала все, знала, что происходит, она пыталась встать и броситься на врага, брыкала могучими ногами и колотила по земле огромной головой, привстала и опять рухнула с обезумевшими глазами, издавая страшные хриплые звуки, снова и снова пыталась встать, пыталась что-то промычать детенышу, хотела разогнать гиен, и она билась на аркане все время, пока гиены убивали его и пока они разрывали его на части и с хрустом разгрызали его кости и пожирали его, и она продолжала биться еще долго после того, как они оставили окровавленный костяк и вприпрыжку удалились обратно в ночь. Всю ночь она брыкала толстыми ногами и билась могучей головой и пыталась что-то промычать и никак не могла подняться. В конце

концов, она затихла, умирая, только шумно хрипела в ночи, и сердце ее разрывалось.

Но смерть не пришла к ней в ту ночь. И наутро не пришла и не шла весь день, долгий, сухой, исполненный адской жажды день с муравьями и мухами. Под вечер прилетели волоклюи и принялись клевать шею и ногу носорожихи, поедая ее. Под вечер закружили в небе стервятники и опустились, хлопая крыльями, на деревья и слетели, хлопая крыльями, на землю, ожидая, когда она умрет. И поздно ночью она умерла в лунном свете, умерла от удушья, от жажды, от муки, от отравы, от изнеможения. Никто не помог ей умереть: ни браконьер, ни Бог. Браконьер все еще промывал глотку пивом, а Всевышний был занят другими делами.

Часть первая

Глава первая

Первые два месяца базовый лагерь участников операции «Носорог» располагался у Мусусумойи в районе Умфурудзи. Месяц Томпсон и Куце руководили операцией вместе, потом Томпсон вернулся к своему постоянному месту работы в Гона-ре-Жоу, и Куце продолжал руководить один. Они отловили семнадцать носорогов и перевезли их за тысячу километров; оставалось еще несколько носорогов, которые никак не давались ловцам, так что в конце второго месяца базовый лагерь перенесли в другое место и Куце вернулся на свой пост в долине Замбези, а Томпсон тем временем готовился приехать снова и сменить его. Они делили между собой руководство операцией, чтобы объединять свои знания и совместно накапливать личный опыт в таком необычном и небезопасном деле.

Томпсон был отличный охотник и ученый-специалист по носорогам, если вообще можно быть специалистом по столь редким и опасным животным, о которых к тому же чрезвычайно мало написано. Он готовил диссертацию о носорогах. Куце много лет профессионально занимался охотой и прослыл одним из лучших охотников по всей Африке; словом, совместное руководство было на пользу обоим. И напорись один из них на рог, второй мог бы продолжать общее дело.

Итак, в конце второго месяца Ричард Пик и Грэм Холл перенесли базовый лагерь за пятьсот километров — в Ньямасоту, неподалеку от реки Руи, где и построили новый загон для носорогов. Старина Норман Пейн выехал раньше и разбил новый передовой лагерь в тридцати двух километрах от базового, после чего отправил своих следопытов разведывать район. Все было готово, и вот в начале третьего месяца прибыл Томпсон, чтобы снова возглавить операцию, и я впервые встретился с ним.

С Куце я был хорошо знаком еще раньше, по долине Замбези, и я много слышал о Томпсоне, ходившем в любимчиках в Управлении по охране дикой фауны. Голубоглазый блондин, Томпсон обладал приятной, почти юношеской внешностью; его английская речь отличалась мягкостью интонаций. Правда, когда он прибыл, голос его звучал не мягко: он опоздал на целый день, потому что следопыт, которому было поручено проводить его через заросли к новому лагерю, восемь раз сбивался с пути. Мало того, следопыт уронил на землю фотоаппарат Томпсона и случайно сел на картонную коробку с яйцами. Томпсон очень любил свой фотоаппарат, но терпеть не мог омлетов, и еще он не любил попусту тратить время за счет налогоплательщиков, а потому после восьмой промашки проводника высадил его из «лендровера» и предложил ему безотлагательно заняться отработкой следопытских навыков, добираясь пешком до лагеря. Дальнейший путь до Руи Томпсон проделал самостоятельно. Голос его по прибытии звучал далеко не мягко, но он осмотрел толково устроенный лагерь и построенный Ричардом и Грэмом Холлом загон, и мы рассказали ему про обнаруженные стариной Норманом многочисленные следы носорогов, поведали также другие новости, приятные человеку, увлеченному носорогами, и он прочел отчеты Куце о работе в

Мусусумойе; ему поднесли пива, и он уселся перед входом в свою палатку, и принялся для завтрашнего дня наполнять обездвиживающие шприцы препаратом М-99, и заметно повеселел.

На исходе зимы обширное редколесье вдоль Руйи у границы Южной Родезии и Мозамбика, где живет народ, возглавляемый вождем Масосо, поражает засуха, и сухая земля достигает каменной твердости, и скот чахнет от бескормицы. Ночью здесь холодно, а днем солнце посылает жгучие лучи с беспощадно синего неба. Все реки пересыхают — и Мудзи, и Бунгве, и Шамва, совсем пересыхают; и только Руйя извивается среди раскаленных серых скал и жарких зарослей; и вдоль горячих каменистых и песчаных берегов зеленеет высокий камыш.

Все оставшиеся животные спускались к Руйе на водопой: носороги, бородавочники, львы, различные антилопы, рогатый скот. Большинство животных исчезло в этих краях, став жертвами ловушек, расставленных браконьерами, как местными — людьми вождя Масосо, так и пришлыми, которые наведывались издалека со своими западнями и шомпольными ружьями. Слоны вовсе ушли отсюда из-за браконьеров, большая часть антилоп была перебита, оттого и львы почти перевелись, но четыре льва еще остались, из них, как мы определили по следам, один очень крупный, а два совсем молодых. Большинство носорогов погибли в ловушках. Но в районе Руйи, судя по виденным нами следам, еще уцелело двенадцать, может быть, даже шестнадцать носорогов. Местные жители рассказывали, что на самой границе, где Руйя называется Луя, живет отшельником очень опасный и злой здоровенный самец; они клялись, что он белый. И будто бы у него розовые глаза.

Как ни хотелось нам, чтобы этот носорог оказался альбиносом — первый носорог-альбинос в мире! — мы не верили, что он, в самом деле, белый. Скорее всего, он выглядел таким благодаря оттенку почвы в лужах, где он валялся, а глаза казались розовыми потому, что наливались кровью от ярости, ибо носорога больше всего на свете злит, когда кто-нибудь подходит к нему так близко, что различает цвет его глаз. Были здесь и другие большие злые самцы, которые загоняли наших следопытов на деревья; водились и самки с детенышами, причем два детеныша были совсем маленькие, не старше месяца, судя по следам. И над всеми ними нависла угроза. Еще два года — и не осталось бы ни одной особи. Браконьеры со своими петлями несли им долгую, мучительную смерть; высушат мясо и шкуры и продадут, рога тоже продадут за несколько фунтов торговцам, а те сбудут их скупщикам в портах, на берегу океана, а скупщики разошлют их по всему свету — туда, где за рог носорога платят бешеную цену, веря в его эротическое действие. Еще немного, и на Руйе окончательно перевелись бы носороги.

Наш базовый лагерь расположился на вытянутом низком холме. В высокой желтой траве среди деревьев мопани расчистили пять площадок под палатки. Посередине на прогалине разместился штаб: натянутый между двумя деревьями брезент, под брезентом длинный стол на козлах, карты, документы, всякие припасы. Возле штаба стоял «лендровер» с радиостанцией, дальность действия которой позволяла держать связь с любой точкой страны. На той же прогалине находился главный лагерь костер, день и ночь тлели толстые бревна, а рядом с ним стоял под деревом связанный из жердей кухонный стол, громоздились кастрюли и сковороды, и стояла большая старая черная железная дровяная печка. У каждого из

нас был около палатки свой костер, каждый располагал личным поваром, но мы часто собирались все вместе у большого костра, принося с собой свою еду.

Личные палатки беспорядочно раскинулись в траве между деревьями по обе стороны прогалины, и по выбору площадки можно было судить о нраве ее обитателя. Ближе всех к прогалине стояла палатка Томпсона; в ней же хранились препараты для наркоза и шприцы, ружья и лекарства, а также его научные заметки. Ричард поставил свою палатку по соседству с палаткой Томпсона и прогалиной. Высокий, поджарый, живой, полный энергии объездчик с копной темных волос и пытливыми глазами, Ричард был протеже Томпсона; ему страшно нравился лагерный быт вообще, а отлов носорогов в особенности. Спроси вы его, чего он пожелал бы себе ко дню рождения, юный Ричард ответил бы: «Самолично отловить носорога». До сих пор ни Томпсон, ни Куце не позволяли ему выходить один на один против носорога, но Томпсон пообещал, что, может быть, разрешит в этом месяце, смотря по тому, как сложится обстановка и где будет выслежен зверь. Чтобы выйти на носорога, нужно потратить немало времени, сил и денег. К тому же дело это опасное, ошибаться нельзя. Ричард жадно впитывал все наставления и поставил свою палатку поближе к центру, чтобы ничего не упустить.

Намного дальше от прогалины среди высокой травы стояла палатка Невина. Застенчивый долговязый блондин, он был самым молодым объездчиком в отряде; говорил мало, даже у большого костра. Предпочитал слушать. Он вряд ли мог рассчитывать на то, что ему разрешат в этом году выйти один на один против носорога, и это его огорчало, однако он старался не показывать виду.

По другую сторону прогалины в густой траве разместилась стоянка Грэма Холла. Он устроился основательнее всех: две палатки и кругом плетеная ограда для полного уединения. В прошлом профессиональный охотник, он уверял, что только глупец чувствует себя неуютно в буше, Ровесник Томпсону и мне, он был пока лишь объездчиком, так как только недавно поступил на службу в управление. В буше чувствовал себя как дома, в его словах и поступках всегда был здравый смысл, и Томпсон и Куце полагались на него.

На изрядном расстоянии от палаток Холла, дальше всех от прогалины, находилась моя палатка. Я был наблюдателем и летописцем, — стало быть, меня не положено беспокоить, да и стук моей пишущей машинки не должен мешать остальным, если в конце дня у меня еще хватит сил за нее сесть.

За нашим холмом во все стороны простирались мопановые заросли, и другие холмы сплошной чередой тянулись до самого горизонта, где желтая трава и серые деревья мопани, сливаясь, становились розовато-лиловыми. В трех километрах начинался Мозамбик, там река Руйя меняла свое название на Луйя, и там, на холме у реки, стояла вежа, служившая пограничным знаком. Южнее базового лагеря находился загон для носорогов, ожидающих переброски за тысячу с лишним километров в заповедник Гона-ре-Жоу на самом юге страны, где можно было не бояться браконьеров. Загон был крепкий, надежный; ограда высотой три с половиной метра из толстых стволов мопани соединена проволокой с бревенчатым каркасом и разбита на четыре отсека. Чтобы войти в загон, надо было вытащить несколько бревен; точно так же открывался проход в отсеки, позволяя переводить носорога из одного отсека в другой. Строители загона потрудились на совесть. По соседству с загоном стояли огромный эвакуационный «мерседес» и другие грузовики, а также двухсотлитровые бочки с горючим, ввоз которого Великобритания якобы блокировала. Здесь же помещалась водовозная тележка с питьевой водой для нас и носорогов, а под брезентом лежали мешки с кукурузной мукой и земляными орехами, излюбленной пищей африканцев. Дальше раскинулся аккуратный лагерь следопытов, обеспеченных казенным снаряжением, еще дальше были видны очаги презирающих удобства местных рабочих — людей вождя Масосо. Километрах в шестидесяти пяти к юго-востоку от базового лагеря помещалась протестантская миссия; предполагалось, что миссионеры — единственные европейцы в этом районе.

Однако в конце того дня, когда прибыл запоздавший Томпсон — он только-только начал отходить от воспоминаний о следопыте, фотоаппарате

и неудачно насиженных яйцах, — мы услышали, как далеко за холмами Руйи, где мы намеревались выслеживать носорогов, рокочет могучий бульдозер, и Томпсон снова завелся. И не он один. На закате старина Норман Пейн прикатил за тридцать километров из своего лагеря на Руйе к нам, чтобы поделиться своим негодованием с Томпсоном. Старина Норман — загорелый брюнет невысокого роста, в очках — много лет работал объездчиком и упорно отказывался от повышения в должности, не желая променять буш на письменный стол; он был специалистом по браконьерам и рьяно их выслеживал. Когда-то он был также профессиональным охотником. Этот закаленный, приветливый немолодой мужчина крайне редко прибегал к сильным выражениям, но, говоря о бульдозере, не поскупился на брань. Вслед за Норманом из своего лагеря в двадцати пяти километрах приехал к нам в гости хозяин бульдозера, весьма обрадованный известием, что в округе появились европейцы. Мы угостили его пивом на истинно британский манер, потом расположились вокруг большого костра, чтобы поджарить себе мяса на лопате. Томпсон привез свежее мясо из Маунт-Дарвина, так как мы, с целью показать пример людям вождя Масосо, не стреляли дичь для своего котла; а на лопатах мы жарили потому, что в экспедиции у каждого, само собой, есть лопата и у лагерного костра жарить мясо на лопате куда сподручнее, чем на сковороде. И как только мы занялись этим делом, тут же взяли в оборот хозяина бульдозера. Томпсон откашлялся и сказал:

— И что это вам приспичило, старина, запускать здесь свой треклятый бульдозер в то самое время, когда мы пытаемся ловить носорогов?

— Я делаю то, что мне велено, — отпарировал удивленный гость.

— А я делаю то, что мне велено, — сказал Томпсон. — Велено ловить носорогов.

— Ну и ловите своих носорогов, — озадаченно произнес хозяин бульдозера. — Здесь достаточно места для нас обоих.

— В том-то и дело, что недостаточно, — возразил Томпсон, стараясь быть вежливым. — Как я буду ловить носорогов, если ваш треклятый бульдозер тарахтит так, что хоть уши затыкай?

— Но мой бульдозер работает в двадцати пяти — тридцати километрах отсюда! — Гость обиженно указал куда-то вдаль над костром.

— Дважды тридцать, и то было бы близко, — сказал Томпсон. — Звук отдается в холмах и распугивает носорогов, которых мы ищем.

— Ну и что, — оптимистически заметил гость с претензией на остроумие, — шум моего бульдозера заглушит ваши шаги.

Томпсон пронзил его взглядом. Мы все пронзили его взглядом.

— Сдается мне, старина, вы чего-то недопонимаете, — сказал Томпсон, изо всех сил стараясь быть вежливым.

— Я выполняю то, что мне велено. — Хозяин бульдозера прищурился. — Дороги необходимы, чтобы местные жители могли освоить свой край. Это дело Национальной Важности.

Все явственно услышали прописные буквы.

— А спасти от истребления носорогов — дело Интернациональной Важности, — ответил Томпсон, тоже с прописными буквами. — Вам известно, что вытворяет человек? Известно, что такие, как вы и ваши треклятые бульдозеры, вытворяют с природой и дикой фауной во всем мире?

— Это не мой бульдозер, — миролюбиво возразил гость. — Без Прогресса нельзя.

Опять прозвучала прописная буква.

— Да вы дайте мне сперва вывезти отсюда носорогов, — сказал Томпсон. — Потом можете толкать свой Прогресс хоть до Томбукту. Хоть до загробного мира, если надумаете.

— И когда дойдете до океана, — добавил старина Норман, — так вы уж, будьте любезны, не останавливайтесь.

— Прогресс? — процедил Грэм Холл. — Загрязнение среды!

Томпсон указал на безбрежную черноту буша за костром.

— В трех километрах отсюда начинается Мозамбик. Международное право не позволяет нам следовать за носорогами, если они перейдут границу. Верно?

Он повернулся ко мне.

— Верно, — поддержал его я, хотя память подсказывала что-то насчет права китобоев преследовать кита, уходящего из международных вод в территориальные. — Кстати, я по образованию юрист.

— У нас все на высшем уровне — возим с собой собственных юристов, — заметил Грэм Холл. — А наш к тому же еще и писатель. Такое про вас напишет, на весь мир последним негодяем выставит.

— А может одно государственное управление предъявить иск другому управлению? — зловеще осведомился старина Норман.

— Безусловно, — ответил я.

— Так тому и быть, — заключил Грэм Холл. — Подаем в суд и пишем статью для «Всемирных новостей».

— Зачем это? — уныло произнес хозяин бульдозера, взывая к нашей сговорчивости. — Пусть уходят к португальцам. Носороги принадлежат всем.

Его слова потрясли нас.

Томпсон все еще старался быть вежливым.

— Старина, как только они уйдут в Мозамбик, им конец. Португальские власти совсем не справляются с браконьерами.

— Почему непременно в Мозамбик? — Гость был против мрачных прогнозов, он так обрадовался, услышав о нашем появлении, приехал издалека с самыми дружескими намерениями, а тут такая встреча! — Может быть, они уйдут в ту сторону.

Он с оптимизмом указал на юг. Мы дружно покачали головой, но предоставили говорить Томпсону.

— Послушайте. — Томпсон откинулся в раскладном кресле, он кипел, однако старался не выказывать своих чувств хозяину бульдозера: как-никак гость и, что ни говори, такой же государственный служащий, как он сам. — Известно вам, во что обходится отлов одного носорога? Известно, во что обошлось правительству и великодушной общественности забросить меня с моими людьми и снаряжением сюда, чтобы мы переселили и спасли для человечества дюжину носорогов, чтобы их не замучили до смерти, и чтобы мир не остался без носорогов? Известно? Так вот, — продолжал Томпсон, стараясь не показывать гостю свой гнев, — отлов одного носорога обходится в триста фунтов стерлингов.

Гость не сдавался.

— А известно вам, во что обошлось правительству забросить сюда меня с бульдозером и всем снаряжением и бригадой рабочих, чтобы мы прокладывали дороги для развития края и

Национальной Экономики? — негодуяще спросил он, не забывая о прописных буквах.

— Послушайте, — снова сказал Томпсон, — дайте мне сперва вывезти носорогов.

— А мне что делать со своим бульдозером и рабочими, пока вы будете ловить носорогов? — осведомился гость.

— Сказал бы я, что тебе сделать с твоим бульдозером, — процедил Грэм Холл.

Мне было немного жаль нашего гостя. Еще один славный малый, которого судьба забросила в буш. Не его вина, что он занимается бульдозерами.

— Я делаю то, что мне велено, — повторил он.

— Я тоже. — Томпсон попытался улыбнуться.

Ну, как тут быть?

— Вот что, — сказал Томпсон, — я свяжусь по радио со своим министерством, а вы свяжитесь со своим, и пусть выясняют отношения между собой.

— На боксерском ринге, — попытался я сострить, сочувствуя хозяину бульдозера.

Глава вторая

Когда над холмистой равниной буша восходит огненно-красное солнце, высокая сухая трава сперва плывет золотисто-лиловыми волнами, потом наливается сочной желтизной, и мир удивительно тих и прекрасен. Раннее утро с длинными прохладными золотисто-лиловыми стелющимися тенями — лучшее время суток.

Мои палатки стояли метрах в ста от площадки Томпсона, и за высокой травой я не видел ее, но было слышно, как он говорит по радио о следах со стариной Норманом. Я крикнул Брайтспарку Тафурандике, чтобы он сварил кофе, но ответа не получил. Тогда я выбрался из палатки и, обогнув ее, остановился перед второй палаткой, которая играла роль столовой. Брайтспарк Тафурандика спал подле очага, завернувшись в брезент. Приготовленное им ложе из травы осталось нетронутым.

— Тафурандика!

Он сел — старик со щербатым ртом и воспаленными глазами. Вид у него был ужасный.

— Куда ты ходил ночью?

Брайтспарк Тафурандика одной рукой взялся за голову, другой указал куда-то вдаль.

— Уже выследил пиво!

До ближайших хижин африканцев был, наверно, не один километр, но Тафурандика безошибочно находил такие места, как верблюд находит оазис в пустыне. Он и внешностью смахивал на верблюда.

— Ты кто — скаменга? Какое там, ты — цоци! Еще хуже, ты сто раз цоци! Скажи сам, кто ты такой?

Я бранил его на языке чилапалапа.

— Я старый человек, — Брайтспарк Тафурандика обхватил голову руками. — Старый, немощный человек.

— Когда я нанимал тебя, ты уверял, что обладаешь силой буйвола, сердцем льва и глазами орла. А на самом деле у тебя только жажда лошади!

— Я сам не пью, — возразил Брайтспарк Тафурандика.

— Свари мне кофе, Лошадь Которая Не Пьет.

Я вернулся к своей палатке.

Когда служащий бюро по трудоустройству в Солсбери представил мне Брайтспарка Тафурандику, я спросил по-английски:

— Неужели у вас нет никого другого?

— Нкоси, — обратился ко мне Тафурандика на языке чилапалапа, — я лучший повар и бесстрашный охотник.

— Мы будем ловить носорогов, — сказал я ему. — Живьем. И у нас не будет свежего мяса.

— Ловить кого? — переспросил Тафурандика.

— Чипимбири, — ответил я.

— Мои дети еще только в школу ходят, — сказал Брайтспарк Тафурандика. — Мне надо их кормить.

И вот я пью кофе, а солнце лишь наполовину выглянуло из-за горизонта, и небо являет вид буйной красоты, оранжевые и красные мазки вторгаются в ясные, чистые, покойные серые тона ночи, и на темной западной синеве еще мерцают редкие звезды, и макушки серых деревьев мопани на западе чуть тронуты утренним золотом, и мопани к востоку от моей площадки только начали превращаться в объятые

пламенем черные силуэты на фоне ослепительной зари, и первые золотистые блики ложатся на лиловато-желтые верхушки слоновой травы, и в эту чудесную утреннюю пору, когда я в одной руке держу кружку кофе, в другой — сигарету, с площадки Томпсона доносится его голос:

— Чи-пим-биии-ри!

Я встаю со стула и кричу Брайтспарку Тафурандике, чтобы принес апельсинов, сую в карман горсть таблеток глюкозы, глотаю остатки кофе и спешу через высокую желтую траву к загонам и машинам. Солнце еще не вышло из-за деревьев. Слышно, как Томпсон песочит местных рабочих. Добежав до штаба, вижу, что рабочие карабкаются в высокий кузов пятитонного «мерседеса» под гневными взглядами Томпсона.

— Представляешь себе? — сердито говорит он мне. — Они всю ночь гуляли, пили пиво, ни один не спал.

Рабочие ухмыляются; в воздухе пахнет африканским пивом и застарелым потом.

Томпсон кричит на чилапалапа:

— Шевелись! Сегодня солнце задаст вам жару, ребятки! Сегодня вы проклянете ваше пиво! И учтите — когда у вас будут раскалываться головы, это вы сами виноваты, я тут ни при чем!

У Томпсона было паскудное настроение. Сперва злополучный следопыт, потом бульдозер, теперь это чертово пиво. Бен забирался в кузов не спеша. Бен — самый главный, лучший следопыт, личный следопыт Томпсона. Надвинув на глаза шляпу с обвисшими полями, он угрюмо попыхивал трубкой. У Бена всегда был угрюмый вид. Он редко говорил. Его дело было отслеживать зверя. Томпсон сердито глянул на него, но кричать не стал. Бен уселся в кузове спиной ко всем остальным и уставился в даль над головой Томпсона,

попыхивая трубкой. Знал, что хмель не хмель — он главный человек в отряде. Томпсон крикнул:

— И если кто из вас будет лодырничать сегодня, будет работать шалая-валяя из-за ибаббалаза — вечером пойдет в лагерь пешком, слово даю, и пусть его сожрут львы!

Большинство рабочих уже залезли в кузов и рассаживались на скамейках, пошатываясь из-за ибаббалаза — с похмелья; одних мутило, другие улыбались — кто сконфуженно, кто с пьяной беспечностью.

— Вы забыли, зачем мы здесь собрались? — кричал Томпсон. — Забыли, для чего вас наняли? Разве вы мужчины? Бабы, вот вы кто! Разве можно на вас положиться? Да вы хуже детей, честное слово!

Он метнул в них еще один грозный взгляд, повернулся, прошагал к кабине, залез в нее и хлопнул дверцей. Встав одной ногой на громадное заднее колесо, я перемахнул через борт в громадный кузов, где уже разместились рабочие, Грэм Холл, Ричард и Невин, и мощный мотор взревел. Избавленные от внимания начальства, африканцы весело тараторили. Было холодно, и в воздухе стоял резкий запах перегара и пота.

Солнце только-только оторвалось от золотистых крон, отбрасывающих длинные лиловые утренние тени, и в кузове тяжелого грузовика, который трясся по лесной дороге, было холодно. Холод проникал сквозь мои свитеры, черная кожа африканцев покрылась пупырышками, и в кузове уже не пахло потом. Тяжелый грузовик вздымал клубы пыли; золотистые и лиловые в утреннем свете, они вырастали позади нас и застывали в рассветном холодке. Рабочие, все еще под градусом, возбужденно переговаривались. Дорога вилась через буш вверх и вниз по склонам длинных холмов. Местами

нам встречались стоящие вблизи дороги краали: три-четыре крытых травой хижины из жердей, а между хижинами — утоптанная площадка и плетеная ограда для *момбе* — скота; глинобитный амбар для зерна, роющиеся в земле африканские куры, иногда несколько поросят и почти везде тощие псы; тлеющие кухонные очаги, женщины и дети, которые поднимали голову и несмело махали нам руками, удивленно взирая на нас и наш огромный грузовик, и мы махали в ответ, и наши рабочие кричали: «Мы едем ловить чипимбири!» — и смеялись, очень гордые тем, что восседают в кузове вздымающей пыль тяжелой машины, и почти все веселенькие после ночной гулянки. Но краали попадались редко, и по большей части нас сопровождал безбрежный густой серовато-бурый буш Африки, грунтовая дорога и снова буш — и небо, и утреннее солнце, и клубы пыли за машиной. В тенистых ложбинах было очень холодно, заметишь издалика холодную тень, и вот уже тебя обдало стынью и ты мечтаешь, хоть бы дорога на дне ложбины оказалась настолько скверной, что Мкондо, водитель грузовика, будет вынужден сбавить ход и на миг остановиться, переключая скорость, и на миг замрет холодное дыхание серой тени, и ты внезапно по контрасту ощутишь блаженное тепло; но блаженству приходил конец, как только машина начинала взбираться на противоположный склон. Но вот грузовик выскочил из ложбины на солнце, и, пока он набирает скорость, тело согревает внезапный поток золотистых утренних лучей, и ты благословляешь солнце, однако Мкондо прибавляет ходу, и солнце уже не спасает тебя от встречного ветра.

Мы поднимались вверх по длинному склону. Вдруг сидящий рядом со мной африканец по кличке Газолин поднял черную, покрытую гусиной кожей руку, и я увидел двух антилоп куду, самку и теленка.

— Ньяма! — крикнул веселенький Газолин.

Куду глянули на нас, потом большими скачками ринулись в буш и пропали.

— Вкусное мясо? — спросил я, стараясь перекрыть шум ветра.

— Ха! Очень вкусное! — Газолин радостно улыбнулся навстречу ветру. — Ньяма!

— И часто вы его здесь едите? — прокричал я.

— Ха! Очень часто! — похвастал Газолин.

— А их не трудно ловить?

— Ха! Совсем легко, кто знает способ! — продолжал хвастать Газолин, очень довольный собой.

— И как же ты на них охотишься?

— Я охочусь... — Газолин осекся, глядя на меня.

— Петли расставляешь? Или стреляешь из ружья?

— Нет, — ответил Газолин. — Просто мне они попадают мертвые.

— Так-так, — сказал я. — Вот и ты попался. Придется рассказать про тебя некому Томпсону.

— Они попадают мне мертвые, — сконфуженно повторил Газолин. — Слово даю.

— Так-так, — сказал я. — Даешь слово? Ха!

Между двумя полями, сухими и твердыми и алчущими дождя, «мерседес» свернул с одного проселка на другой, еще более неровный, и покатиł вниз по склону, сильнее прежнего подпрыгивая на колдобинах. Хотя солнце поднялось довольно высоко, было еще очень холодно. Над дорогой протянулись сучья, они все время норовили раскроить нам череп и сбросить нас с грузовика, и приходилось поминутно нагибаться в подпрыгивающем кузове. Краали пошли чаще, и опять нас провожали удивленные взгляды, и дети подбегали к дороге, улыбаясь и махая нам руками. «Мы едем ловить чипимбири живьем!» — весело кричали наши рабочие и смеялись, видя удивление местных жителей. Им очень нравилось, что люди с

недоумением глядят нам вслед; если кто и успевал что-то расслышать, все равно не мог поверить, что мы едем ловить чипимбири живьем; люди знали, что никто, даже и белые, не способен поймать чипимбири живьем.

Через густой буш грузовик спустился по длинному бугристому склону к пересохшему руслу, и Мкондо включил передний привод тяжелого «мерседеса», и колеса взрыли сухой белый песок, и в облаках сухой пыли мы вприпрыжку пересекли русло и вырвались на крутой сухой берег, где были видны следы «лендровера» Нормана, и с грохотом, ревом и треском, вздымая пыль, затряслись вверх по противоположному склону, и Мкондо выжал до отказа газ, чтобы не потерять скорость, и мы крутились между деревьями и пригибались под нависающими сучьями. Солнце поднялось достаточно высоко, но в тряском кузове грузовика все еще было холодно; дальше мы спустились по длинному голому обугленному склону, где местные жители выжгли кустарник, расчищая землю под пашню, и на дне широкой, пологой долины увидели реку Руйю, увидели каменные плиты, светлые струи, зеленый камыш и лагерь старины Нормана на берегу. «Мерседес» въехал по ухабам в лагерь, и старина Норман — сам смуглый, костюм защитного цвета — подошел к нам по золотистой траве, усатый, приветливый, уравновешенный.

— С добрым утром, с добрым утром! — сказал он.

Африканцы вылезли из кузова, все еще под градусом, и расселись на корточках вокруг большого костра под развесистым деревом. Мы подошли к костру старины Нормана у реки и стали греться у струек теплого дыма на солнышке, и повар подал нам кружки с чаем, и старина Норман рассказал Томпсону, какие следы удалось обнаружить ему и его следопытам. Старина Норман прирос душой к носорогам. Кругом полно следов, говорил он, и ночные есть и вчерашние,

но самое главное — чудесный сегодняшний след. В четырех километрах отсюда. По меньшей мере, два детеныша, один совсем маленький, от силы месяц ему. Один очень крупный самец.

Радиостанция в «лендровере» старины Нормана была включена, и мы слышали, как Национальный парк Уанки докладывает Управлению в Солсбери о замеченных браконьерах.

— Гады! — сказал Томпсон.

— Я тут тоже к браконьерам подбираюсь, — поделился старина Норман.

— Ну и? — поинтересовался я.

— Дайте срок. Пусть думают, что я недотепа.

— Ружья или петли? — спросил я.

— Все на свете. Через два года на Руйе ни одного зверя не останется, — заключил старина Норман.

— Поймай этих гадов, — сказал Томпсон, — непременно поймай!

Мы допили чай.

— Начали, — сказал Томпсон.

Мы шагали друг за другом по неровным сухим золотистым склонам; первым шел следопыт, ведя нас туда, где он обнаружил самые четкие следы, за ним Томпсон, дальше Ричард, за ним Грэм, за Грэмом Невин, за Невинем я, дальше рабочие с ружьями, радиостанцией, веревками, питьевой водой и топорами. Местность была бугристая, сильно пересеченная. Через час следопыт остановился и указал рукой на землю; мы окружили его, внимательно глядя под ноги, и увидели след.

— Это первый, — сказал следопыт.

Мы нагнулись, изучая след. Солнце начало припекать, и все мы покрылись испариной. На пятачке мягкой земли чуть заметной серповидной ямкой отпечаталось носорожье копыто и сразу за ним — морщинистый узор подушечки.

— Левый палец.

Томпсон поднял с земли прутик, обвел след в виде трилистника чертой, и нашим глазам явственно предстал отпечаток всей ноги.

— Кунене? — Томпсон посмотрел на Бена. — Утренний?

Бен кивнул. Он стоял с безразличным видом, отдыхая, попыхивая трубкой, тощий, старообразный. Страдал ли он от похмелья? По лицу не скажешь.

— А где второй след?

— За холмом, — показал рукой следопыт. — Километра три будет.

— Ясно. Пойдем по первому следу.

Часы показывали восемь.

Глава третья

Жара, слепящее бело-голубое полуденное небо безоблачно, редколесье буша не очень-то жалуется тенью. Сквозь резиновые подметки ощущаем жар каменистой твердой земли, жаркий, сухой, неподвижный воздух обжигает кожу, пышут жаром бурый и серый буш и высокая сухая желтая трава, и до самого края бело-голубого неба нескончаемой чередой ткнутся лиловые бугры и серые гряды скал. Плохая местность для поиска. Следопыты рассыпались цепочкой, поделив участки. В который раз мы потеряли след. Большая стая бабуинов пересекла нам путь и затоптала след носорога. Мы прошли порядочный конец по холмам и оврагам, петляя и кружа, пересекая собственные следы. Этот носорог оказался изрядным бродягой. Каждый знак в книге природы требовал внимания — примятая земля, сдвинутый камешек, растоптанный сухой лист, сломанный прутик на высоте полутора метров, где носорог закусывал на ходу.

Говорить разрешалось только шепотом. Мы шли редкой цепочкой, разбросанной на сотни метров, не видя крайних. Даже яркие рубашки пропали бы из виду, а защитная одежда и подавно. Носильщики остались где-то позади под деревом, ожидая, когда мы что-нибудь обнаружим. Я шел за Беном. Воспаленные глаза

на бесстрастном старообразном лице, голова под казенной войлочной шляпой с обвисшими полями чуть наклонена, трубка почихивает. Сзади на поясе болтается оловянная фляга с водой. Худые черные икры, казенные ботинки, защитные гетры. Я шел за Беном, потому что он был лучший среди следопытов, стараясь учиться у него, совершенствоваться в поиске. Сам я сдался бы давным-давно. Одно дело приметить след, совсем другое — истолковать его. Давность следа я мог определить только в самых очевидных случаях. Увидев сдвинутый камень, я тихонько шлепнул себя по бедру, привлекая внимание Бена, и показал на землю. Его воспаленные глаза небрежно скользнули по камню.

— Зуро, — сказал он. — Вчерашний.

Вчерашний? Нижняя сторона камня вроде бы совсем свежая. При таком солнце след вполне может быть сегодняшним.

— Почему? — спросил я шепотом.

— Зуро, — повторил Бен.

Я шел сбоку от него в десяти метрах, немного отставая, чтобы не наступить на какой-нибудь след, прежде чем он его увидит. Снова знак: распластанный лист и на земле рядом с ним метина от копыта. Я шлепнул себя по бедру. Бен подошел. Глянул и отвернулся, ничего не сказав.

— Зуро? — Я присел, всматриваясь.

Как определить, когда на мертвый сухой лист наступил зверь — сегодня утром или вчера? Да при таком солнце! Пусть маленькая метина от пальца смазана, так ведь земля сухая и твердая. Ну, ладно. Послышался свист цесарки — такой же звук получается, когда человек свистит, приставив палец к губам, и я поднял голову и подумал: «Слава Богу». Свист донесся в долину с севера, сверху. Мы двинулись в ту сторону.

Из зарослей в ста шагах к югу от нас вышли Томпсон и следопыт по имени Ньямби, направляясь туда, откуда

прозвучал сигнал. Только бы не Калашака оказался счастливым. Калашака — рабочий, который нес блокноты, — воображал себя следопытом, хотя смыслил в этом деле не больше моего. Сближаясь, мы шли на свист по высокой жаркой траве. Так и есть — Калашака, и лицо его выражает радость. Ричард и Невин уже подросли и изучали след.

— Зуро, — презрительно произнес Томпсон.

Калашака повесил голову. Подошел Бен, нагнулся, упершись ладонью в тощее колено, и посмотрел на след. Маленькая царапина на твердой земле.

— Кунене, — сказал Бен. — Утренний.

Томпсон поглядел на него:

— Зуро.

Бен чуть заметно качнул головой.

— Уверен, что вчерашний, определенно, — настаивал Томпсон.

Бен уже шагнул дальше, повернувшись спиной к нам, искал продолжения следа. Калашака сиял, довольный собой. Томпсон все еще сидел на корточках, изучая метину.

— Ты уверен, Бен?

Бен только крякнул, стоя к нам спиной в восьми шагах и всматриваясь в землю.

— По-моему, след вчерашний, — сказал Грэм.

Невин ничего не говорил. Я тоже воздержался от высказываний. Только подумал: хоть бы Бен оказался прав. Томпсон выпрямился.

— Думаю, он прав. Бен всегда прав.

Бен, Ньямби и Калашака уже рассыпались цепочкой под знойными лучами солнца по сухому склону в двадцати шагах от нас. Казалось, даже затылок Калашаки сияет. Мы тоже рассыпались и последовали за ним.

Вниз по склону, через глубокую ложбину, вверх по другому склону, вниз к реке, вдоль реки, вверх по холмам, через высохшее русло, опять вверх по холмам, и всю дорогу жара и сушь и твердая земля. Встречались другие следы, но все зуро, вчерашние. Мы видели свежие следы льва и антилоп куду и импала, но все следы носорога, за исключением того, по которому мы шли, были вчерашние. Свежий навоз нам не попадался. Мы много раз теряли след. Нашли место, где носорог отлеживался во время полуденного зноя, — пыльная яма у муравейника под деревом, а на пыли отпечатки кожных складок. Он и вчера тут отлеживался. Дальше след повел нас вверх через холм и вниз через крутой овраг и опять вниз через второе высохшее русло. Не зверь, а непоседа какой-то. Мы уже отшагали километров тридцать с хвостиком, петляя туда-сюда. Томпсон винил во всем бульдозер, который рокотал в двадцати пяти километрах. Звук отдавался в холмах. Одиноким самец обычно не бродит вот так по всей округе. Иное дело — самка с детенышем, которого она оберегает, но самцам это несвойственно. Томпсон был в отвратительном настроении, все его злило: подвыпившие рабочие, бульдозер, местность, пропадающий след.

— Давай-давай, найди его!

От второго пересохшего русла след повел нас по сильно каменистому склону на крутые бугры. Находить метины становилось все труднее, и все они казались старыми. Похоже было, что мы потеряли свежий след и идем по вчерашнему. Вчерашних следов кругом было хоть отбавляй. А местность для преследования очень тяжелая. А тут еще эти бабуины успели побегать взад и вперед.

— Вчерашние, сегодняшние и завтрашние следы, — ворчал Томпсон.

Он вскарабкался на верх бугра, потом спустился широкими шагами.

— Это треклятый бульдозер спугнул его. Наверху слышно, как он тарахтит. Ясное дело, носорог повернул обратно.

Мы пошли назад, пересекая вчерашние, сегодняшние и завтрашние следы и отпечатки ног бабуинов. Надо думать, носорог подался в противоположную сторону от бульдозера, вниз к пересохшему руслу. Рассыпавшись по склону, мы направились к руслу, ища приметы. Осмотрели длинный, неровный, сухой, поросший кустарником берег. Спустились в русло. Никаких следов.

Томпсон остановился, отыскав клочок тени. Посвистал на манер цесарки, и мы все побрели к нему. Бен стоял на береговом уступе и глядел на нас сверху воспаленными глазами.

— А все твоё ибаббалаза, проклятое похмелье, из-за этого мы след потеряли, — сказал Томпсон.

Мы все обливались потом.

Бен молчал. Томпсон едва сдерживался. Ему здорово осточертело это бесплодное хождение.

— Твое счастье, что ты работаешь не с нкosi Норманом. Уж он-то задал бы тебе взбучку. У меня слишком доброе сердце.

Бен молчал.

— Что, кисло тебе?

Бен чуть заметно дернул одним плечом, стоя на береговом уступе.

— Тебе известно, сколько денег мы потратили впустую сегодня? Денег из тощей государственной казны?

Бен молчал. Бену было в высшей степени наплевать на тощую государственную казну.

— Сколько выброшено денег, которые собраны с бедных налогоплательщиков вроде меня? — не

унимался Томпсон.

Бену было в высшей степени наплевать на налогоплательщиков тоже. Он стоял с безучастным видом.

— Уже три часа, — корил Томпсон Бена. — Мы отшагали тридцать километров. До сумерек осталось всего два часа. А мы даже след потеряли.

— Я найду его, — донесся сверху бесстрастный голос Бена.

— Ступай. — Томпсон сверлил его взглядом. — Ступай и найди. Возвращайся к вчерашней, сегодняшней и завтрашней лежке, где мы потеряли след. И не приходи, пока не найдешь. И пусть ибаббалаза хорошенько помучит тебя.

Бен безучастно повернулся, чтобы идти. Ньямби присоединился к нему.

— Бен! — позвал Томпсон.

Бен остановился и повернул голову.

— Может быть, передохнешь?

Бен чуть заметно мотнул головой. Отвернулся и зашагал вверх по склону в буш — черный, тощий, невозмутимый человек в защитной одежде и мятой шляпе. Бесстрастно попыхивая трубкой.

Мы расселись на песке. Невыспавшиеся рабочие растянулись рядом с нами. В воздухе пахло перегаром и потом, рабочим было кисло.

— Роджер-Роджер! — позвал Томпсон. — Радио.

Носильщик открыл глаза и тяжело поднялся. Радиостанция висела у него за плечами в брезентовом чехле. Держась тени, он добрал до Томпсона и с облегчением опустился на землю спиной к нему, чтобы Томпсон мог заняться своим делом.

— Антенна, — сказал Томпсон.

Рабочий с антенной уже стоял рядом, сумрачный от похмелья. Томпсон подключил антенну к радиостанции

на спине Роджера-Роджера. Вытер шляпой потное лицо, включил питание, взял микрофон.

— Ф-фу, — сказал он сидящему перед ним Роджеру-Роджеру, — и разит же от тебя.

Роджер-Роджер смущенно улыбнулся нам.

— И чем только вы заправляете свое пиво? — ворчал Томпсон.

Роджер-Роджер виновато ухмыльнулся.

Томпсон смирился с запахом перегара, щелкнул тумблером передатчика и монотонно затянул:

— Четыре-один, четыре-один, четыре-один, четыре-один, четыре-один, передвижка, прием.

Переключился на прием, и мы все прислушались.

Раздался писк, потом щелчок, и через холмы до нас донесся голос старины Нормана:

— Четыре-один, слышу на тройку. Прием.

— Понял, Норман. — Томпсон устало вздохнул. — Мы находимся в каком-то чертовом русле, это... — он посмотрел на солнце, — к юго-западу от твоего лагеря. Километров двадцать пять. Как понял? Прием.

— Понял, вы находитесь в русле примерно в двадцати пяти километрах к юго-западу от меня. Прием.

Рабочие смотрели на радиостанцию как зачарованные и внимательно слушали, хотя не понимали по-английски.

— Не знаю, как уж это вышло, но только все эти носороги, которых ты привязал к дереву за хвост, разбежались кто куда. Думаю, их напугал бульдозер. Прием.

— Понял. Окаянный бульдозер, — ответил старина Норман. — Прием.

— Понял. Так или иначе, мы пошли по первому следу, который показал нам твой следопыт. Но очень уж плохая местность для преследования, сплошные камни. И носорог все время был в движении из-за этого

бульдозера. Ну и мы весь день за ним тащились. Пока совсем не потеряли след — очень уж местность паршивая, а тут еще эти бабуины с цесарками туда-сюда бегают. Как понял? Прием.

— Понял, надо что-то придумать с бульдозером. Прием, — сказал старина Норман.

— А у тебя какие новости? Прием.

— А такие, что на меня под вечер напал носорог.

Посмеиваясь, мы слушали мягкий деловитый голос старины Нормана.

— Еду это я, никого не трогаю, вдруг смотрю — стоит приятель в кустарнике метрах в ста. Останавливаю машину, выхожу. Тихо-тихо подкрадываюсь поближе, чтобы хорошенько разглядеть его, вижу — хорош, очень хорош, вдруг ветер меняется, носорог чует мой запах, поворачивается, видит меня и идет в атаку. Как слышно? Прием.

Мы жадно слушали.

— Понял. Ну, а ты что? Прием.

— Стремглав на дерево полез, что твоя белка. Прием.

Мы дружно расхохотались.

— А дальше? Прием.

— А дальше он атаковал мое дерево. Отдубасил его как следует. Попыхтел, посопел, потом убрался. И я тоже убрался. Но до чего же хорош самец! Прием.

Мы расхохотались.

— Куда он подался? — спросил Томпсон. — Прием.

— Куда-то в вашу сторону, на северо-восток. Прием.

— Ясно, будем смотреть в оба. А вообще-то скоро к тебе двинемся. Что-нибудь еще? Прием.

— Больше ничего, только привези мне носорога. Прием.

— Понял, — ответил Томпсон. — Ты там тоже, как увидишь опять носорога, хватай его за хвост и вызывай

нас по радио. Четыре-один, передвижка связь кончает, все.

Он выключил рацию и повернул к нам приятное, подрумяненное сеянцем, взмокшее лицо с кукольно-голубыми глазами:

— Хотел бы я посмотреть, как он там на дереве болтался.

И открыл антенну, довольный, что не надо больше терпеть соседство взопревшего Роджера-Роджера.

— Пума, — сказал он. — Порядок.

Роджер-Роджер поднялся на ноги.

— Постой, — остановил его Томпсон. — Тебя как звать?

— Роджер-Роджер.

— Да нет, по-настоящему.

— Сикспенс, — ответил Роджер-Роджер.

— Так вот, Сикспенс, — сказал Томпсон. — Твой лучший друг никогда тебе этого не скажет, но я-то вряд ли стану когда-нибудь твоим лучшим другом, а потому прошу тебя, сделай мне одолжение, искупайся сегодня вечером. Правда, искупайся.

— Йебо, нкоти, — улыбнулся Роджер-Роджер. — Хорошо!

Рабочие дружно рассмеялись.

— Потому что, если и завтра от тебя будет так разить, придется мне спасаться на дереве.

Рабочие оценили его остроумие, на черных лицах засверкали белозубые улыбки. Роджер-Роджер с радиостанцией на спине отошел в сторону, с облегчением лег на живот и закрыл глаза.

Я окликнул водоноса. Он сидел с закрытыми глазами, привалившись спиной к камню. Тяжело поднялся, подошел и подал мне влажный брезентовый мешок с водой. Я вытащил пробку и стал пить. Делал большие глотки и старался подольше задерживать воду во рту, но она сама проскальзывала в горло — отличная

прохладная вода с привкусом брезента, который напомнил мне все те многочисленные случаи, когда я, весь взмокший, разгоряченный, в буше пил воду из брезентового мешка. Вода пахла Африкой.

— Спасибо. — Я вернул мешок с водой Гунга Дину, он передал его Ричарду, и тот припал губами к отверстию.

— Калашака! — позвал Томпсон.

Калашака открыл глаза, поднялся и, тяжело ступая, подошел к Томпсону.

— Растительность, — сказал Томпсон.

Калашака достал из кармана блокнот и ручку и подал Томпсону. Вытащил из другого кармана пучок прутиков — образцы кустарников, которыми кормился носорог. В обязанности Калашаки входило подсчитывать, сколько раз носороги откусывали побеги того или иного куста, чтобы можно было определить характер их питания. Калашака поочередно показывал прутики, Томпсон записывал латинское наименование, и Калашака говорил:

— Шесть, четырнадцать, девять...

Я спрашивал себя, как он ухитряется все запоминать, тем более после такой ночи? Да нет, скорее всего, ничего он не запоминает, просто называет вымышленные цифры, чтобы Томпсон был доволен.

Но у Томпсона был отнюдь не довольный вид. Мы сидели и ждали. Рабочие дремали, закрыв глаза.

— Значит, так, — сказал Томпсон. — Пойдем, поможем Бену.

Солнце склонилось к горизонту. Еще час от силы, и будет темно. Бен отыскал след, ведущий от вчерашней, сегодняшней и завтрашней лежки. Мы шли по следу на запад, шли цепочкой, теряя след и снова находя его. Томпсон нетерпеливо рыскал по бушу: если через полчаса не выйдем на носорога, будет поздно. И целый

день насмарку. Местность была все такая же тяжелая, сильно пересеченная, каменистая, след то покажется, то пропадет.

— Вперед, мадода! Найдите его, ребята!

На высокий холм, вниз по крутым скалам, в овраг. Из оврага вверх по крутому склону, на вершину холма, и внезапно Бен вскинул руку, похлопал себя по бедру, подавая сигнал «стой!», показал пальцем. Он! *Diceros bicornis* — черный носорог. Высотой в рост человека, вес около тонны, вооружение убийцы.

Он стоял в семидесяти метрах от нас. Услышал что-то, но нас не заметил и не учуял нашего запаха. Насторожился: голова поднята, длинные трубки ушей поворачиваются во все стороны. Вот резко повернулся, всматриваясь и сердито дергая ушами. Томпсон знаком велел подать обездвиживающее ружье, и носильщик, пригибаясь, подошел к нему. Рабочие тихонько отступали к деревьям за нашей спиной, каждый взял на прицел определенное дерево. Всего полчаса до темноты... Томпсон выдернул из шляпы заряженный шприц, засунул его в казенник, подпер холостым патроном и закрыл затвор. Ричард, волнуясь, тоже заряжал обездвиживающее ружье. Невин изготовился прикрывать Томпсона винтовкой; незавидная роль — ведь не исключено, что, застрели кто-нибудь носорога, спасая жизнь Томпсона, Томпсон убьет спасителя. С ружьем наготове Томпсон начал подкрадываться к носорогу. Вниз по склону, в овраг, укрываясь за кустами и травой, пригибаясь, внимательно глядя себе под ноги. Мы молча провожали его взглядом, замерев на месте. Каждый рядом с облюбованным им деревом.

Носорог стоял настороже, беспокойно шевеля ушами. Фыркнул, сердито повернулся кругом, свирепо озираясь. Он догадывался, что происходит что-то, но не знал, что именно. Томпсон остановился, сунул руку в карман и вытащил кисет с пеплом, чтобы проверить

направление ветра. Встряхнул кисет, и легкое облачко пепла поплыло в воздухе на него. В сторону от носорога. Добро. Кусты закрывали Томпсона от зверя. Мы видели их обоих. Смотрели, затаив дыхание, никто не шелохнулся.

Томпсон крадучись спускался в овраг. Пятьдесят пять метров отделяло его теперь от стоящего на противоположном склоне носорога. Слишком далеко еще для обездвиживающего ружья. Зверь фыркнул, развернулся кругом, свирепо озираясь, — голова поднята, уши беспокойно вертятся. Он что-то услышал. Томпсон замер. Носорог опять с фырканием повернулся и воззрился в другую сторону. Томпсон снова встряхнул кисет с пеплом. В пронизывающих листву золотых лучах вечернего солнца поплыли серебристые хлопья. Теперь они плыли под другим углом, ближе к носорогу.

Окаянный ветер переменился. И перемена становилась опасной. Еще немного, и зверь учует нас. Я чертыхался про себя. Томпсон стоял неподвижно. Носорог фыркнул, развернулся кругом, направив уши вперед и задрав кверху рог, сердито сделал пять шагов в сторону Томпсона, высматривая жертву. Томпсон стоял как вкопанный.

Все замерли, застыли, окаменели.

Носорог свирепо посмотрел на укрытие Томпсона, потом повернулся кругом и уставился в другую сторону. Я перевел дух. Томпсон стоял как вкопанный. Потом встряхнул кисет. Ветер переменился в лучшую сторону. Будь местность удобнее, Томпсон, наверно, — нет, несомненно — зашел бы с другого бока. Спустился бы по ветру, обходя зверя, потом стал бы подкрадываться против ветра. Но овраг есть овраг, и до темноты оставались считанные минуты. Если Томпсону сейчас не удастся обездвижить носорога, в темноте мы окончательно потеряем след, а тут еще этот окаянный ветер. Томпсон осторожно двинулся вниз по склону.

Теперь не больше полусотни метров отделяло его от зверя. Чтобы сблизиться еще, надо спуститься на дно оврага и подняться на противоположный склон. Но там не будет укрытия. И ни одного подходящего дерева, чтобы влезть на него, если зверь пойдет в атаку. Будь здесь Куце, его бы это не остановило. Поль Куце прокрался бы на противоположный склон, выскочил бы из укрытия прямо перед ошарашенным зверем, всадил бы в него шприц с пятнадцати шагов и финтом ушел бы от яростной атаки, но ведь Поль Куце — легенда, отчаянная голова. Один из лучших охотников во всей Африке, но отчаянная голова — или храбрец, или еретик, или как еще назвать человека, который идет на носорога с каким-то там обездвиживающим ружьем, вместо того чтобы улепетывать от него. Томпсон тоже был знатный охотник, но держался в рамках. Слишком часто подвергался он атакам носорогов, чтобы не испытывать к ним величайшего почтения. Один яростный бросок — и человеку конец, пролетит десять метров по воздуху и застрянет на колючем дереве с распоротым животом. Томпсона отделяло пятьдесят метров от носорога, стоявшего по ту сторону оврага; предельная дистанция для обездвиживающего ружья. «Пора стрелять, — подумал я. — Да только сможет ли он как следует прицелиться из-за густого кустарника». Томпсон поднес приклад к плечу. Добро! Носорог фыркнул, развернулся и злобно уставился на укрытие Томпсона.

Томпсон замер, не опуская ружья. Зверь стоял, подняв грозную голову, направив уши вперед. Томпсон целился в него. Но курка не нажимал. Видимость его не устраивала. Любая ветка, любая травинка отклонит в сторону шприц. И зверь уйдет. Пойдет ли в атаку или обратится в бегство — в обоих случаях уйдет. И целый день насмарку. Томпсон замер, а зверь свирепо глядел в его сторону, и мне почудилось, что я вижу, как мышцы

ловца начинают дрожать от напряжения. Носорог фыркнул и повернулся вполоборота.

Ему что-то послышалось, и он повернулся, высоко держа голову с грозным рогом и направленными вперед ушами, и подставил охотнику свой здоровенный бок. Томпсон с ружьем наготове молниеносно переместился на три шага вниз по склону, ища окошко в кустарнике, нашел окошко, и зверь услышал и повернулся мордой к нему и яростно наклонил голову, готовый истребить все на своем пути, и Томпсон выстрелил.

Томпсон спустил курок, хлопнул пороховой заряд, и шприц полетел по воздуху. Он полетел через овраг так быстро, что глазом не уследить, и все напряглись, готовясь карабкаться на облюбываемые ими деревья; упреждая реакцию разъяренного зверя, шприц пролетел над оврагом — и шлепнулся на землю в пяти метрах от носорога. Недолет! Окаянный шприц не долетел! Никудышный порох! После целого дня — ведь мы вместе с подгулявшими следопытами целый день путались во вчерашних, сегодняшних и завтрашних следах, когда вот-вот стемнеет, на тебе — недолет! Я представлял себе, как чертыхается Томпсон. А носорог хоть бы что. Яростно фыркнул и развернулся, поводя ушами, высматривая врага. Но не обратился в бегство. Не атакует и не убегает — знай, стоит, злобно фыркая, и высматривает жертву; не убегай, ради Бога, не убегай! Господи, дай Томпсону перезарядить ружье! Томпсон выдернул из шляпы другой шприц и стал перезаряжать, и я представлял себе, как он проклиная пороховой завод, шприц, носорога, приближающуюся темноту, следопытов и молит Бога, чтобы носорог не убежал, только бы не убежал, только бы дал перезарядить; и носорог снова круто повернулся и наклонил голову, вертя ушами и свирепо фыркая. Наконец ружье перезаряжено, Томпсон упирает приклад в плечо, и зверь таращится прямо на его

укрытие, и Томпсон спускает курок, и мы слышим звук выстрела. И окаянный шприц опять шлепается на землю.

Вспышка смертоносной ярости — носорог, злобно фыркая, с опущенной головой, рывком разворачивается, ищет свирепым взглядом, кого бы истребить. Но, главное, он не убегает, слава тебе, Господи. Крутится, фыркает, мотает могучей головой и опять фыркает, и роет ногами землю, обуреваемый жаждой разрушения, но, слава Богу, не убегает. Одному Господу известно, почему этот зверь не убежал и не пошел в атаку, а только пыхтел и сопел, ненавидя весь мир, распираемый жаждой убивать, но в любую секунду он мог передумать и обратиться в бегство, и тогда целый день насмарку из-за такого-сякого порохового завода; ради Бога, не убегай, ради Бога, продолжай пыхтеть и сопеть, дай бедному, взопревшему, чертыхающемуся Томпсону еще раз перезарядить. В тускнеющих золотистых лучах — покрасневшее от злости лицо, зеленоватая защитная одежда — Томпсон, проклиная все на свете, лихорадочно перезаряжал, остался

последний шприц, и если этот окаянный патрон тоже не потянет... Он яростно вскинул ружье к плечу, и зверь бешено развернулся мордой к нему, и Томпсон прицелился, Господи, хоть бы на этот раз прицелился повыше, чуть ли не в макушку взбешенного зверя на случай, если опять попался дрянной патрон, и спустил курок. И шприц полетел через овраг.

Он летел как стрела и вонзился прямо в лоб носорогу. В ту же секунду раздался улаждающий слух щелчок детонатора, и шприц с силой впрыснул препарат М-99 в тело носорога, и носорог взревел и пошел в атаку.

Сотрясая землю, гулко и яростно фыркая, шло напролом в атаку могучее черное чудовище, весом в тонну, высотой в рост человека, с длинным смертоносным рогом, голова поднята, уши направлены вперед, скатилось в овраг и пропало из виду, но мы отлично слышали топот, и носорог выскочил, огромный и грозный, на наш склон и мимо укрытия Томпсона помчался прямо на нас, и мы бросились сломя голову к облюбленным нами деревьям. Хватайся за ствол, цепляйся, карабкайся вверх, черт с ними, с ногтями, черт с ними, с глазами, только, ради Бога, повыше, подальше от зверя, который мчится с грохотом, с фырканием, бешеный, тяжелый, могучий, с налитыми кровью свирепыми глазами, ломится с треском через кусты, поблескивая торчащим во лбу серебристым шприцем, страстно желая кого-нибудь убить; он видел, как мы бросились к деревьям, и каждый думал: изо всей нашей братии этот стервец с самого начала именно меня наметил истребить, и носорог гулко, яростно фыркнул, свирепо вращая налитыми кровью пороссячьими глазками, и могучая голова на бычьей шее угрожающе наклонилась, и зверь с грохотом, с фырканием пошел на мое дерево, и я постарался влезть еще выше, а он повернул огромную голову и с ходу

пырнул рогом ствол, и дерево закачалось, и я цеплялся изо всех сил, а он уже бешено топал дальше. Голова поднята, глаза ищут — кого истребить; и, пробегая между деревьями, на которых висели носильщики и следопыты, он боднул еще одно дерево, оно закачалось, но висевший на нем африканец держался за ствол мертвой хваткой, и носорог с грохотом помчался дальше. Вырвался из нашей кущи, протопал вверх по склону холма и пропал из виду.

Мы слезли с деревьев, и все улыбались, и всем не терпелось, смеясь, поздравить друг друга и сказать: вот это носорог, великолепный носорожище, и надо же, два никудышных патрона подряд, сразу два, чтоб им пусто было, и как это он не побежал после первого промаха, и повезло ж нам, черт возьми, но какой же великолепный носорог! Томпсон подозвал носильщика с радиостанцией, и Роджер-Роджер подошел, рот до ушей, и Томпсон связался со стариной Норманом и сообщил ему, что есть попадание и мы сейчас пойдем по следу, и Норман очень обрадовался.

До темноты оставалось меньше получаса.

Глава четвертая

Двадцать минут требуется препарату М-99, чтобы свалить носорога. За это время он мог уйти на три, пять, семь километров, а то и дальше. Быстро смеркалось. Мы шли по следу через холм, впереди шагали Бен, Ньямби и Томпсон. Поначалу все было просто, но за следующим оврагом на противоположном склоне опять пошла трудная местность, мы запутались в старых следах и потеряли нужный.

— Найдите, — требовал Томпсон. — Найдите его!

Мы рассыпались цепью, обшаривая глазами землю, искали все, кто мнил себя следопытом.

— Найдите!

След нашел Бен; он хлопнул себя по бедру ладонью, мы повернули и поспешили за ним. Вниз по каменистому откосу, через сухое русло, через густые заросли рваным строем вверх по длинному склону, через гребень холма, и вот уже километра три отмерили. Свет убывал с каждой минутой. Следопыты с трудом различали след. Пора бы уже находить признаки того, что зверем овладевает дурман: сломанные кусты, где он на них напоролся, вмятины на земле, где он падал, — однако мы ничего такого не видели. «Не за тем носорогом идем», — подумалось мне. Наш носорог, наверно, уже свалился в зарослях

неподалеку отсюда, а у нас осталось каких-нибудь десять минут на то, чтобы отыскать его. Через десять минут будет слишком темно, и он пролежит без сознания пять часов, потом очнется и побредет дальше, и придется нам все начинать сначала, если только львы не доберутся до него, пока он пребывает в забытьи.

— Живей!

Но следопыты физически не могли действовать быстрее.

Мы чуть было не проскочили мимо носорога, но Ричард увидел его в скупом свете заката. Зверь стоял в стороне от нашего пути, почти совсем одурманенный, уронив голову. Ричард хлопнул себя по бедру и показал: вот он. В золотисто-лиловой траве на склоне — могучий черный доисторический зверь. Над травой виднелись только спина и опущенная голова. Великолепный носорог. Мы здорово потрудились сегодня и чуть его не потеряли и все-таки настигли.

— Тамбо! — прошептал Томпсон. — Веревки.

Схватил веревки, сделал всем знак, чтобы не подходили, и осторожно двинулся вниз по склону.

Зверь еще не был полностью обездвижен. Он все еще был опасен. Все еще в состоянии, преодолевая дурман, броситься в атаку и выпустить кишки Томпсону. Ветер, довольно сильный закатный ветер, был благоприятным для ловца, и Томпсон, не мешкая, спускался по траве, держа наготове веревки. Мы притаились на верхушке скалы, следя за происходящим.

Я увидел, как дернулись уши зверя, потом голова поднялась. Томпсон остановился. Он стоял за спиной носорога, шагах в двадцати. Веревки наготове. Снова тронулся с места, сделал шаг, второй, и тут зверь развернулся мордой к нему.

Зверь развернулся к нему с гулким, тревожным, яростным фырканием, готовясь к бешеной атаке, а

рядом с ним возник детеныш, и это был не тот носорог, черт бы его побрал! — и Томпсон обратился в бегство. Повернул кругом и бросился наутек, крича: «Не тот носорог!» — и мы вскочили, чтобы бежать к деревьям. Всеобщая суматоха, и Томпсон мчится обратно, вверх по склону, крича: «Не тот носорог!» — и позади него разъяренная носорожиха сделала ложный выпад в сторону удаляющейся поясницы Томпсона, потом развернулась и, шумно пыхтя, протопала вниз, уводя детеныша от опасности. Мы дружно расхохотались. Томпсон продолжал бежать вверх по откосу.

— Найдите его, — кричал он, — найдите тот след!

Он уже забыл про самку с детенышем.

Следопыты ринулись к тому месту, где последний раз видели след. Но в сумерках они никак не могли найти его снова. Мы рассыпались по склону.

— Найдите. — Томпсон был весь в поту. — Ради Бога, найдите!

Пламенеющее огненно-красное солнце спустилось за деревья на горизонте. Еще пять минут, и будет совсем темно.

И когда дневной свет угас, когда солнце уже скрылось за горизонтом и в небе вспыхнуло красное зарево и на месте деревьев возникли объятые пламенем лиловые силуэты, а в долине внизу сгустилась лиловая мгла, когда стало невозможно больше выслеживать зверя, Бен увидел его. Носорог лежал на дальней макушке холма, на груде крупных камней, и на фоне заката четко вырисовывались могучая голова и рог.

Мы побежали вверх по склону, спотыкаясь в темноте.

Глава пятая

С двадцати шагов мы услышали глубокое, протяжное, напряженное дыхание одурманенного зверя. Он лежал ничком, навалившись могучей грудью и брюхом на вздыбленную грудку камня. Толстые ноги растопырились под грузом туши, голова свесилась вниз. Мы осторожно подобралась к нему по камням. Не движется, готов. Вот он.

Он был прекрасен: в красно-лилово-золотистом свете заката — лилово-алая, с черной росписью кожных складок, могучая, обмякшая, лоснящаяся потом туша. Вечерняя заря освещала его длинный изогнутый рог, отражалась в зрачках. Остекленевшие глаза открыты, и закат даже веки окрасил золотом и чернью, позолотил кисточки на кончиках ушей, высветил большой серебристый шприц с красно-бело-синим оперением и длинную струйку крови, стекающую по морде чудовища.

— Хорош? — Приятное, по-детски безмятежное лицо Томпсона сияло счастьем в лучах заката.

— Чертовски великолепен, — отозвался я.

Африканцы, поднявшись по камням, ахали, с восхищением разглядывая носорога. Жители Руйи, они, тем не менее, впервые видели так близко живого чипимбири. Человеку положено спастись бегством от

чипимбири. Бен с безучастным видом сел на камень спиной ко всем. Закурил трубку.

— Роджер-Роджер! — позвал Томпсон.

Он сел возле головы носорога и погладил ее; подошел Роджер-Роджер и уселся перед ним, подставляя висящую на лямках радиостанцию. Томпсон был счастлив. Он взял микрофон.

— Четыре-один, четыре-один, четыре-один, четыре-один, четыре-один, передвижка. Прием.

Голос старины Нормана ответил:

— Понял, слышу на тройку. Прием.

— Понял, — радостно сказал Томпсон. — Так вот, мы его нашли. Прием.

— Замечательно, — сказал Норман.

Было ясно, что старина Норман радостно улыбается где-то за холмами, километрах в тридцати от нас.

— Где вы сейчас? — спросил он. — Прием.

Вот оно — то, что всегда меня поражало.

— Норман, — медленно произнес Томпсон, устремив счастливые глаза на закат, — по-моему, мы где-то на юго-восток от тебя...

Он оглянулся через плечо, пытаясь рассмотреть в темноте какие-нибудь ориентиры, какую-нибудь приметную возвышенность, ничего не увидел и снова устремил взор на небо.

— Я без карты, твоя далеко? Прием.

— Понял. Прием, — сказал старина Норман.

Томпсон вздохнул.

— Я не очень-то хорошо знаю твою карту. Прием.

— Понял, — невозмутимо отозвался старина Норман.

— Но место, где мы вышли на носорога, находится примерно в полукилометре к западу от широкой излучины сухого русла. По-моему, это река Мудзи, видишь ее? Прием.

Я слушал с восхищением. И как только Томпсон все запомнил? Он ведь сегодня первый день в этих местах.

Старина Норман сверился с картой.

Река с большой излучиной — Бунгве, а не Мудзи.
Прием.

— Хорошо, пускай Бунгве. Так вот, получив шприц, он побежал оттуда примерно на юго-восток, следишь?
Прием.

— Понял. — Старина Норман вел пальцем по карте.

— Пробежал этим курсом около пятисот метров через холм, потом повернул на юго-запад. Как понял?
Прием.

— Понял, — откликнулся Норман. — Прием.

Километра полтора он шел более или менее прямо на юго-запад, затем пересек еще одно русло. Прием.

— Понял, — сказал старина Норман.

— Так. За руслом отмахал еще километра полтора прямо на юго-запад. Прием.

— Понял, — сказал старина Норман.

— Дальше еще один, два, три холма, — считал Томпсон. — Курсом примерно на запад, на закат, в целом чуть больше километра. Это и есть наше место. На макушке третьего холма. Засек? Прием.

— Понял, я вас засек, — ответил Норман. — Постараюсь добраться возможно скорее. Прием.

— Понял, связь кончаю, — радостно подвел итог Томпсон.

Я любил слушать, как они ориентируют друг друга. Я не мог понять, как это у них получается. И даже если старина Норман — гений ориентировки, ему ведь надо каким-то образом провести «лендровер» и «мерседес» в темноте через все эти холмы, ложбины, русла и заросли. Каждый раз я восхищался обоими.

Томпсон с удовлетворением погладил могучего усыпленного зверя. Шею носорога опоясывала глубокая борозда, старый шрам от петли.

— Привет, зверюга! Отныне тебя ждет счастливая жизнь.

Носильщики все еще глазели, ахали и улыбались. Похоже было, что они оправились от похмелья. Может быть, с самого начала они просто не верили, что мы сумеем поймать чипимбири живьем. Зверь хрипло, протяжно дышал, и лилово-черные бока его по-прежнему лоснились потом в последних лучах заката. Упарился, борясь с дурманящим снадобьем. Кожа горячая и влажная, шершавая и толстенная на ощупь. Томпсон велел двум рабочим развести рядом с камнями большой костер, и желтые языки пламени с треском запрыгали по сухим чурбакам, и желтые блики заплясали вперемежку с тенями на черных боках могучего зверя, на влажных черных лицах, на камнях и на кустах.

— Переверните его на бок, — сказал Томпсон. — Ему вредно давить всем весом на грудную клетку.

Рабочие обмотали морду носорога веревкой и закрепили ее за рог. Двумя веревками захватили переднюю и заднюю ноги. Каждую веревку держали по два человека. Шесть человек присели у брюха носорога, готовые толкать, когда остальные потянут за веревки. Желтое пламя костра рассыпало золотые блики и черные тени.

— Сразу отскакивайте, если начнет брыкаться.

— Малунга... чэй... чэй... Хай-йе! — затянул Томпсон нараспев, и рабочие глухо, натужно подхватили: «Хай-йе» — и одни натянули веревки, а другие изо всех сил уперлись в широкий бок, и здоровенный зверь с гулким, сиплым стоном качнулся на брюхе. Качнулся, туловище наклонилось, огромные ноги, схваченные веревками, задрались вверх в свете костра, и тут носорог забился. Неожиданно дернулся всем телом, издав громкий, протяжный, протестующий звук, выгнул могучий хребет, вскинул огромную одурманенную голову с горящими глазами, взбрыкнул ногами, пытаясь встать,

и рабочие бросились наутек, толкая друг друга и крича: «Берегись!» А носорог гулко шлепнулся обратно на брюхо, и голова его поникла, и он снова впал в забытие, издавая громкий, стонущий храп.

Мы пришли в себя.

— Фути, — сказал Томпсон. — Еще раз.

Он поставил еще по одному человеку на каждую веревку.

— Малунга... чэй... чэй...

И хором:

— Хай-йе!

И мы налегли изо всех сил, готовые в любой момент отскочить в сторону, и громадное туловище сильно накренилось, и носорог снова забился, изогнулся и с грохотом шлепнулся на бок, не успев дать нам отпор, судорожно дернулся всем своим могучим телом и опять уснул. Свесив голову с камней и постанывая, он лежал на боку в мятущемся свете костра.

— Ему надо подушку, — сказал Томпсон.

Нашел большой плоский камень и подложил под голову зверя.

— Еще.

Калашака принес еще один камень и примостил его на первом. Томпсон обхватил обеими руками голову зверя, поднатужился, поднял ее, кряхтя, и Калашака добавил к «подушке» третий камень. Томпсон отпустил голову, теперь она лежала вровень с туловищем. Томпсон снял с себя шляпу и затолкал ее под голову зверя, чтобы не пострадал глаз. Носорог шумно, протяжно вздохнул с подвыванием. Он крепко спал.

Мы не могли наглядеться на него. В свете костра на груди африканских камней спал, похрапывая, огромный, лоснящийся потом доисторический зверь, С большим шприцем во лбу. Мы были очень довольны своей добычей.

Томпсон ухватился за шприц и потянул. Шприц не поддавался. Он взялся покрепче и опять потянул, вращая шприц, словно вытаскивал неподатливую пробку из бутылки, и шприц выскочил. Томпсон поднес к глазам большую окровавленную иглу длиной и толщиной с трехдюймовый гвоздь. Игла была изогнута и сломана. Вот почему она не поддавалась. Видно, дошла до черепа и согнулась. В голове носорога остался кончик длиной больше двух сантиметров. Из ранки струилась кровь, сбегая по коже вниз.

Томпсон достал перочинный нож и, присев на корточки, стал медленно погружать лезвие в ранку, пока не уперся в черепную кость. Осторожно поводил лезвием, нащупывая отломившийся кончик. Носорог шумно, протяжно застонал, и Томпсон весь напрягся, готовый отскочить. Но зверь крепко спал. В свете костра Томпсон продолжал зондировать рану окровавленным лезвием, однако никак не мог нащупать кончик. Вытащил нож и сделал новый надрез, поперек первого.

— Вот он.

Мы напряженно следили за ним. Мне было не по себе от этой картины, но зверь крепко спал. Томпсон знал, что делает. Он поводил лезвием, однако никак не мог поддеть обломок. Встал и вытер окровавленный нож о свои шорты.

— Придется подождать, пока приедет Норман, у него в ящике с инструментами есть плоскогубцы.

Я был рад, что он кончил зондировать. Пусть зверь ничего не чувствовал, все равно жалко смотреть. Хотя именно лоб принимает на себя все удары, когда носороги сражаются между собой.

— Мути, — сказал Томпсон. — Лекарства.

Подошел носильщик с деревянным ящичком. Африканцы плотным кольцом обступили носорога. В аптечке лежали пузырьки с лекарствами, препарат М-99

для шприцев, противозмеиная сыворотка, пластырь. Томпсон достал маленький пластиковый шприц с пенициллином. Срезал кончик и погрузил шприц глубоко в кровоточащую рану на лбу носорога. Густой белый антибиотик заполнил рану доверху и, смешавшись с кровью, потек вниз длинной красно-белой струйкой. Носорог глубоко вздохнул. Мы смотрели на него с чувством удовлетворения.

Томпсон протянул Калашаке термометр:

— Померь ему температуру.

Вместе с Ричардом Томпсон приступил к измерениям, а Невин записывал данные в дневник.

— Общая длина от основания хвоста до конца верхней губы? — прочел Невин первый пункт.

— Три метра десять сантиметров.

— Высота в холке?

Они смили высоту.

— Сто шестьдесят пять сантиметров.

— Обхват груди?

— Двести пятьдесят восемь сантиметров.

— Диаметр ступни?

— Двадцать пять сантиметров.

— Длина рога?

— Семьдесят три сантиметра.

— Окружность рога в основании?

— Семьдесят сантиметров.

— Пульсация сердца?

Томпсон вооружился стетоскопом. Присел подле связанных ног носорога и приложил воронку к могучей груди. Отыскал точку с лучшей слышимостью и посмотрел на часы.

— Шестнадцать, — сказал он.

— Дыхание?

Я уже подсчитал, приставив руку к широким ноздрям зверя.

— Семь раз в минуту.

Ноздри были теплые и мягкие.

— Температура?

Калашака, вставивший термометр в анальное отверстие зверя, с готовностью выдернул его и передал Томпсону. Томпсон поднес термометр к свету.

— Тридцать восемь и девять. Малость повышенная.

Кожа носорога была по-прежнему влажной под действием М-99, но в целом все было в порядке, он крепко спал. Мы были очень довольны. Все, что зависит от нас сделано, оставалось ждать старину Нормана.

Я закурил сигарету. Все подыскивали себе удобное сиденье. Это была моя первая сигарета за четыре часа и я с удовольствием затягивался. Мы не ели с самого утра, если не считать таблетки с глюкозой, но я не чувствовал голода. Сигарета отменно действовала на мои нервы. Я вдруг почувствовал запах собственного пота и ощутил приятную усталость человека, побродившего по бушу; за весь этот день я присел всего лишь в третий, может быть в четвертый раз, я наслаждался отдыхом. Беспокойное жёлтое пламя большого костра, ярко-красные отсветы толстых чурбаков и громкий треск; и летящие к звездам искры, словно стаи бесенят; и ярко-желтые блики, брызгающие золотом на черный кустарник, на камни, на черные лица; и наш здоровенный зверь, простертый на земле могучий носорог с переливами золота и черни на огромных ребрах и схваченные веревками толстые ноги, и ровно лежащая, объятая глубоким сном громадная голова — такая мирная и безобидная в мятущемся свете костра, и гулкие, сиплые вздохи, и теперь он наш, и я был вполне счастлив. Продолжая курить, я поглаживал одной рукой широкую морду зверя. Огромная пасть была открыта, и мне нравилось гладить треугольник верхней губы носорога; широкие ноздри ласкали руку протяжными, теплыми, влажными, стонущими выдохами, и рог безмятежно и безобидно поблескивал в

свете костра, и сладкая усталость пронизывала меня до костей, и я курил и был совершенно счастлив.

Вот так мы сидели, и тут зверь внезапно очнулся. Вдруг, в одно мгновение, он накопил достаточно кислорода, чтобы справиться с наркозом, глубоко вздохнул с подвыванием, вздымая могучую грудь, поднял голову с широко раскрытыми остекленевшими глазами, и Томпсон крикнул: «Берегись!» — и мы бросились врассыпную. Ричард, сидевший на ногах носорога, резким прыжком переместился на камни ниже по склону. Громадная одурманенная голова качнулась вбок-вверх, спина выгнулась, ноги взбрыкнули, ища опору, носорог взвыл, отупело вращая глазами, привстал и снова грохнулся. Мы стояли поодаль, беспомощные, разинув рты. Могучим рывком он снова приподнялся, сверкая в свете костра обезумевшими глазами, на одно долгое, напряженное мгновение встал на подкашивающиеся ноги, потерял равновесие, шлепнулся на собственный зад, свирепо мотая головой, и передние ноги задрались вверх и нелепо замахали в воздухе, словно зверь надумал выполнить какой-то трюк. В следующую секунду носорог перевалился через край скалы назад, прямо на стоявшего с разинутым ртом Ричарда, и Томпсон крикнул: «Берегись!» — и Ричард попятился вниз по камням и упал. С высоты полутора метров зверь шлепнулся на спину с хриплым уханьем, и ноги его дергались в свете костра, и Ричард барахтался на земле в каком-нибудь метре от носорога, и Томпсон крикнул: «С дороги!» — и зверь катился прямо на Ричарда. Огромное чудовище катилось по камням на перепуганного насмерть, барахтающегося Ричарда, и Ричард отчаянным усилием отскочил в сторону, и в целом мире не было ничего, только это: могучая туша и толстые ноги и длинный рог, с треском катящиеся вниз по склону, и отчаянно метнувшееся в сторону тело

долговязого Ричарда, и голос Томпсона: «С дороги!» — и Ричард распластался на камнях и рывком вскочил на ноги, и носорог приземлился рядом с ним на коленях. Взревел, тяжело поднялся, тут же снова упал и поехал по каменистому склону, сшиб тяжеленный камень, вслед за камнем заскользили целые плиты, и носорог покатился за ними вдогонку. На несколько долгих секунд застрял на выступе скалы, брыкаясь и извиваясь на спине, и опять поехал вниз. Врезался в грудку булыжника, издал протяжный стон и впал в забытие.

Мы стали спускаться по камням следом за ним.

— Ты цел? — крикнул Томпсон Ричарду.

— Пронесло! — отозвался Ричард. — Пронесло!

Колени и руки в ссадинах, волосы растрепаны, рот до ушей.

— Считай, что тебе повезло.

Мы спустились к носорогу через развороченные камни. Он лежал весь в ссадинах, распластавшись на боку. Накопившийся в тканях кислород ушел на эти физические упражнения, и носорог опять крепко спал. Африканцы стояли на почтительном расстоянии, посмеиваясь и ахая. Мы избегали приближаться к голове зверя — вдруг снова проснется. Длинные колыхающиеся тени не позволяли толком разобрать, что с ним. Томпсон крикнул, чтобы посветили, Бен поднялся к костру, принес пылающую головню и держал ее в воздухе над поверженным зверем, пока Томпсон осматривал его.

У носорога были кровавые ссадины по бокам морды возле глаз, а также вдоль хребта. Большая рана, словно разрезанный плод граната, кровоточила на боку. Несколько отметин на роге. Зверь сильно потел, наполняя воздух острым запахом, и протяжно постанывал. Томпсон взял головню в руки, чтобы проверить, не пострадали ли гениталии.

Слава Богу, семейные драгоценности не пострадали.

Он скovyрнул здоровенного клеща и наступил на него каблуком.

— Жив-здоров. — Томпсон поднял глаза на Ричарда. — А ты?

— Полный порядок, — усмехнулся Ричард.

Ему здорово повезло.

— Тогда послушай его сердце.

Ричард сходил за стетоскопом. Томпсон попросил меня проверить частоту дыхания, сказал Калашаке, чтобы еще раз смерил температуру. Опасливо сторонясь длинного рога, я приложил ладонь к горячей, мягкой, влажной морде и поднес к глазам руку с часами. Томпсон распорядился, чтобы носорога надежно привязали. Рабочие туго обмотали веревками морду, рог, задние ноги и привязали концы веревок к двум деревьям. Томпсон записал данные о пульсации сердца, дыхании, температуре тела. Носорог был жив-здоров. Он крепко спал.

Мы обступили его, не сводя с него глаз.

— До чего хорош! — сказал Томпсон. И снова Ричарду: — А тебе повезло, парень, здорово повезло.

Глава шестая

Мы услышали машины старины Нормана задолго до того, как увидели, среди холмов далеко отдавался натушливый рокот моторов. Скоро пойдет четвертый час нашего ожидания. Через каких-нибудь два часа кончится действие М-99. После чего носорог проснется по-настоящему, и тогда держись.

— Приятный звук, верно?

Очень даже приятный! Мы основательно устали и проголодались. Сигарет почти не осталось. Большинство африканцев отсыпались, лежа на земле вокруг костра. Бен сидел молча, попыхивая трубкой, и смотрел на огонь. По-моему, он ни разу не пошевелился. Бен был родом из Ботсваны, и мне сдается, что он был наполовину бушмен, хотя сам он это отрицал. Другие племена не считают бушменов за людей.

— Кунджани, Бен? — спросил Томпсон, глядя перед собой. — Как ты?

— Хорошо себя чувствую, — спокойно ответил Бен, не оборачиваясь.

— Ты сегодня отменно потрудился, — сказал Томпсон.

Бен продолжал сидеть в той же позе. Знал, что хмель хмелем, а потрудился он отменно. Местность для

выслеживания была очень тяжелая.

Мы увидели свет фар километра за три. Трясаясь на ухабах, машины с ревом перевалили через гребень и пронизали буш лучами света; они ревели и петляли, выискивая дорогу, впереди «лендровер», за ним «мерседес». Водители хорошо видели наш костер и держали курс на него.

Но нас по-прежнему разделяли овраги и русла. Вот огни пропали за выступом холма. Мы долго ждали; даже звук пропал. Потом огни появились вновь, теперь они озаряли длинный склон, где мы в сумерках потеряли след и напоролись на самку с детенышем; фары прорезали ночной мрак, словно прожектора, и мы услышали рокот моторов, услышали скрежет и стук. Наконец фары перевалили через гребень соседнего холма, сперва показался «лендровер», за ним огромный «мерседес», и мы увидели рабочих старины Нормана, которые шли с топорами и кирками впереди рокочущих машин. Было слышно, как бьются о камень оси и шасси, как колеса подминают кустарник, как перекликаются африканцы. Потом машины остановились. Деревья и камни преградили путь, и никакого объезда. После оживленной переклички застучали топоры по деревьям, кирки по камням. И снова взревели моторы.

И вот машины одолели чащобу и последний участок крутого спуска и направились вверх между деревьями к скалистой макушке нашего холма, прощупывая путь слепящими фарами.

Старина Норман выбрался из кабины своего старого «лендровера», вскарабкался вверх по камням и залюбовался носорогом в свете костра.

— Хорош, очень хорош, — сказал он, ни к кому не обращаясь. — Великолепный самец.

Никто не похвалил старину Нормана за то, что он сумел найти нас. Меня же его умение ориентироваться

неизменно восхищало.

Мкондо развернул «мерседес» кузовом к лежащему выше на склоне носорогу; несколько рабочих под наблюдением Томпсона убрали с дороги камни, рубили деревья. В кузове стояли широкие салазки для носорога, соединенные тросом с лебедкой в задней части грузовика. Зверь лежал довольно высоко на каменистом откосе, но он намного облегчил нам задачу, скатившись с выступа вниз. Рабочие откинули задний борт и вытащили четырехметровые рельсы для салазок. Рельсы стальные, тяжелые, сладить с такой машиной можно было только вдесятером. Вытащив, рабочие укрепили их концами в задней части кузова; получился пандус для салазок. Томпсон забрался в кабину и включил опрокидыватель. Зашумел мощный гидравлический механизм, и кузов начал опрокидываться. Когда передняя часть кузова поднялась настолько, что он образовал вместе с пандусом одну наклонную прямую, Томпсон включил лебедку, и удерживаемые тросом салазки медленно поползли со скрипом вниз по рельсам на землю. Мы подошли, чтобы всем миром подтащить их к носорогу.

Платформа размером два на четыре метра, из крепких балок на стальной раме, была тяжеленная. Тридцать человек окружили ее, присели, ухватились как следует за края и с громким «Хай-йе!» оторвали салазки от земли и побрели к камням. Донесли до самых

камней и тяжело опустили на землю. Снова взялись и, подбадривая себя возгласами, потащили через камни вверх. Волокли и толкали, волокли и толкали, метр, полметра, четверть метра за раз, скребя железом по камням, поднимая, толкая, надрываясь, спотыкаясь и чертыхаясь. Втащили вверх по камням с грохотом уронили на землю подле носорога и стали растирать ноющие руки. Все основательно упарились. Теперь предстояло взвалить носорога на салазки.

Он лежал на боку, хребет упирался в край салазок. Мы опять захватили двумя веревками ноги, третьей обмотали шею и рог. Восемь человек взялись за каждую веревку, шестеро приготовились поднимать брюхо носорога. Две веревки пропустили через большие кольца на верхнем конце салазок. По шести человек держали каждую из этих веревок, чтобы не дать салазкам скользить вниз по откосу. Если носорог снова проснется, быть беде. Мы напряглись.

— Взяли! — скомандовал Томпсон, и мы взяли.

Одни тянули зверя за ноги, другие подпирали его брюхо, третьи впряглись в веревки, которые удерживали салазки, и каждый тянул, или толкал, или тужился в мятущемся свете костра на широком каменистом склоне, огромная туша стала поддаваться, спутанные ноги задрались вверх, выше, выше, выше,

одурманенного зверя перевернули на спину, и он протестующе застонал, пробуждаясь.

— Взяли! — крикнул Томпсон. — Взяли! Взяли!

И мы взяли, и зверь навалился боком на салазки, задрал кверху толстенные ноги, и вдруг забился.

— Взяли! — рывкнул Томпсон, упираясь плечом в дергающийся бок носорога, и все налегли что было мочи, и зверь совсем проснулся, он бился, вырывался, и салазки скользили и дергались, и все поднатужились...

— Взяли!

Толстенные ноги и корчащаяся туша рухнули прямо на салазки. Носорог вырывался, и салазки скользили и ерзали, и люди изо всех сил натягивали веревки, чтобы салазки, и носорог, и мы сами не покатались кувырком вниз по камням.

— Прижмите его! — рывкнул Томпсон и первый навалился всем своим весом на бок зверя. — Прижмите!

И Бен вскочил на салазки и навалился на носорога, а за ним Невин, и Калашака, и Ричард: черное, белое, хаки, оскаленные зубы, выкрики, кряхтение и напрягшиеся руки, ноги, плечи — и огромный связанный черный зверь бился под ними, и рабочие натягивали веревки, что было мочи, носорог гулко всхрапнул с подвыванием и обмяк, снова погружаясь в забытие.

Один за другим они медленно слезали с него, тяжело дыша. Зверь опять крепко спал.

Могучую голову и грудь привязали к салазкам, пропустив веревки через кольца. Бен подтащил снизу трос лебедки и зацепил его за кольцо. Томпсон добавил на верхний конец салазок еще веревку и троих человек, чтобы тормозили. И послал Невина вниз к «мерседесу», чтобы включил лебедку.

— Так, — сказал Томпсон. — Поли-поли! (Поехали.)

Лебедка загудела, медленно выбрала слабинку, натягивая длинный трос, и широкие салазки с могучим

зверем запрыгали по каменистому откосу, и рабочие сверху впряглись в веревки, притормаживая.

— Поли-поли! — командовал Томпсон, и салазки, скрипя, скрежеща и дергаясь, ехали вниз по откосу, подтягиваемые лебедкой и удерживаемые взмокшими рабочими; салазки кренились, и скрипели, и скребли по камню всю дорогу до самого низа.

Внизу тридцать человек приготовились толкать тяжелые салазки, и лебедка потащила груз по каменистому грунту к пандусу; тридцать человек, напрягаясь и подбадривая друг друга криками, помогли лебедке под непрерывный скрежет стали втащить салазки вверх по пандусу в наклоненный кузов, и все это время могучий зверь крепко спал.

Глава седьмая

Мы тряслись в кузове «мерседеса»; старина Норман ехал впереди по колее, которую проложил, разыскивая нас. С треском, рокотом и стуком мы катили через буш, выкрикивая: «Бассопо!» — цепляясь за борта и пригибаясь, чтобы не задело низко висящими сучьями, продрогшие и счастливые, потому что возвращались в лагерь, и у африканцев было превосходное настроение, они пели: «Мы поймали живого чипимбири!» — и шутили, и выкрикивали: «Берегись!» — приметив опасный сук, и зверь лежал между нами, погруженный в крепкий сон и надежно привязанный, и не просыпался, несмотря на качку и тряску на первом этапе своего долгого путешествия в далекий новый край, где люди не будут его убивать. Носорог лежал, разинув огромную пасть, которая шутя перемалывает колючие ветви, и он издавал гулкие, протяжные, жалобные стоны, и грозный рог его никого не страшил, и остекленевший глаз был полуоткрыт, и на громадном лбу запеклась струйка крови с пенициллином, и Ричард сидел верхом на плече носорога, держа обмотанную вокруг его головы веревку, чтобы не развязалась. Через гребни и вниз по склонам, виляя в оврагах, огибая деревья и скалы, скатываясь с крутых береговых уступов в пересохшие русла, которые форсировались на

двойном приводе, на предельной мощности ревущего дизеля, так что холодный песок летел во все стороны, и с натугой штурмуя противоположный берег...

Так продолжалось примерно час, и было уже около десяти, и взошедшая луна серебрила проносящиеся мимо безмолвные и безбрежные заросли, серебрила нас и распластанного на салазках могучего носорога, и тут мы увидели костер Норманова лагеря впереди, на берегу Руйи, и поняли, что половина пути осталась позади. После лагеря старины Нормана нам опять стали попадаться краали; жители выбегали посмотреть на нас в холодном лунном свете — на тяжелый грузовик и на людей, которые отправились ловить чипимбири, они кричали: «Чипимбири, чипимбири, мы везем живого чипимбири!» — и хохотали, чрезвычайно гордясь званием ловцов чипимбири, и мы все хохотали. Так мы добрались до проложенной бульдозером просеки, широкой взрыхленной колеи в зарослях, и до нашего лагеря оставалось всего полчаса езды, и пыль клубилась за «мерседесом» большим серебристым облаком.

«Мерседес» развил на взрыхленной просеке пятьдесят километров в час, и тут я ощутил на своей руке жижу, извергнутую носорогом, и услышал громкую, сдавленную отрыжку, и огромная голова зверя отчаянно задергалась. Я крикнул: «Берегись!» — и носорог скорчился в рвотном позыве и выпучил глаза, задыхаясь от закупорившей дыхательное горло отрыжки, и еще отчаяннее задергал головой, лихорадочно пытаясь сделать вдох; одним неистовым усилием он разорвал веревку, которой была привязана его голова, и могучий рог описал дугу над салазками, и он взревел, и все с криками вскочили на ноги, и Ричард, сидя верхом на ходивших ходуном плечах зверя, цеплялся за оборванную веревку и кричал Мкондо, чтобы остановил машину, и громадные связанные ноги

отчаянно загребали воздух, и они с маху ударили Роджера-Роджера в грудь, и он, подавившись криком, исчез в облаках серебристой пыли за бортом грузовика, мчавшегося со скоростью пятьдесят километров в час, и носорог продолжал сражаться с удушьем, и Томпсон высунулся из кабины, крича: «Что случилось?» — и Мкондо наконец нажал на тормоза, и грузовик остановился, пропахав борозду в грунте. Томпсон еще на ходу выскочил из кабины и побежал по дороге назад, к Роджеру-Роджеру, а носорог все корчился и бился, сиюсь сделать вдох.

— Ты цел? — Томпсон схватил руку Роджера-Роджера.

— Йебо.

Роджер-Роджер сидел, потирая голову, кругом клубилась пыль, на грузовике бился носорог.

— Ты на голову упал?

— Йебо, нкиси. — Он был жив-здоров.

— Тогда все в порядке.

Томпсон подбежал к грузовику и одним прыжком очутился в кузове. Носорог сильно дернулся, рыгнул, изо рта и ноздрей хлынула рвотная масса, и дыхательное горло очистилось. Зверь лежал, тяжело дыша, в зеленой жиже, сердце его часто колотилось, он издал протяжный булькающий стон и снова забылся.

— Сердце очень уж бьется, — сказал Ричард. — Сквозь лопатки отдает...

Томпсон схватил аптечку и живо извлек из нее шприц с налорфином, антагонистом наркотика М-99. Укол был необходим, чтобы опять не началась рвота под действием М-99 — ведь носорог мог совсем захлебнуться. Томпсон лихорадочно схватил ухо зверя и нащупал вену. Вонзил тонкую иглу в тугую кожу, и игла согнулась, и вена выскользнула, и Томпсон чертыхнулся. Новая попытка, попал в вену, впрыснул

препарат, потом с силой потер веко носорога, чтобы разбудить его.

— Жми! — крикнул он Мкондо. — Жми на всю катушку!

«Мерседес» взревел и дернулся и рванул по колее со всей скоростью, какую Мкондо только мог из него выжать, и мы поспешили покрепче привязать носорога всеми веревками, какие только нашлись в кузове.

Носорог начал приходить в себя, когда ревущий и подпрыгивающий «мерседес» ворвался в наш лагерь, и с негодующими стонами вяло подергал веревки, ворочаясь в зеленой жиже, и огромный глаз его снова остекленел, и после короткой передышки он опять начал дергаться. Мкондо обогнул загон, затормозил и подогнал «мерседес» кузовом ко входу, меж тем как зверь забился с новой силой. Два следопыта уже лезли на ограду загона, чтобы открыть вход. Носорог рвался из своих пут.

— Каулеза... каулеза!

Следопыты, перехватывая руками, лихорадочно вытаскивали вставленные вертикально толстые жерди и отбрасывали их в сторону.

— Скорее, пока он совсем не очнулся!

Томпсон пролез в загон, поторапливая рабочих. Жерди были тяжелые, следопыты обливались потом в лунном свете.

— Живее, живее, мадода!

Не успели они вытащить до конца последние жерди, как Мкондо уже въехал задним ходом в загон. Носорог быстро приходил в себя и дергал ослабленные узлы. Подбодряя друг друга криками, рабочие вытащили из кузова стальные рельсы и установили их как положено, в это же время Ричард включил опрокидыватель, и кузов вместе с салазками и носорогом стал подниматься

к небу в лунном свете, и носорог негодуяще взвыл и забился, раскачивая салазки. Томпсон крикнул:

— Спускай!

И салазки со скрежетом поехали вниз по рельсам, и в ту минуту, когда салазки коснулись земли, носорог рванулся и застонал, и глаза его опять остекленели.

— Отвяжите его от салазок!

Рабочие осторожно развязали узлы на голове и на груди носорога, опасаясь, что он рванется, как только почувствует свободу. Готово... Зверь продолжал лежать со спутанными ногами, постанывая. Мы отошли на безопасное расстояние.

— Давай, Мкондо!

Грузовик потащил широкие салазки из-под зверя, мы приготовились броситься врассыпную. Разбуженный движением салазок, носорог взвыл, с гулким стуком шлепнулся на землю, рыгнул и дернулся, и мы отпрянули, готовые бежать. Но зверь уже обмяк, постанывая, с остекленевшими глазами.

— Закрывайте!

Рабочие подавали тяжелые жерди вверх следопытам, и те вставляли их на место. Томпсон наполнил один шприц пенициллином, другой — второй дозой налорфина.

— Каулеза, каулеза, мадода!

Оставалось вставить две-три жерди. Он достал перочинный нож.

— Свет!

Один из следопытов приблизился к нему по верхней перекладине ограды, держа фонарь так, чтобы свет падал на голову носорога.

— Сели на него, мадода!

Шестеро дюжих молодцов осторожно подошли и навалились на носорога, прижимая его к земле своим весом.

— Крепче держите.

Томпсон взялся за ухо зверя и принялся выпиливать перочинным ножом метки в тугом хряще, а рабочие изо всех сил держали носорога, чтобы не рванулся, ведь уши особенно чувствительны. Носорог дернул ухом, глубоко вздохнул и захрапел. Томпсон, стиснув зубы, старался пилить как можно быстрее, руки и нож окрасились кровью в свете фонаря. Вырезав из уха треугольник длиной в пять сантиметров, он швырнул его прочь. Рабочие крепко держали носорога, и Томпсон взялся за второе ухо и начал поспешно пилить, и широкое ухо дергалось, прижимаясь к голове, и зверь громко застонал, просыпаясь, и Томпсон лихорадочно пилил, и рабочие, тяжело дыша, всем своим весом прижимали носорога к земле. В желтом свете фонаря по земле расплылась блестящая красная лужица крови. Томпсон швырнул через ограду второй треугольник.

— Потерпи, бедняга.

Он отделил иглу от шприца с пенициллином, поднял ее словно кинжал, и вонзил в ягодицу носорога, и зверь дернулся, но они держали его изо всех сил. Томпсон соединил шприц с иглой и впрыснул густой раствор.

— Следующий!

Следопыт подал шприц с налорфииом.

Глаза зверя вдруг широко раскрылись, он издал громкий стон и выгнул спину и начал биться и взбрыкивать огромными спутанными ногами, и рабочие, что было мочи, прижимали его к земле, и огромная шершавая туша корчилась под ними, но они не сдавались, и, подергавшись, побрыкавшись, носорог застонал и обмяк.

Томпсон вонзил ему в кожу иглу и впрыснул налорфин. Отбежал к ограде и отдал следопыту шприцы. Бегом вернулся к спутанным ногам носорога. Опустился на колени и, следя за каждым движением зверя, прижатого к земле весом шести молодцов, ослабил первый скользящий узел, так что он еле

держался, затем второй и последний. Теперь оставалось лишь дернуть веревку, чтобы узлы совсем развязались. Зверь лежал, тяжело дыша.

— Так, — прошептал Томпсон. — Не спеша поднимайтесь. Поочередно. И уносите ноги.

Один за другим они слезали с огромной туши и на цыпочках отходили в сторону. Носорог не шевелился.

— Пошли, пошли отсюда.

Они взобрались на верх ограды по жердям и стали наблюдать. Зверь по-прежнему лежал, постанывая.

Томпсон присел у его ног, нетерпеливо ожидая, когда все освободят загон. Затем тихо потянул веревку. Узел развязался. Зверь не двигался. Если вскочит теперь, не сразу выпутается из веревок. Готовый в любую минуту отпрянуть в сторону, Томпсон осторожно, очень осторожно снимал петли с передних ног. Мы смотрели не отрываясь.

Снял, внимательно следя за носорогом. Зверь издал громкий стон, но не двинулся. Томпсон перешел к задним ногам, легонько потянул за петлю, и носорог задергался. Он застонал и выпучил налитые кровью глаза, мотнул головой, забился, словно рыба на берегу, и взбрыкнул ногами, и Томпсон, вздымая пыль, отпрянул назад, и зверь сделал выпад в его сторону. Молниеносно привстал на передних ногах, разбрызгивая кровь из сердито торчащих меченых ушей, и Томпсон ринулся к ограде, и всего два шага отделяли его от окровавленного носорога, а тот могучим рывком развернулся, фыркнул, вставая на задние ноги, яростным броском сократил расстояние до одного шага, но тут ноги его подкосились, и он рухнул на землю. Ударился о землю окровавленной скулой, потом плечом, и Томпсон уже схватился за жерди ограды, а зверь опять поднялся на ноги и сделал новый яростный выпад грозным рогом, сверкая злобными глазами, страстно желая убить, но непослушные задние

ноги опять подкосились, и он шлепнулся на бок в облаке пыли, и Томпсон мигом влез на самый верх ограды. Африканцы радостно кричали и смеялись. Зверь сделал новую попытку встать, но с громким стоном рухнул на другой бок, взбрыкнул ногами и замер с остекленевшими глазами, только могучие бока его ходили в свете фонаря.

Облепив зубчатый верх загона, мы смотрели на распластанного на земле, окровавленного, перепачканного, одурманенного зверя. В ушах зияли раны, из двух широких треугольников на землю в свете фонаря сочилась алая кровь. Через минуту опять очнется... Носорог протяжно стонал.

— Эй! — крикнул Томпсон. — Подъем!

Раненые уши дернулись.

— Эгей, огой! — Томпсон старался, чтобы его голос дошел до одурманенного мозга зверя. — Проснись!

Снова дернулись окровавленные уши.

— Огой, эген!

Никакой реакции.

— А ну-ка, все вместе, — скомандовал Томпсон.

Мы заорали, что было мочи, не скупясь на ругань и слова команды, кричали по-английски и на местных наречиях, но зверь не двигался. Он опять крепко спал.

— Тащите ведро воды.

Стоя на верхней перекладине, Томпсон опрокинул ведро, вода с плеском упала на голову и плечи зверя, и брызги разметали пыль. Секунда напряженной тишины... затем последовала реакция. Могучий мокрый зверь нетвердо встал на ноги. Посмотрел кругом мутными глазами — кого бы затоптать, потом замер, роняя на землю капли воды и крови.

— Вот так, молодец, — произнес очень довольный Томпсон.

Зверь сделал несколько неуверенных шагов и остановился, ошалело озираясь в желтом сиянии

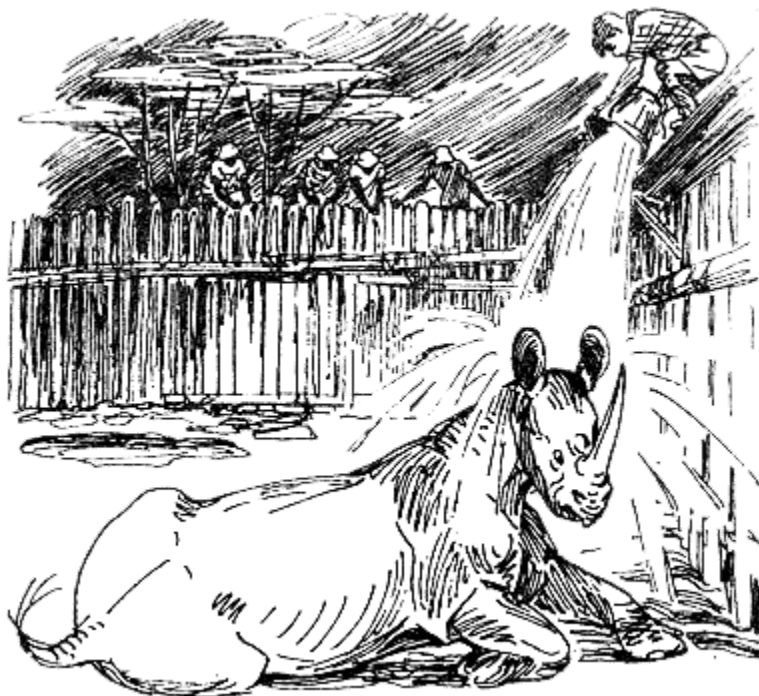
фонарей. Тяжело развернулся, сделал несколько шагов в противоположную сторону и опять остановился. Пошевелил окровавленными ушами, потом прижал их к голове. Он слышал, что мы стоим где-то наверху, но из-за фонарей не мог нас рассмотреть. Вода растворила запекшуюся кровь на ушах и морде, и на землю падали розовые капли. Он уловил какой-то звук наверху, быстро развернулся и сделал два гулких шага, всматриваясь, но не увидел мишени для атаки и остановился. Качнулся, потом узрел в пыли незнакомый предмет — веревку, яростно фыркнул, наклонил окровавленную голову, нацелил вперед воспаленные глаза, с грохотом атаковал веревку и подбросил ее вверх, так что она широкой петлей взлетела над его рогом. Снова яростно фыркнул и приготовился истребить ее. Но веревка, падая, обмоталась вокруг рога, и он потерял к ней интерес. Тяжело дыша, моргая, он стоял, окровавленный, в свете фонарей, с веревочной гирляндой на морде. Дурман еще не прошел.

— Эй, — сказал Томпсон, — пойдй, попей.

Зверь развернулся на его голос и, сверкая глазами, топая могучими ножищами, атаковал ограду, боднул бревна так, что все сооружение закачалось. Рог застрял между двумя бревнами, и носорог злобно фыркнул и мотнул могучей шеей и высвободил рог и снова мотнул шеей, бодая и дробя бревно. Потом отступил и остановился, моргая и пыхтя. Он еще не заметил воду.

Томпсон слез с ограды и прошел снаружи к тому углу, где находилась яма с водой. Просунул между жердями палку и поплескал ею в воде. Зверь яростно обернулся на звук и пошел в атаку через яму и врезался смертоносным рогом в угловые жерди. Задал им хорошую трепку, потом отступил, распаленный гневом. Вдруг обратил внимание на то, что намочил передние ноги, и увидел взбаламученную воду. Приблизился,

нюхая воздух, окунул цепкие губы в воду и принялся громко лакать.

— Вот так, вот это молодец.

Мы были очень довольны им. Он выпил много воды, затем отступил, выискивая взглядом, что бы растерзать, но ничего не нашел. Тут глаза его остановились на висящих на ограде свежих ветках. Он подошел, перекусил пополам ветку толщиной с хоккейную клюшку и принялся задумчиво жевать.

Мы были очень довольны.

— Погасите фонари, — сказал Томпсон.

Фонари были погашены, остался только яркий серебристый лунный свет. Облепив верх ограды, мы смотрели вниз на нашего посеребренного луной могучего зверя, который стоял в облачке пыли, похрустывая веткой. Он нам очень нравился.

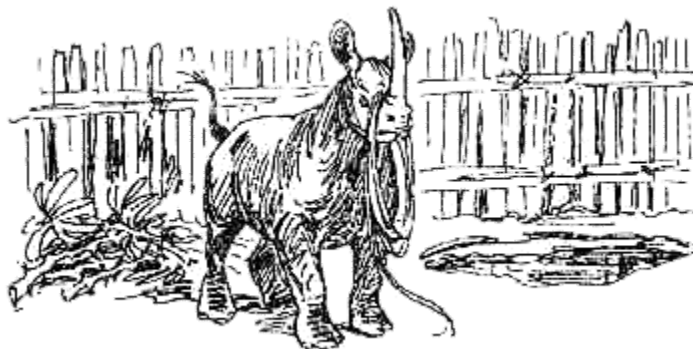
— Пошли, поедим.

Мы с утра ничего не ели.

Мы слезли с ограды, и носорог выплюнул ветку, фыркнул и пошел в атаку, бешено молотя бревна рогом.

Он был жив-здоров. Он продолжал дубасить ограду, пока мы не удалились, потом остановился, прислушиваясь. Наконец снова подобрал ветку и стал ее жевать.

Направляясь к своим палаткам в свете луны, мы услышали, как хрустнула вторая ломаемая ветка, и чавканье возобновилось.

Часть вторая

Глава восьмая

В Мусусумойе — в районе Умфурудзи на реке Мазоз — на краю земель вождя Марамбы, где Куце и Томпсон вместе руководили операцией «Носорог» до того, как перебраться на Руйю, деревья растут реже и местность более ровная; сухая желтая слоновая трава достигает в высоту трех — четырех с половиной метров, и, когда вас атакует носорог, обычно по соседству нет спасительного дерева, а если и есть, кто-нибудь другой уже карабкается на него. Охота на носорогов в этом краю была делом очень трудным и опасным, в высокой траве видно всего-то на несколько шагов, иной раз лишь в последний миг заметишь дернувшееся ухо или торчащий из травы рог, а то и вовсе не увидишь ничего, только услышишь, а то и не услышишь, только почувствуешь, если у тебя острое обоняние.

Куце чуял носорогов. Поль Куце — один из лучших охотников во всей Африке. Всяк судит по-своему, но в этом вопросе все едины. Куце не подкрадывается издалека и не стреляет с шестидесяти шагов, спасаясь на дереве, когда зверь идет в атаку. Куце сам атакует носорога и стреляет с двадцати, а еще лучше — с десяти шагов, и, когда зверь идет в атаку и все бегут к деревьям, Куце остается стоять на месте. Куце

подкрадывается через густой-прегустой кустарник, из которого не прицелишься и в котором не разбежишься, поднимает одной рукой ружье и всаживает шприц в носорога с расстояния в один шаг. Говорят, что Куце не знает страха. Говорят, что он безумец. Все говорят, что Куце когда-нибудь нарвется и его убьет носорог.

Одни рождаются великими охотниками, другие становятся ими. Куце относился к первым. Великий охотник должен обладать многими качествами. Не стану делать вид, будто я в этом разбираюсь до конца, это так же трудно, как перечислить свойства, необходимые, чтобы стать великим матадором. Но вот качества, без которых никак не обойтись: отвага, ум, знания, находчивость, природное чутье, стойкость, решительность, тактический гений. Куце наделен, по меньшей мере, еще одним качеством: он телепат. Сосредоточившись, он навязывает носорогу свою волю, внушает твердое сознание своего, Куце, превосходства. Многие говорят, что Куце будет убит носорогом. Сам Куце знает, что этого не будет. Может быть, лев, может быть, слон, но носорогу до него не добраться. Спросите его, откуда он это знает. Куце ответит: знаю, и все тут.

Перед началом операции «Носорог» Куце ходил к прорицателю, потому что хороший прорицатель и в таких делах разбирается. Тот много чего наговорил Куце. Сказал ему, что он в своей работе связан с дикими животными, что ему предстоит очень опасное дело, предстоит ловить очень опасного зверя. Сказал, что в связи с этим делом один человек погибнет в машине, а двое других будут ранены зверем, причем один — очень серьезно. Первым будет ранен высокий молодой брюнет. Прорицатель дал подробное описание, которое в точности подходило к Ричарду Пику. Вторым будет ранен блондин. В операции участвовали трое блондинов — Куце, Томпсон и Невин.

В лагере Мусусумойя в районе Умфурудзи, в самом начале операции «Носорог», Куце впервые встретился с Ричардом Пиком и узнал его по описанию прорицателя. Он отвел Ричарда в сторонку и поговорил с ним очень строго. Сказал, чтобы Ричард соблюдал предельную осторожность: никакого риска, никакой бравады, не то он, Куце, даст ему, Ричарду, такого пинка, что тот будет катиться до самого Солсбери. На следующей неделе погиб Фосбери. Он был помощником Куце и погиб: «лендровер», на котором он ехал по делам операции «Носорог», перевернулся.

После этого Куце всем рассказал о предупреждениях прорицателя. И еще раз строго-настрого велел Ричарду ни в коем случае не рисковать, иначе он будет гнать его пинками до самого Солсбери. Дальше следовали блондины. Молодому Невину тоже было сделано строгое предупреждение, что его будут гнать пинками до Солсбери, если он вздумает рисковать. Оставались Томпсон и Куце. Томпсон не нуждался в предостережениях. Томпсон представлял себе, что значит очутиться под топчущими копытами носорога. Никто не знал о носорогах столько, сколько Томпсон.

Оставался Куце. А Куце знал, что с ним это не может случиться.

Глава девятая

Жарко. Полдень — носорог предпочитает отлеживаться в тени. Они спускались по длинному отлогому склону: впереди Капеса, высматривая след, в нескольких шагах сбоку от него Куце, сзади Ричард с винтовкой. Остальные поотстали, за Куце было трудно поспевать, он и Капеса могли в хорошем темпе идти вместе километр за километром. В Мусусумойе охотникам приходилось покрывать особенно большие расстояния, потому что носороги были разбросаны по обширной площади и научились сторониться людей. Услышат или почуют человека или просто пересекут его вчерашний след — сразу стараются уйти подальше.

Проложенный носорогом след вел вниз по склону и через высохшее русло в заросли высокой слоновой травы на другом берегу. В русле они остановились. Отраженные песком солнечные лучи накалили воздух, и царило полное безмолвие. И тут Куце почуял запах зверя.

Он сделал носильщикам знак, чтобы не двигались. Проверил пеплом направление ветра. Ветер был благоприятный. Куце жестом показал Капесе и Ричарду, чтобы следовали за ним, соблюдая дистанцию. После

чего вошел в травянистые заросли, откуда тянуло запахом носорога.

Пригнувшись, обливаясь потом, Куце бесшумно двигался по тропе, читая следы, и страх был ему знаком так же, как и любому другому человеку. Капеса и Ричард крались в двадцати шагах за ним. В высокой траве они не видели Куце. Впереди, в тридцати шагах, разделенные большим просветом, возвышались над травой два дерева. Видимо, носорог отлеживался под одним из них.

Куце крался по звериной тропе. Тропа повернула, и дальше шагов на сорок простиралось нечто вроде прогалины, за которой опять сплошной стеной желтела слоновая трава. В этой самой траве, сразу за прогалиной, стояло дерево, а под деревом в неглубокой яме стоял носорог. Он повернулся могучими бедрами в сторону слабого жаркого ветерка, чтобы чують, что надвигается со спины, видеть, что приближается спереди, и слышать, что делается по сторонам. Опустив голову, он дремал в тени боком к Куце, и сквозь траву Куце видел самый гребень его широченной спины и кончик рога.

Куце подал знак Капесе и Ричарду, чтобы поднимались вверх быстро и бесшумно. Затем показал Капесе, чтобы тот отошел на двадцать шагов в сторону и остановился на краю прогалины. Ричарду знаком велел оставаться на месте и держать наготове винтовку. Достал кисет с пеплом и проверил ветер. Направление ветра не изменилось, и носорог дремал в той же стойке. Куце внимательно посмотрел на зверя. Потом вышел из травы на прогалину.

Пригнувшись, он бесшумно побежал на цыпочках через прогалину прямо на зверя, способного убить его одним ударом, бежал, чтобы захватить носорога врасплох, воспользоваться преимуществом инициативы, создать такое положение, когда носорог должен будет

применяться к его тактике, а не наоборот. Стремясь навязать зверю свою волю, Куце бежал по высокой редкой траве прямо на него с подветренной стороны: десять, пятнадцать, двадцать, двадцать пять шагов — тут зверь услышал его и повернулся.

Носорог развернулся, сопя и фыркая, злой, встревоженный, настороженный, ростом с самого Куце, но раз в пятнадцать тяжелее и оснащенный смертоносным оружием; он развернулся с налитыми кровью глазами, готовясь убивать, и Куце замер на месте. Высокая трава мешала как следует прицелиться, ему нужна была верная мишень, широкий бок носорога, и он замер, запыхавшийся, взмокший, глядя на зверя. Они сверлили друг друга взглядом, голубые глаза силились переглядеть вытаращенные, ошарашенные, налитые кровью; Куце продолжал стоять на месте, пригнувшись, часто дыша, и он переглядел носорога, и могучий зверь яростно взревел и наклонил голову и пошел в атаку, сверкая глазами. С грохотом, с фырканием, огромная черная голова опушена, он пошел в атаку, а Куце, тяжело дыша, полуприсев, знай себе стоял на месте и смотрел, как зверь идет прямо на него, и носорог вдруг остановился. Шумно остановился в десяти шагах от человека, взрыхлив пыль толстыми ножищами, и бешено зафыркал на человека и мотнул громадной страшной головой с налитыми кровью глазами, и Куце не тронулся с места. Тогда носорог попятился для новой атаки.

Ухая, наклонив голову с бешеными глазами, могучая бронированная туша пятилась через высокую слоновую траву для повторной атаки. Носорог отступил на десять шагов, и Куце продолжал стоять и пристально глядеть ему в глаза, сосредоточив в этом взгляде всю свою волю, и зверь снова фыркнул и пошел в атаку. С тяжелым топотом, от которого содрогалась земля, носорог мчался на Куце, чтобы казнить его, а Куце

стоял как вкопанный, и опять разъяренный фыркающий носорог шумно остановился перед ним. Остановился, вздымая широкие бока, злобно сверкая глазами, и Куце продолжал стоять пригнувшись и глядел на носорога. Он не стал поднимать ружье. Малейшее движение развеяло бы чары, то таинственное нечто, которое позволило человеку навязать зверю свою волю, свое я, свое превосходство. Чары были бы развеяны, и носорог довел бы атаку до конца, а Куце был вооружен всего лишь обездвиживающим ружьем. Пять секунд носорог, сопя и пыхтя, стоял в десяти шагах от него, затем попятился для последнего броска.

Куце ждал, сосредоточив внушение на Капесе, на носороге и на самом себе, ждал, когда Капеса отвлечет внимание зверя и вынудит его подставить бок под выстрел. Зверь тяжело попятился через траву, фыркая и сверля Куце взглядом, на секунду замер, напрягая могучие мышцы, и пошел в атаку. И тут включился в действие Капеса. Носорог бросился на Куце, а в десяти метрах от них Капеса вышел из травы на прогалину и хлопнул в ладоши, и зверь увидел его и изменил направление атаки. Повернув на полном ходу, с грохотом пошел на Капесу, и когда тысячекилограммовая туша протопала мимо Куце в пяти шагах, он сделал поворот и всадил шприц в носорога. Сквозь гул и грохот послышался выстрел, и серебристый шприц с красно-бело-синим оперением вонзился в здоровенную ляжку, а Капеса уже мчался к дереву. Он опередил носорога на десять шагов, и зверь яростно боднул ствол и с ходу ворвался в травянистые заросли, сверкая прочно засевшим шприцем, я пропал из виду.

И все, о чем тут рассказано, уложилось в шестьдесят секунд.

Глава десятая

Когда носорожихе исполнилось четыре года, у нее впервые наступила течка, и моча содержала гормон, который раздражал обоняние могучего самца, и он отыскал самку на ее территории в Умфурудзи. Она терпела его присутствие в силу своего состояния, а также потому, что он ухаживал за ней с поистине носорожьей настойчивостью. Она позволила ему покрыть ее, два дня продолжалась любовь милых неуклюжих исполинов, потом она не пожелала больше терпеть его, и он удалился.

Через год и пять месяцев родился детеныш: длина тела — семьдесят пять сантиметров, рост — тридцать восемь сантиметров, вес — около двадцати пяти килограммов, рога, понятно, еще не выросли. Три месяца он кормился материнским молоком, затем начал жевать побеги, до которых мог дотянуться, и мать помогала ему, пригибая ветки к земле, и он уписывал их вместе с колючками, так что только хруст стоял. Но он продолжал сосать материнское молоко — продолжал и тогда, когда подрос настолько, что ему для этого приходилось опускаться на передние колени, даже ложиться на живот. Полтора года мать выкармливала его молоком и каждый день совершала вместе с ним

большие переходы, чтобы львы не могли добраться до него. Она все еще разрешала ему сосать, если он требовал, даже когда у нее началась новая течка, и другой самец нашел ее по запаху, и она подпустила самца к себе. Первый детеныш должен был оставаться с матерью еще полтора года, до рождения второго отпрыска, после чего первенцу полагалось «подвинуться» и начать самостоятельную жизнь.

Детеныш уже заметно вырос, его мать уже девять месяцев носила второго, когда в Мусусумойе развернулась операция «Носорог».

На рассвете дул холодный северный ветер, пригибая высокую траву. Они стояли, изучая след, на который их вывели следопыты старины Нормана, и проклинали ветер. Свежий след ясно выделялся на мягкой песчаной тропинке среди травы, зверь прошел здесь час-другой назад, даже морщины подушечек можно различить, но что толку при таком ветре. Достаточно присесть и дунуть, чтобы след размазался — и не отличишь его от вчерашнего следа. А след направлялся в ту же сторону, что и ветер, иначе и быть не могло, ведь носорог предпочитает идти по ветру, чтобы лучше чуют все, что приближается со спины. Такая же история была вчера. Они шли по вызывающе свежему следу, шли по ветру, и все отпечатки свежие, оставлены самое большее полчаса назад, и навоз теплый, влажный, и морщины подушечек видны, а толку чуть. Носорог шел по ветру, ветер приносил ему их запах, и зверь продолжал уходить. Они преследовали его до самого заката, потом пришлось сдаться. Сегодняшний день сулил то же самое. И они решили пойти против ветра и рассыпались редкой цепочкой, высматривая другие следы на травянистых буграх. В полдень Бен обнаружил след носорожихи и детеныша. Они пошли по следу и в час дня увидели животных, залегших в тени, и Томпсон всадил в самку шприц, и

она, яростно пыхтя и фыркая, с трудом поднялась на ноги и затрусила прочь, и детеныш побежал за ней вприпрыжку, прижимая уши к голове.

Огромная тяжелая самка с поблескивающим на боку шприцем трусила, фыркая и ухая, чтобы нагнать страх на врага, где бы тот ни скрывался, и не терять контакта с детенышем, и детеныш скакал за ней следом. Со всей доступной ей скоростью она выбежала из травы на бугристый холм, стараясь уйти подальше от преследователей, и детеныш мчался за ней, все так же прижимая уши. Носорожиха перевалила через холм, спустилась в овраг, пересекла сухое русло и продолжала бежать по холмам, и кожа ее покрылась потом. Она перешла на тяжелую рысцу, топоча громадными копытами, словно ломовая лошадь: голова с грозным рогом поднята вверх, сторожкие уши направлены вперед, а глаза озираются по сторонам, огромное брюхо покачивается. Пятнадцать минут бежала она так и покрыла около пяти километров пересеченной местности, и тут начало сказываться действие М-99.

Носорожиха вся взмокла, влажные темные пятна проступили на спине, на шее, на брюхе, между ногами, и сердце колотилось, она тяжело дышала, и в глазах помутилось, и стало не хватать воздуха, и она пошатнулась на ходу. Мотала огромной головой, силясь прогнать дурман, ноздри ее раздувались, и пасть раскрылась, издавая чмокающие звуки. Отяжелевшие ноги стали подкашиваться, она спотыкалась и кренилась из стороны в сторону, и огромную голову тянуло вниз, и носорожиха начала стонать. Задела дерево и содрала с него кору, врезалась в кустарник и растоптала его, проложив широкую неровную дорожку для преследователей. Детеныш трусил за ней следом, поскуливая. Она задела собственного детеныша и сбила его с ног, и он взвизгнул, она въехала головой в дерево

и с громким хрипом рухнула на грудь, задрав кверху могучие бедра, потом перевалилась на бок. Удар о землю привел ее в себя, она встала, вращая ошалелыми, мутными глазами, и с тяжелым сопением побрела вверх по склону, сопровождаемая детенышем, который теперь опасливо сторонился ее.

Холм венчался крутой скалой высотой около пятнадцати метров, с широкими выступами по бокам. Носорожиха брела вверх по вытянутому бугристому откосу, спотыкаясь, качаясь, натываясь на деревья, топчa кусты и опрокидывая камни, и сердце ее колотилось, и кожа лоснилась от пота. Сорок метров отделяло ее от макушки; детеныш старался не отставать. Она продолжала ковылять вверх по склону, силясь уйти от дурмана, ее качало в обе стороны, она спотыкалась, ударялась о деревья, падала на колени, с хриплыми стонами снова поднималась на подкашивающиеся ноги, и уже двадцать шагов оставалось до макушки холма, и через две минуты наркоз должен был окончательно свалить ее. В десяти шагах от вершины она еще раз наткнулась на дерево и упала.

Носорожиха шлепнулась на бок и осталась лежать, издавая громкие стоны, и скулящий детеныш стоял рядом с ней, вертя ушами и озираясь по сторонам. Наконец его могучая родительница опять встала на ноги. Тяжело поднялась и побрела вверх по скале, и в трех шагах от вершины ее повело вправо. На подкашивающихся ногах, опустив голову с помутневшими глазами, она проковыляла два десятка шагов вдоль гребня, продолжая стонать, потом свернула в сторону, и детеныш трусил за ней, повизгивая. Носорожиха врезалась в дерево, чуть не упала, качнулась и снова взяла курс на вершину. Десять нетвердых шагов, девять, восемь, семь, шесть... Споткнулась о камень и чуть не грохнулась, но в

последнюю минуту выпрямилась и добрела до самого гребешка, неотступно сопровождаемая детенышем. Огромное сердце ее колотилось, она вся обливалась потом, еще минута — и рухнет без сознания, и она перевалила через гребень.

Она сорвалась вниз головой, с диким воем пролетела три-четыре метра и приземлилась на первом широком уступе, но огромные бедра перевесили, и она покатила по крутому склону, и толстые ножищи мелькали в воздухе, и огромное брюхо билось о крутой склон, так она со стуком кувыркалась до следующего уступа, но исполинский вес не дал ей остановиться, и она продолжала ехать по склону, и камни с грохотом катились следом и прыгали через нее. В облаке пыли она скользила по круче до самого низа и, наконец, с треском остановилась под стук осыпавшихся камней.

Детеныш, объятый ужасом, стоя на краю скалы, хотел было прыгнуть вдогонку за матерью, но испугался. Он совсем потерял голову без матери, попятился назад и заскулил и забегал вдоль гребня, и сердце его отчаянно билось, и он снова хотел прыгнуть вниз, но не осмелился и отскочил от края. Повизгивая, подбежал к тому месту, где сорвалась носорожиха, и высунул голову над гребнем, направив уши вперед, высматривая мать, и весь подобрался и присел для прыжка, но прыгнуть не смог. Страх высоты заставил

его отступить с колотящимся сердцем, и он отчаянно заметался по скале, высматривая, где спуститься или съехать вниз на копытах или даже прыгнуть, лишь бы было не так высоко; добежал до конца гребня и не нашел подходящего места и совершенно растерялся. Повернул обратно, снова побежал вдоль гребня, выискивая спуск, испуганно вертелся и пытался заставить себя прыгнуть и метался, спотыкаясь, снова и снова заглядывал через край, и страх становился все сильнее и сильнее, и он добежал до другого конца гребня и, наконец, увидел спуск. Очень крутой и каменистый спуск, но все же не голая скала, и он весь подобрался и прыгнул вниз и поехал по крутому склону, спотыкаясь и скользя, хрипя и буксуя, копыта растопырены, голова опущена, круп задран кверху; он ковылял и скользил, падал и снова поднимался и скользил дальше, сбивая камни на ходу, и так до самого низа. Но матери там уже не застал.

То ли шок от долгого падения был виноват, то ли боль в огромном брюхе, а может быть, она ничего особенного и не почувствовала сквозь дурман, но только могучая носорожиха некоторое время лежала на боку, постанывая, потом отдышалась и поднялась. Тяжело поднялась, нутужно дыша, вся в поту и в крови от глубоких кровоточащих ссадин, отошла от скалы примерно на полкилометра и свалилась. Хрипя и постанывая, опять встала на ноги, ненароком вклинилась головой и плечами между двумя огромными камнями и впала в забытие. С протяжным, стонущим дыханием она уснула стоя, и тут детеныш нашел ее.

Он подбежал к ней галопом, дрожа, повизгивая, задыхаясь, ткнулся в брюхо мордой с коротеньким рогом, ткнулся еще раз, потом, облегченно поскуливая, обежал кругом и ткнулся мордой в другой бок. Нетерпеливо затопал ногами. Начал бегать туда и обратно, озираясь по сторонам и вертя ушами, наконец,

вернулся к матери и решил утолить жажду. Опустился на колени, затем распластался на животе и добрался до соска. Не то чтобы жажда очень томила его, но надо же было чем-то заняться. Минут пять он шумно сосал, подталкивая брюхо головой, чтобы лучше ухватить сосок широким ртом, а когда насосался, встал и снова начал бегать по кругу. Потом лег на землю — раз уж матери взбрело в голову спать.

Следопыты сильно встревожились, обнаружив, что следы ведут через скалу. Отыскали крутой спуск на другую сторону. Когда они нашли носорожиху, детеныш опять сосал.

Надо было возможно скорее отвезти самку в лагерь, но если выстрелить шприцем в детеныша, он мог убежать довольно далеко, прежде чем впадет в забытие. И они решили поймать его так. Быстро рассыпались, окружая его, и стали тихо приближаться. За сорок метров детеныш почуял их.

Он выбрался рывком из-под материнского брюха и стал тревожно озираться, насторожив уши, и при виде людей испуганно фыркнул, предупреждая мать, и повернулся к ней. Пырнул ее своим тупым рогом в бедро, требуя, чтобы она его защитила, потом опять повернулся навстречу цепочке людей. Они медленно приближались, волнуясь ничуть не меньше его. Детеныш фыркнул, забежал с другой стороны, стал мордой к людям, наклонил голову и угрожающе мотнул ею с громким фырканием, чтобы испугать их, но они продолжали наступать. Он вернулся бегом на прежнее место, уперся задом в материнский бок и зафыркал, взмахивая рогом, но они все приближались. Тогда он наклонил голову и разинул пасть, взревел и пошел в атаку, но это был ложный выпад; с грохотом пробежав десять шагов, он резко затормозил и поспешно возвратился к матери. Двадцать шагов теперь отделяло

его от людей. Он фыркал, он ревел, и он снова, наклонив голову и стуча копытами, пошел в атаку, нацелившись на ближайших к нему людей, и люди отпрянули и бросились врассыпную, и детеныш развернулся и галопом побежал обратно к матери; добежав до нее, он опять повернулся к противнику, пыхтя, дрожа и сверкая глазами. Когда цепочка приблизилась на пятнадцать шагов, Куце и Томпсон отделились от других и пошли на детеныша.

Они приближались с разных сторон, держа в руках веревки, и детеныш сопел, пыхтел, фыркал и вертел головой, стараясь держать обоих в поле зрения. Делал выпад рогом то в одном, то в другом направлении; наклонив голову и фыркая, подался в сторону Томпсона и отпрянул назад, растерянно озираясь, потом подался, фыркая, в сторону Куце и отпрянул к матери, и они бросились к нему бегом с веревками, Куце — с одной стороны, Томпсон — с другой, и детеныш хрипло взвизгнул от испуга и ярости и пошел в атаку на Томпсона.

Наклонив голову и стуча копытами, он пошел в атаку, и Томпсон стоял как вкопанный, держа наготове веревку и сам готовый отскочить вбок, и детеныш в отчаянии бросился на него, и Томпсон хотел отскочить, но детеныш круто развернулся и пырнул его. С маху пырнул Томпсона рогом в ляжку, вложив в удар все свои триста килограммов, и Томпсон, раскинув руки и ноги, упал ничком на каменистую землю, и детеныш яростно бросился на него и снова изо всех сил пырнул в ягодицы, и Томпсон покатился кувырком по склону, и маленький носорог бежал за ним, наклонив голову, и дал ему еще тумака. С ходу боднул в бедро, и Томпсон, чертыхаясь, разметавшись, весь в ссадинах и в пыли, продолжал катиться кувырком по склону, наконец, собрал руки-ноги и встал, весь в поту, пыли и крови, и ринулся, чертыхаясь, за своим ружьем. Носорожик уже

разворачивался, чтобы бежать обратно к матери, и Томпсон вскинул ружье и всадил шприц ему в бедро, и носорожник испуганно взвизгнул, свернул в сторону и опрометью бросился наутек через заросли. Томпсон послал вдогонку следопытов, потирая ссадины и чертыхаясь, затем поспешил к переносной радиостанции и сказал старине Норману, чтобы он приехал за ними.

Носорожник пробежал три километра. Когда они его настигли, он бродил, пошатываясь, по кругу. Они крепко-накрепко связали его и сразу же впрыснули налорфин. Понадобился целый отряд, чтобы держать его.

Глава одиннадцатая

Было уже темно, когда они доставили самку и детеныша к загону в Мусусумойе. Детеныша на всякий случай, чтобы случайно не причинил матери новых повреждений, поместили, не развязывая, в соседний отсек и занялись самкой. У нее было много ссадин и глубоких царапин, в остальном же как будто ничего серьезного. Она все еще крепко спала, издавая протяжные стоны, но это было в порядке вещей. Вот только беременность их беспокоила. Они впрыснули носорожихе пенициллин и налорфин и развязали ей ноги, затем, взобравшись на верх ограды, стали с беспокойством ждать, когда она очнется. Самка лежала на земле — вся в ссадинах, брюхо огромное. Они окликали ее, чтобы разбудить, потом стали кричать хором, но водой не обливали, боясь вызвать шок. Наконец она проснулась, много позже обычного срока, и с великим трудом поднялась на ноги; ее шатало, и она несколько раз падала, прежде чем утвердилось на ногах, и они успокоились — как эти падения скажутся на беременности. Носорожиха ковыляла в своем отсеке, качаясь и тыкаясь в жерди, и вид у нее был очень жалкий, и несколько раз она засыпала стоя, сипло дыша, и они кричали, чтобы разбудить ее и заставить напиться воды. Просунули между жердями палку и

поболтали ее в воде, чтобы привлечь внимание носорожихи. В третьем отсеке был заточен взрослый носорог, он топтался, раздувая пыль, и фыркал и с разбега дубасил мопановые жерди, хотел добраться до соседки и казнить ее; попытится, сверля ее взглядом через щели, затем опять атакует жерди.

Самка не обращала на него внимания, все ковыляла по своему отсеку, потом принялась звать детеныша, и крепко связанный детеныш отозвался из соседнего стойла. Но они не хотели развязывать детеныша, чтобы он не отвлекал ее, пока она не попьет воды. Снова и снова болтали палкой в воде и окликали носорожиху, чтобы окончательно разбудить и отвлечь ее от детеныша, и она еще долго ковыляла вслепую по отсеку, наконец, набрела на воду и напилась.

После этого развязали детеныша. Четверо сидели на нем, пока ему развязывали ноги, потом бросились врассыпную. Детеныш вскочил на ноги и кинулся на людей, которые поспешно выбирались из стойла, но тут он услышал и почуял и увидел свою мать через щели между бревнами. Подбежал, уткнулся мордой в жерди и заскулил. И мать добрела до жердей, уткнулась в них мордой с другой стороны и поскулила в ответ, успокаивая его. Наконец-то дурман совсем оставил ее, и они стояли нос к носу, разделенные жердями, и поскуливали. Люди отправились спать, сильно беспокоясь из-за ссадин и ушибов носорожихи, но утешая себя тем, что ей вроде бы уже получше. Всю ночь самка и детеныш перекликались друг с другом.

Беременная самка неплохо поела и как следует напилась, однако вела себя очень апатично. Стоит себе на месте, свесив голову, иногда приляжет. Она не реагировала ни на соседа, ни на людей, которые подходили к загону, озабоченные ее состоянием; все стояла, уткнувшись мордой в жерди, и окликала

детеныша. На третий день, в восемь часов вечера, у нее произошли преждевременные роды.

Один из следопытов прибежал с этой новостью к палатке старины Нормана, и Норман поспешил к загону и увидел все сам.

Она стояла, свесив голову, уткнувшись мордой в жерди соседнего отсека, где был ее детеныш, и стонала; по массивным задним ногам на землю стекала густая ярко-красная кровь, смешиваясь с пылью и образуя широкую лужу. Посреди этой кровавой лужи лежал плод — черный, блестящий, мягкий, вполне сформировавшийся маленький самец, сорок пять сантиметров в длину, тридцать сантиметров в высоту. Крохотные глазки были закрыты, под шелковистой кожей чуть проступали ребрышки, на ножках светились по три прозрачных копытца; влажные мягкие ушки плотно прилегали к голове, и бархатные складки бороздили блестящую, желтовато-черную в свете фонарей кожу с кровавыми потеками. Он был мертв. А полувзрослый детеныш в соседнем стойле стоял, уткнувшись мордой в жерди, поближе к материнским ноздрям.

Старина Норман был бессилён что-либо сделать. Попробовал было тихонько спуститься в отсек за спиной носорожихи, чтобы осмотреть ее и выяснить, можно ли ей как-нибудь помочь или хотя бы удалить мертвый плод из загона, но она услышала его, когда он был на полпути, и развернулась, шатаясь — несчастная, окровавленная, разъяренная, — и пришлось Норману поспешно карабкаться вверх. Она не собиралась пускать его в отсек, не говоря уже о том, чтобы позволить ему вытащить плод. Прогнав старину Нормана, носорожиха постояла, сердито озираясь, потом вяло опустила голову, обнюхала лежащий на земле плод, тяжело развернулась в кровавой луже,

снова уткнулась мордой в жерди, отделяющие ее от детеныша, и поскулила, и он заскулил в ответ.

Старина Норман был бессилён что-либо сделать. Разве что усыпить носорожиху шприцем на несколько часов, но он опасался, что шок может ее убить. Норман связался по радио с Солсбери и попросил прислать ветеринарного врача, хотя и понимал, что тот не скоро доберется до Мусусумойи. Ни Норман, ни кто-либо другой не могли тут ничего поделать. Он взял фонарь и опять забрался на верх ограды, решив дежурить всю ночь.

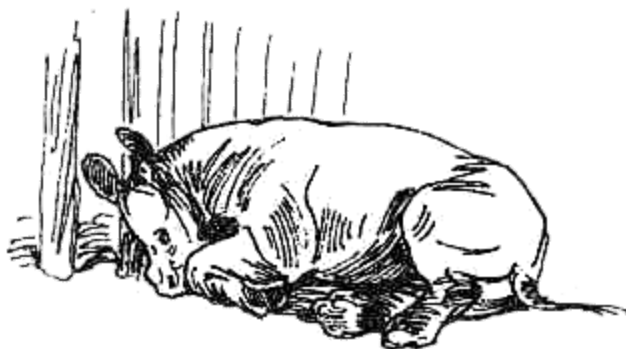
Носорожиха стояла, уткнувшись мордой в жерди, и перекликалась с детенышем, и кровь сбегала ручьем по ее толстым ногам в желтом свете фонаря. Крови натекло много, чуть не вся земля в отсеке превратилась в кровавое месиво. Около полуночи она свалилась. Закачалась, обмякла и повалилась на бок в собственную кровь, не отнимая морды от жердей, и так и осталась лежать, постанывая и окликая детеныша. Она истекала кровью. Старина Норман ничем не мог ей помочь. Она лежала, умирая, и окликала детеныша через жерди, и детеныш тоже лег в своем отсеке, чтобы быть поближе к матери, и поскуливал в ответ. Он слышал запах ее крови. Так они пролежали всю ночь, и кровотечение не прекращалось. Носорожиха умерла до рассвета, и в свете Норманового фонаря ее стойло выглядело сплошным кровавым болотом, и, когда она перестала дышать, детеныш заскулил сильнее прежнего, он распластался на земле, прижимаясь мордой к жердям, и громко плакал.

Как только рассвело, старина Норман подогнал к загону «лендровер», обвязал веревками мертвую самку и плод и вытащил их из отсека. При этом детеныш разволновался, забегал взад-вперед в своем отсеке. Норман велел рабочим взять лопаты и очистить отсек от кровавой грязи. Оттащив труп в буш за три километра,

чтобы детеныш не слышал запаха, он произвел вскрытие носорожихи. У нее были сильные внутренние повреждения от падения со скалы. Потом Норман развел большой костер и сжег останки.

Рабочие хотели съесть мясо, но он не разрешил.

Они провели в Мусусумойе два месяца, отловили семнадцать носорогов и перевезли их в Гона-ре-Жоу. В районе Умфурудзи оставалось еще четыре, может быть, шесть носорогов, но они совсем не подпускали к себе людей, пробегали в день по пятьдесят-шестьдесят километров, уходя от преследования. Тогда ловцы перебазировались к реке Руйе, в земли вождя Масосо, с тем, чтобы позднее вернуться в Мусусумойю. Оттуда они должны были отправиться в Гокве.

Часть третья

Глава двенадцатая

Поначалу на Руйе все складывалось как нельзя лучше. Каждый день мы ловили по носорогу. Каждый день еще до рассвета старина Норман высылал на разведку следопытов из своего лагеря на берегу Руйи, каждый день на восходе они прибегали обратно в лагерь и докладывали, что обнаружен след, и старина Норман включал радио и вызывал Ньямасоту: «Четыре-один, четыре-один, четыре-один, четыре-один». И в холодке раннего золотистого утра раскатывался голос Томпсона: «Чи-пим-биии-ри!» Мы вскакивали на ноги и выбегали из палаток, одеваясь на ходу, и я кричал Брайтспарку Тафурандику, чтобы принес мне к «мерседесу» апельсин, кружку кофе и горсть таблеток глюкозы. Грузовик уже ждал, и Мкондо всегда выглядел бодрым — и несколько отчужденным, вроде Бена, и по утрам от него всегда пахло зубной пастой. Мкондо поставил свою старую никелированную кровать и натянул свой собственный тент под деревом мопани в сторонке от других африканцев, включая следопытов, и одеяла у него всегда были тщательно сложены на кровати. Лагерь следопытов — у них было стандартное казенное оборудование — тоже выглядел очень опрятно; местные рабочие спали на собственных одеялах у своих костров и казались порядочными

неряхами рядом со следопытами в аккуратной защитной одежде и темно-зеленых кепи; но и они были молодцами по сравнению с моим Брайтспарком Тафурандикой, когда он, запыхавшись, семенил через высокую росную траву, держа в одной руке кружку с расплескивающимся кофе, в другой — горсть таблеток, прижимая апельсин к груди подбородком, страшно довольный, что на целый день избавляется от меня. У Брайтспарка Тафурандики вообще не было новой одежды, а в экспедицию он и вовсе взял с собой последнее старье, дыра на дыре. Попытка облачить его в форму не привела бы ни к чему хорошему. Вам не давала бы житья кислая физиономия Брайтспарка Тафурандики, а после первой же попойки он вернулся бы в лагерь голый, громогласно понося «грабителей». И даже стал бы требовать, призывая Всевышнего в свидетели, чтобы вызвали полицию из Солсбери.

В первую неделю на Руйе я успевал только сделать два-три глотка кофе, а там уже все в сборе, и Томпсон кричит, чтобы мы забирались в кузов «мерседеса», и Мкондо включает рокочущий мотор, и мы, ежась от утреннего холодка, несемся по нескончаемой горбатой колее к лагерю старины Нормана. Всю первую неделю было вдоволь четких следов, и, хотя работа следопытов осложнялась множеством скалистых холмов, расселин и оврагов, к полудню, в крайнем случае, в начале второй половины дня, нам всякий раз удавалось выйти на носорога, и старина Норман приезжал за нами и еще до полуночи доставлял нас вместе с нашей добычей в Ньямасоту. В первые четыре дня мы отловили четырех крупных самцов, так что загон был полон негодующих носорогов; они сопели и фыркали на нас, каждый в своем отсеке, и пытались добраться до соседа через просветы между бревнами, и грозный рог таранил бревно или проскакивал в щель, и весь загон ходил ходуном. А ночью мы слышали, как они в лунном свете

окликали друг друга, тихо взвизгивая. Звери подбадривали друг друга, жаловались друг другу. Когда в загоне не осталось свободных мест, мы перегнали носорогов в большие клетки, затем погрузили клетки на машины — работа на целый день, — и караван грузовиков отправился в безостановочный тысячекилометровый рейс до заповедника Гона-ре-Жоу. И помаялись же мы, перегоняя в клетки брыкающихся и бодающихся зверей; загон пришелся им не по нраву, а клетки и подавно. Носорогам было невдомек, что в Гона-ре-Жоу, где до них не смогут добраться никакие браконьеры, их ожидает долгая счастливая жизнь. У каждого из них глубокий шрам опоясывал шею или ногу, а ведь все они были еще молодые. В ту первую неделю мы нашли три черепа носорогов и по зубам определили, что жертвы браконьеров были молодые взрослые животные.

Череп — это по части старины Нормана. В искусстве ловли браконьеров ему не было равных. Пока мы отлавливали носорогов, старина Норман тихо делал свое дело. Спокойный, выдержанный, приветливый старина Норман люто ненавидел браконьеров. И так же ненавидели их работавшие с ним африканцы. У объездчиков егерского надзора были на то свои причины. Снова и снова, захватив с собой скатанное одеяло, наручники, блокнот и карандаш, они на несколько недель отправлялись патрулировать в буш и патрулировали в одиночку, даже без собаки. Там, где водятся слоны, нельзя выходить на поиск с собакой, потому что слон бросится на собаку, и она побежит обратно к вам и приведет гонящегося за ней слона. Объездчик-африканец патрулирует с огнестрельным оружием. День за днем идет он по следу и врывается в лагерь браконьеров и задерживает их, потом несколько дней в одиночку ведет в базовый лагерь. И сколько раз случалось, что браконьеры нападали на объездчика и

оставляли его погибать. Бей, пинай, палкой его, копьем его, стреляй в него, а когда свалить, избитого, окровавленного, добавь ему еще пинков и тычков, потом хватай свои вещички и беги, оставив его подыхать, пусть львы, и гиены, и муравьи, и солнце доконают его, черт с ним, только бы уйти и продолжать браконьерствовать. Немало объездчиков погибло от рук браконьеров, от ружья, топора, дубинки: лежишь среди буша один-одинешенек, и никто не слышит твоих криков, и товарищи найдут тебя нескоро — много позже, чем гиены и стервятники. Четыре подонка закололи копьями Насилеле около Форт-Виктории. Другие в упор застрелили Магоду в районе Уанки. Там же Манджату оглушили дубинками и бросили на костер, и когда его нашли, кожа лица спеклась с кожей плеча. В Гона-ре-Жоу жена одного подонка ударила Тивану топором по голове, забросала его горящими головешками и убежала. Сколько убитых копьями, топорами, дубинками, пулями, сколько зловещих угроз! Надо быть жестоким, хладнокровным, отъявленным мерзавцем, чтобы стать браконьером, способным губить и зверей и людей.

Старина Норман немало выведал о браконьерах Руйи задолго до того, как прибыл туда. Сведения стекались к нему с разных сторон. Он знал о большинстве браконьеров, кто они и откуда. Вся штука заключалась в том, чтобы найти их, добыть доказательства и задержать. И не только их, не только тех, за кем тянулась цепь коварных ловушек и долгих, мучительных смертей; его занимали более крупные фигуры. Старина Норман охотился за всеми участниками гнусного промысла, за теми, кто скрывался за кулисами: посредниками в городах и на океанском побережье, оптовиками, делающими бизнес на истреблении животных, поощряющими браконьеров, скупая у них шкуры, рога и слоновую кость, чтобы

вывезти товар за рубеж. Старина Норман охотился на оптовых истребителей.

Норман и его объездчики работали тихо и неприметно. Пусть считают меня недотепой, говорил старина Норман. И посылал объездчиков на разведку в деревенской одежде, и внедрял их среди местных рабочих, и разговаривал при местных жителях только на языке чилапалапа, делая вид, будто не знает их собственного наречия, и прикидывался недотепой, у которого на уме только поиск носорогов, а сам держал ухо востро и все примечал. Ночью его объездчики возвращались в лагерь и докладывали, что они видели и слышали в буше и среди местных рабочих и в краалях, и старина Норман сводил все воедино, надевал очки и записывал и ждал своего часа, никого, даже Томпсона и начальство в управлении, не посвящая в свои дела.

Глава тринадцатая

Ловушка была сделана из высокопрочного стального троса, который браконьер нашел на рудничной свалке и прокалил, чтобы тот стал менее упругим и покрылся маскирующей окисной пленкой. Согнув конец троса, так что получилось ушко, он закрепил его винтовым зажимом, затем продел в ушко другой конец провода, и ловушка была готова. Он добирался до Руйи издалека, и в чемодане у него лежало много ловушек, топор, старая шомполка, самодельный порох и мешочек с гайками, болтами, подшипниками и гвоздями, играющими роль картечи; и колдун прочел свои заклинания над его ловушками и ружьем и заговорил их, чтобы принесли браконьеру удачу. Забравшись в глубинку, он в буше соорудил из хвороста изгородь длиной почти в километр и оставил в изгороди проходы, а в проходах развесил ловушки, прикрепленные другим концом к деревьям.

Молодая носорожиха почуяла опасность, когда рог и правая передняя нога проделись в петлю, рванулась назад и выдернула из ловушки могучую голову, но передняя нога зацепила трос, и петля затянулась. Ощувив сопротивление, носорожиха фыркнула, попятилась и затянула петлю еще туже; тогда она повернулась, чтобы бежать, но ловушка подсекла ногу

и носорожиха упала. Тяжело упала на грудь, и трос врезался в мясо. Она вскочила на ноги, взревев от ярости, боли и шока, снова метнулась в сторону и снова упала. Вскочила, дернулась назад, но трос потянул ногу вперед, и носорожиха опять опрокинулась на землю. Она встала с испуганным ревом, она пыталась вырвать ногу, дергалась, вертелась, рвалась и поднималась на дыбы, и с каждым рывком трос врезался глубже. Он вгрызался в мышцы и сухожилия, но она продолжала сражаться, раскачивая дерево, к которому была прикреплена ловушка. Целый час она сражалась, и с каждым рывком трос впивался все глубже, он дошел до кости, потом врезался в кость, и тут он лопнул на изгибе около ушка. Браконьер перестарался, прокаливая трос на костре, что и отметил впоследствии с досадой, и решил в другой раз быть осмотрительнее. Когда трос лопнул, носорожиха опрокинулась, потом в неистовстве вскочила и побежала, хромая, но врезавшаяся в кость петля осталась в ноге. Оборванные концы ржавого троса растопырились, однако тугие мышцы и винтовой зажим не давали ему выскочить. С тросом, врезавшимся в кость, она бежала, хромая, спотыкаясь, припадая на переднюю ногу, стремясь уйти подальше от ужасного места. Из ноги непрерывно струилась кровь, и браконьер легко нашел бы ее по такому следу, но он только два дня спустя собрался проверить ловушку и был очень недоволен, что трос не выдержал, и решил, что будет чересчур хлопотно преследовать зверя, чтобы добить его, и носорожиха ушла. И начались для нее адские муки.

Три месяца бродила носорожиха с врезавшимся в кость ржавым тросом, с огромной гноящейся опухолью, и растопыренные острые стальные жилки все время терзали тело. Потом страшная рана начала заживать. Ржавый трос оброс живой тканью, мышцы и сухожилия стали срастаться, и она ступала, припадая, на поврежденную ногу, и притерпелась к боли. Круглая борозда затянулась кожей, не зажило только то место, где торчали и теребили мясо жесткие жилки оборванного троса; здесь осталась открытая гноящаяся рана, и по всей окружности распухшей ноги гноились болячки.

Потом ее отыскал могучий самец, и она понесла.

Детенышу было полтора месяца, когда мы ранним утром обнаружили след носорожихи. Она хромала, но передвигалась вполне уверенно, и она притерпелась к боли. На краю зарослей высокой травы Томпсон всадил в нее шприц, и она пробежала, хромя, с полтора километра, потом свалилась, и детеныш лег на землю подле нее и нашел сосок. Томпсон и ему всадил

четверть дозы М-99, и детеныш вскочил, испуганно озираясь, чувствуя боль от иглы. Минуты три он тревожно метался вокруг матери, ища глазами врага, вертя раструбами ушей, а мы сидели неподвижно в шестидесяти шагах и смотрели; затем препарат начал действовать. Детеныш качался, он описывал все более широкие круги около матери, потом отупело побрел прочь, и мы встали и пошли за ним, следя, чтобы с ним не приключилось беды. Он брел, припадая на передние ноги, спотыкаясь, тяжело дыша, и торчащий в его плече большой шприц казался чересчур жестоким испытанием для такого маленького носорога, и он врезался головой в нору трубкозуба, так что одни задние ноги торчали. Он выбрался из норы сам и заковылял дальше, и Томпсон попытался его удержать, но детеныш все еще был слишком силен. Описав широкую дугу, он направился, шатаясь, в нашу сторону, совсем одурманенный, и наконец впал в забытие. Мы крепко связали его, потом впрыснули налорфин, и через три минуты втроем можно было удержать детеныша. Только теперь мы увидели, в каком состоянии нога его матери.

Ночью, уже в загоне, Томпсон попытался сделать операцию. Пока еще действовал наркоз, он вскрыл рану, идя за тросом, но, увидев, как глубоко врезалась петля, наложил швы и сообщил по радио в Солсбери, чтобы выслали ветеринара.

Глава четырнадцатая

Весть о том, что звериный доктор, белый, будет оперировать раненого чипимбири, распространилась по всей Руйе. За тридцать километров шли к нам люди вождя Масосо; мужчины и женщины, старики и дети тридцать километров шагали через сухой жаркий буш. Они начали прибывать уже на другой день, еще до того, как ветеринар добрался до нас на своем «лендровере»; толпились вокруг загона и смотрели в просветы между бревнами на чипимбири, которого поймали эти белые сумасброды. Присмотревшись, как Брайтспарк Тафурандика расхаживает среди них с хозяйским видом, я заподозрил, что он пытается всучить им билеты на ожидаемое представление, но Тафурандика стал с жаром опровергать мои подозрения.

— Вы что, и в маленького детеныша тоже снадобьем стреляли? — спросил Брайтспарк Тафурандика, чтобы переменить тему.

— Ну да.

— Э! — воскликнул Брайтспарк Тафурандика. — Ну и зря. Да я его голыми руками поймал бы.

— Отлично, — сказал я. — Завтра, когда врач будет делать операцию, сперва надо будет отделить детеныша и поместить его в клетку. Так я скажу нкosi

Томпсону, что ты справишься голыми руками, и он будет тебе очень благодарен.

— Э, — ответил Брайтспарк Тафурандика, — я с удовольствием помог бы не کسی Томпсону, но ведь у меня малые дети.

— Я даже снимок сделаю, как ты ловишь его голыми руками, — пообещал я. — И пошлю фотографию в Голливуд.

— Голливуд? — заинтересовался Брайтспарк Тафурандика. — А где это — Голливуд?

— Это такое место в Америке, где фильмы делают. И красивые девушки увидят на снимке, как ты ловишь чипимбири голыми руками, и скажут: «Ух ты, вот так Брайтспарк!»

— Нет, — с сожалением произнес Брайтспарк Тафурандика, — я старый человек, а дети у меня малые.

На другое утро с первыми лучами солнца в ожидании спектакля вокруг загон столпились люди вождя Масосо, сто с лишним душ. День выдался пригожий, в самый раз для лечения чипимбири. Томпсон велел зрителям слезть с ограды, а вообще-то он был рад публике. Пусть посмотрят, какое бедствие эти ловушки. Публика встретила гулом ветеринара Джона Конди, когда он вышел из палатки со своим снаряжением.

Сначала Томпсон влез с обездвиживающим ружьем на ограду и всадил в носорожиху добрую дозу М-99. Зрители ликовали, и Томпсону пришлось прикрикнуть на них, чтобы не галдели: это трагедия, а не цирк. Африканцы поспешили сделать серьезные лица. Минут двадцать сидели мы на ограде, ожидая, когда носорожиха свалится, и африканцы громко выражали свое восхищение могучим зверем. Когда она затихла, мы подтянули клетку и открыли загон. Набросили на голову детеныша аркан и потащили его, скулящего и упирающегося, прочь от усыпленной матери и заперли в

клетке, чтобы не мешал, и зрители снова дали волю ликования, и Томпсону пришлось опять призывать их к порядку: дескать, тут не смеяться, а плакать надо. Затем он велел рабочим выгрести навоз из отсека. После этого помощник Джона Конди вылил на землю в отсеке несколько ведер дезинфицирующего раствора, и африканцы решили, что начинается колдовство, призванное изгнать злых духов, и все притихли, потому что со злыми духами шутки плохи. Потом задние ноги носорожихи связали веревкой. Облив дезинфицирующим раствором воспаленную переднюю ногу, Конди попросил, чтобы шесть рабочих уселись на носорожиху и прижимали ее к земле на случай, если она очнется, и зрители заметно оживились. Джон Конди расстелил на земле резиновый коврик и разложил на нем хирургические инструменты. Публика была в восторге.

Конди вскрыл исследованную Томпсоном гноящуюся рану, сделал широкий и глубокий разрез, обнажая торчащие жилки ржавого троса. Стали видны сухожилия и мышцы — воспаленные, белые, желтые, кровоточащие, — и вокруг растопыренных стальных жилок мышечная ткань отливала серо-зеленым оттенком, из нее сочилась кровь с гноем.

Конди отделил щипцами от мышц каждую ржавую жилку, потом погрузил в рану кусачки и одну за другой перекусил жилки, извлекая их наружу в оболочке крови и гноя. На это ушло немало времени. Затем он стал углубляться в ткани вдоль троса, орудуя инструментом, пока не уперся во что-то твердое. Конди поднял глаза на Томпсона.

— Трос врезался в самую кость, — сказал он. — И оброс сверху костной тканью.

— Оброс сверху?

— Вся петля покрыта свежей костной тканью. Только этот конец торчит.

Ржавый стальной трос врезался в живую кость, и растопыренные жилки торчали и терзали мышечную ткань всякий раз, когда носорожиха двигала ногой... Мне стало нехорошо.

— Я могу долбить кость, — продолжал Конди. — Это долгая процедура. Обработывая кость, рискуешь еще больше повредить мышечную ткань и сухожилия. Самка надолго выйдет из строя. Не сможет заботиться ни о себе, ни о детеныше.

Томпсон покачал головой.

— Или же я могу перерезать часть троса, которая еще выступает над костью, — предложил Конди. — Тем самым прекратится давление на костную ткань. И удалю все кончики, чтобы не травмировали мышцы. Тогда рана должна зажить.

Мне стало сильно не по себе.

— А какой уход потребуется? — спросил Томпсон.

— Вы сможете перевезти ее в Гона-ре-Жоу. Но сперва придется поддержать ее здесь, в загоне. И несколько раз усыплять, чтобы впрыскивать пенициллин. А я буду приезжать — менять повязку и снимать швы.

— А как насчет боли? — спросил Томпсон.

— Она притерпелась к боли. Во всяком случае, боль будет не такая, как до операции.

Томпсон выпрямился. Он держал наготове шприц с М-99 на случай, если носорожиха станет просыпаться. Лицо его выражало гнев.

— Делай, как считаешь лучше.

Он уставился на лица зрителей, которые глядели на могучего зверя через просветы между жердями.

— Вот! — крикнул Томпсон, показывая на раненую ногу животного. — Вот что сделали браконьеры! Позор им! Вот, — он показал еще раз, — почему мы приехали в это безбожное место!

Зрители постарались делать постные лица.

Джон Конди принялся удалять часть троса, выступающую над костью. Долото, щипцы, кусачки, плоскогубцы... Он освобождал долотом трос от костной ткани, разделял жилки, потом погружал в кровоточащую гнойную рану плоскогубцы и кусачки. Жилку за жилкой захватывал кусачками возможно ближе к кости, сжимал рукоятки, и слышно было, как инструмент щелчком перекусывает проволоку. Вынув кусачки из раны, он шарил щипцами, нащупывая отделенный кусок. Извечет его, промокнет рану ватным тампоном и спешит высмотреть следующую жилку, прежде чем набежит кровь. Несколько раз из-под долота выскакивал осколок костной ткани, и Конди тихонько ругался и извлекал осколок щипцами. Два часа работал он, согнувшись в три погибели, а солнце поднималось все выше, и в отсеке становилось все жарче, и все сильнее пахло землей и заточенными в соседних отсеках носорогами и влажным навозом, и разило потом от окруживших ограду зрителей и от нас. Конди прервал работу, чтобы снять свитер; затем ему все чаще приходилось делать перерыв, чтобы выпрямиться и размять затекшие ноги. Африканцы сначала смотрели с напряженным интересом, потом стали отвлекаться, потом и вовсе заскучали. Время от времени Томпсон прослушивал стетоскопом сердце носорожихи, и сразу интерес зрителей возрастал. Один раз он измерил температуру животного через анальное отверстие, и зрители были в восторге. Наконец, когда Конди почти управился с торчащими стальными жилками, носорожиха проснулась, и публика снова пришла в восторг.

Здорово! Носорожиха вдруг громко застонала и открыла глаза, подогнула ноги и задергала веревки, пытаясь встать, и Конди отскочил назад, сжимая свои инструменты, и все бросились врассыпную, но Томпсон крикнул: «Держи ее!» — и навалился всем своим весом на бедра носорожихи, и шестеро рабочих навалились на нее со всех сторон. Она выла и дергала ногами и мотала головой, ошалело сверкая глазами, и все ее могучее тело изгибалось, силясь подняться, и африканцы вместе с Томпсоном висели на ней, кряхтя и крича. Три раза предпринимала носорожиха отчаянные усилия, чтобы

встать, колотясь головой о землю, потом глубоко вздохнула и снова погрузилась в забытие.

Конди перекусил последние жилки и извлек последние осколки костной ткани. В последний раз промокнул рану ватным тампоном. Обильно засыпал ее антибиотиком и принялся зашивать здоровенной иглой. Нелегко проткнуть такую толстую кожу. Он наложил сорок швов крепким кетгутом, тщательно завязывая узлы и обрезая кончики. Зрители высоко оценивали каждый шов. Затем Конди обернул рану корпией и зафиксировал корпию белым лейкопластырем. Он несколько раз обмотал огромную переднюю ногу лейкопластырем, так что получилась широкая, толстая, белая, надежная, аккуратная круговая повязка.

Африканцы нашли повязку превосходной, и я тоже.

Глава пятнадцатая

Третья неделя августа знаменовала приближение конца засушливой зимы, и сразу дни стали жарче, в полдень царил жгучий зной, и голые шершавые деревья почти не давали тени. Во второй половине дня с севера плыли облака, белые по краям, темно-серые посередине, — предвестники летних дождевых туч, но сейчас от них тщетно было ждать дождя, дождь пойдет не раньше октября, когда Руйя почти совсем высохнет и животные, дикие и домашние, сильно отощат. Мы смотрели на облака и мечтали о дожде. Вот бы он каждую ночь орошал землю и смывал старые следы, чтобы лучше было видно свежие. Следопытам приходилось все труднее. Носороги уразумели, что за ними охотятся, и непрерывно совершали большие переходы, а на твердой сухой земле не так-то просто отличить сегодняшний след от вчерашнего.

А потом Томпсон растянул ногу, и стрелять из обездвиживающего ружья было поручено молодому Ричарду, тому самому Ричарду, который подходил под описание, полученное Куце от прорицателя. Не знаю уж, как Томпсон судил о прорицателях, но он сказал молодому Ричарду то же самое, что говорил Куце: чтобы

не рисковал, не то он будет гнать его пинками до самого Солсбери, даром что нога у Томпсона растянута.

— Ясно, Рон, — сказал молодой Ричард, горя энтузиазмом. — Конечно, Рон.

Он был счастлив, что ему поручено такое дело.

— Это чрезвычайно коварные твари, и они могут в два счета прикончить тебя, и, если я услышу, что ты позволяешь себе рисковать, видит Бог, ты у меня докатишься до самого Солсбери, — твердил Томпсон.

— Ясно, Рон, — отвечал Ричард. — Конечно, Рон.

Мы сидели у Томпсонова костра; он положил распухшую, посиневшую вокруг щиколотки ногу на скамеечку.

— Куце — это Куце. А ты — Ричард Пик, двадцати лет от роду, с обычным набором отверстий в теле, и будь любезен не умножать их.

— Точно, Рон.

— Тебе известно, что я сделаю, если услышу, что ты рискуешь?

— Ты будешь гнать меня пинками до самого Солсбери, — отвечал Ричард.

— И до самого управления, до отдела картотеки, — добавил Томпсон. — Там ты и останешься.

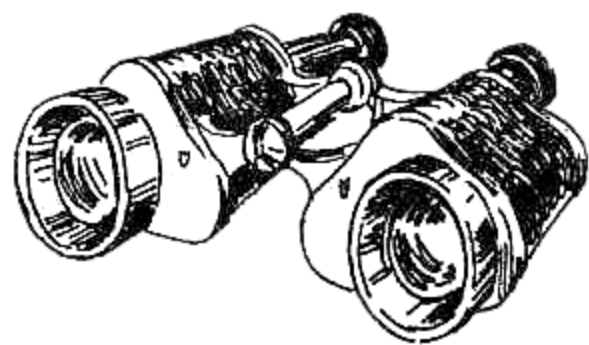
Участь пострашнее смерти.

— Ясно, Рон.

Ричард был любимчиком Томпсона.

— Будь любезен помнить, что прорицатель сказал Куце. Чистейший вздор, но ты все равно помни. И помни, что я с тобой сделаю.

Ричард горел энтузиазмом, и, вздумай Томпсон для вящей убедительности тут же, не откладывая, прогнать его пинками до самого Солсбери, Ричард все снес бы, только бы ему позволили завтра выйти с обездвиживающим ружьем.

Глава шестнадцатая

Было чудесное африканское утро, яркое, свежее, золотистое, а мы уже обливались потом в прохладном сухом русле, протянувшемся среди холмов от лагеря старины Нормана. У Ричарда были длиннющие ноги, и он был в великолепной форме, как и положено молодому здоровому объездчику, и лихо вышагивал по вязкому речному песку, в который нога на каждом шагу погружалась по щиколотку, и возглавлявшему наш отряд следопыту старины Нормана приходилось основательно напрягаться, чтобы выдерживать такой темп.

— Носорог ждет в русле, в каких-нибудь трех километрах, — сказал старина Норман перед тем, как мы вышли. — Привязан к дереву за хвост, приходите и берите.

— Ясно, мистер Пейн, — отозвался молодой Ричард. — Спасибо, мистер Пейн.

— Я только что говорил по радио с мистером Томпсоном, — продолжал старина Норман. — Он просил напомнить, что тебя ждет, если ты позволишь себе рисковать.

— Ясно, мистер Пейн, — сказал Ричард. — Спасибо, мистер Пейн.

После чего лихим жестом предложил нам следовать за ним и зашагал по руслу со скоростью хорошего рысака, и я от души пожалел, что Томпсон растянул ногу. Скорость Томпсона меня больше устраивала. После трех километров ходьбы по щиколотку в песке, когда я только и думал, как это Томпсона угораздило растянуть свою окаянную ногу, следопыт знаком велел нам остановиться. Прерывистым шепотом он сообщил, что чипимбири должен быть где-то здесь. Все мы, включая следопытов, Грэма Холла и Невина, упарились и запыхались, и сердце отчаянно колотилось, этот речной песок основательно измотал нас. Всех, кроме молодого Ричарда. Он стал шепотом совещаться со следопытом, однако мне было не до них. Я думал только о том, как хорошо лежать, растянувшись на речном песке. Но вот они крадучись двинулись вверх по руслу, и нам пришлось встать, чтобы следовать за ними.

Задыхавшись от усталости, мы прокрались около ста метров вдоль извилистого русла, и тут увидели его. Он стоял открыто в каких-нибудь ста шагах от нас на отлогом длинном косогоре. Нам повезло, нам здорово повезло: и ветер был благоприятный, и нас прикрывала излучина, и речной песок приглушал наши шаги. Все как по заказу. Мы присели на корточки. Первого носорога судьба преподнесла Ричарду на блюдечке. Я был искренне рад, что не придется целый день тащиться по следу за этим длинноногим Ричардом. Тем временем он отдавал шепотом распоряжения и, волнуясь, заряжал ружье. Сокращать дистанцию еще больше было рискованно, и нам всем надлежало оставаться в укрытии за излучиной — всем, кроме вооруженного винтовкой Холла, который должен был прикрывать Ричарда. И молодой Ричард пошел брать своего первого носорога.

Пригнувшись, горя лихорадочным возбуждением, он живо пробежал по ветру несколько шагов в высокой

траве, остановился, проверил направление ветра, потом двинулся в обход зверя. Совсем немного надо было ему пройти, чтобы оказаться на расстоянии выстрела. Из нашего укрытия мы хорошо видели и его и зверя. Носорог стоял все на том же месте. Чуть поодаль высилась стеной трава, и, скройся он в ней, Ричард оказался бы перед дилеммой. Не пойти в траву за зверем — потеряешь его, пойти — Томпсон будет гнать тебя пинками до самого Солсбери. До сих пор ему крупно везло, носорог не двигался, но мешкать было нельзя, в любую минуту зверь мог уйти в высокую траву. Ричард приблизился на сорок метров, а носорог, ничего не подозревая, все стоял к нему боком — превосходная мишень, и молодой Ричард, дрожа от возбуждения, поднял ружье, спустил курок, и ружье дало осечку.

Осечка, окаянное ружье дало осечку! Опять, черт возьми, попался негодный патрон, будь он неладен! Дрожащими руками Ричард открыл затвор и вставил другой патрон. В сорока шагах от Ричарда носорог, услышав щелчок, развернулся: уши насторожены, рог поднят вверх, глаза сверкают... Постоял, опять развернулся, глядя в другую сторону, но теперь он стоял уже не боком, недолго и промахнуться. Зверь побрел к высокой густой траве, и я сказал себе: «Уйдет, окаанный», — но тут он остановился. Еще раз повернулся кругом, поводя ушами, потом успокоился и опустил уши. Он опять подставил Ричарду бок, и я молил Всевышнего, чтобы он помог нам, и Ричард снова спустил курок. И снова, пропади оно пропадом, ружье дало осечку.

Снова, как назло, осечка, и зверь с фырканием повернулся: уши насторожены, рог поднят, глаза ищут, кого изничтожить, — и Ричард, чертыхаясь, непослушными руками открыл затвор, чтобы перезарядить ружье, и зверь сделал три шага в его сторону, фыркая и свирепо озираясь, он устоял прямо на траву, где скрывался Ричард, где Ричард, чертыхаясь, возился с новым патроном, — и носорог отвернулся. Отвернулся и снова побрел к густой высокой траве, и я сказал себе: «Теперь уж точно

уйдет» — и проклял этот окаянный пороховой завод, и носорог остановился. Остановился, поглядел по сторонам. Замер. Фантастическое везение... Носорог опять успокоился. Успокоился и лег. Неужели лег? Господи, вот это везение, там, на небесах, явно кто-то благоволил молодому Ричарду: зверь лег на землю, и Ричард, дрожа от волнения, поднял ружье и спустил курок. Раздался выстрел, и шприц полетел по воздуху и вонзился, сверкая на солнце, в бок могучего зверя, и носорог с яростным фырканием вскочил на ноги, и в траве возник страшный шум, и внезапно появился целый полк окаянных носорогов.

Кругом сплошь окаянные носороги, и шум травы, и топот копыт, и свирепое фыркание. Выскочив с грохотом и треском из травы, четыре фыркающих взрослых доисторических чудовища плюс носорог Ричарда пошли стометровой шеренгой в атаку прямо на нас, притаившихся в сухом русле, и мы обратились в бегство. С криком, сломя голову бросились врассыпную, черные и белые попеременно бежали, прыгали, неслись к деревьям, одержимые самым примитивным из всех инстинктов, бежали, спотыкаясь, мчались к деревьям, и черт с ними с глазами, черт с ними с ушами, и наплевать, если кто-то упал, и ты на него наступил, только бы взобраться на окаянное дерево раньше, чем грозные рога дотянутся до твоих ягод. Я мчался стрелой к ближайшему дереву, и оно, как назло, было гладким, точно телеграфный столб, и на бегу я обернулся и увидел плотный строй страшных носорогов, и один особенно свирепый тяжеловес, вытянув наклоненную голову, взял прицел прямо на мое сиденье, и я быстро полез по гладкому стволу. Запросто взобрался, словно белка, бодая чьи-то проворные ляжки.

— Лезь живей, черт возьми! — кричал я, и чьи-то черные ляжки упирались в мою голову, но сейчас

никакая сила не сорвала бы меня с этого дерева, и я лихорадочно карабкался вверх следом за африканцем.

И зверь с грохотом пронесся подо мной, мотая головой и фыркая, и земля дрожала под его копытами. Вся орава, пыхтя и сопя, устремилась вверх по берегу реки, топоча толстенными серыми ногами, изогнув петлей хвост над широченной спиной. Могучие, неукротимые, они промчались и скрылись из виду.

Я посмотрел вокруг — все деревья были увешаны ухмыляющимися фигурами. Поискал взглядом Ричарда: вон он, внизу, спускается с дерева. Я соскользнул на землю, ладони и кончики пальцев были изодраны в кровь, меня колотила нервная дрожь и одолевал нервный смех. Мы все смеялись.

Иначе как рекордом это нельзя было назвать: обычно носороги не ходят таким стадом.

Снизу — рот до ушей, а самого бьет дрожь — подошел Ричард:

— Я уж было решил, что предсказание оправдается.

Я не очень-то верю во всех этих колдунов и прорицателей, но помню, что я подумал: «Постучи о дерево, чтобы не сглазить».

Глава семнадцатая

Было всего два часа пополудни, когда «мерседес» доставил нас обратно к загону в Ньямасоте. Томпсон был очень доволен Ричардом. Ричард был очень доволен самим собой. Мы все были очень довольны. Томпсон стоял на верху изгороди, опираясь на здоровую ногу, и наблюдал за действиями Ричарда в стойле. Я стоял с фотоаппаратом возле Томпсона, готовый снимать — Ричард и его первый носорог. Самец был отменный. Весь покрытый испариной, он лежал на боку, постанывая, и крепко спал, и я залюбовался им. Высота в холке — сто шестьдесят семь сантиметров, длина рога — семьдесят три сантиметра. Стало быть, он мог дотянуться рогом до высоты в два с половиной метра.

Ричард делал все как надо. Он весь день делал все как надо. Зверь был обездвижен почти пять часов назад, вот-вот должен очнуться, так что Ричарду следовало поторапливаться. Один раз носорог уже пытался встать — натужно дыша, сверкая глазами, он сражался с веревками и мотал головой, но все навалились на него и прижали к земле, и он опять уснул. Ричард уже вырезал метки, и носорог лежал подле ограды с окровавленными ушами, со связанными ногами, и пятеро рабочих примостились на нем: один

стоял на могучей шее носорога, держась за ограду, двое уселись на хребте, один сидел на плечах и один на бедрах, и Ричард готовился впрыснуть налорфин. Он достал из аптечки пузырек, отнес к ограде и протянул вверх, где ее принял следопыт, затем с маху вонзил иглу в толстую кожу. Зверь дернул ушами и снова уснул, издав стон. Ричард соединил стеклянный цилиндр с иглой. Сказал на чилапалапа:

— Освободите узлы. Не развязывайте совсем, только ослабьте их так, чтобы быстро развязать после укола.

Один из рабочих ослабил узлы. Ричард следил за ним, наклонившись над шприцем, вонзенным в ляжку зверя. Мы не сводили с него глаз. Грэм Холл стоял на поперечине как раз над Ричардом, вне пределов досягаемости заточенного в соседнем стойле носорога.

Полминуты ушло на то, чтобы ослабить узлы, затем Ричард нажал поршень, впрыскивая налорфин. Рабочие по-прежнему прижимали зверя к земле. Ричард открыл рот, чтобы дать команду развязать веревки, но тут Томпсон крикнул:

— Пенициллин впрыснул?

— Нет! — ответил молодой Ричард, потрясенный собственной забывчивостью.

— Тогда впрыскивай, да поживей.

За весь день это был единственный промах, допущенный Ричардом.

— Затяни узлы! — крикнул Ричард рабочему и подбежал к ограде за аптечкой.

Следопыт подал ему сверху ящичек. Ричард схватил другой шприц и пузырек с пенициллином, поднял их на свет и наполнил шприц. Мы внимательно следили за его действиями. Он захлопнул крышку аптечки и вернул ее следопыту. Затем подбежал к носорогу. Зверь по-прежнему крепко спал.

Ричард вонзил иглу в круп зверя. Пятеро рабочих всем своим весом прижимали носорога к земле, и он

даже не дернулся. Он крепко спал. Ричард соединил стеклянный цилиндр с иглой, нажал на поршень, поршень пополз вниз, и носорог дернулся, просыпаясь.

Он очнулся мгновенно и дернул могучей шеей, взмахнул головой и рогом, и небрежно затянутые узлы не выдержали, и огромные ноги вырвались на свободу, и Томпсон закричал:

— Берегись!

Огромный носорог забился с обезумевшими глазами, размахивая страшным рогом, и рабочий, стоявший на шее зверя, с ловкостью обезьяны прыжком вскочил на верх ограды, и остальные рассыпались по стойлу, взбивая ногами пыль, и Ричард выдернул наполовину опорожненный шприц; в тот же миг разъяренный носорог вскочил на ноги, высматривая воспаленными глазами, кого бы казнить, и кандидатов было предостаточно: рассыпавшиеся по стойлу рабочие и Ричард, который отпрянул назад, сжимая в руке шприц. Свирепый зверь ростом с человека и весом в тонну рывком развернулся для атаки, и Томпсон заорал: «Уносите ноги!» — и рабочие заметались во все стороны, и Ричард прыгнул к ограде. Длинноногий, растерянный — одна рука сжимает шприц, другая вытянута вперед, — он подпрыгнул, уперся ногой в поперечину и стал подтягиваться, продолжая держать шприц, и тут зверь ударил его.

Носорог вскинул вверх могучую голову и рог — семидесятитрехсантиметровый острый рог, венчающий тысячекилограммовую тушу, — целя в поясницу Ричарда, но Ричард как раз в этот миг согнулся, подтягиваясь, и смертоносный рог чудом прошел мимо его рубашки, однако зверь сейчас же снова взмахнул рогом и пропорол болтающуюся ногу Ричарда. Острый длинный рог, направляемый толстой шеей, вонзился сзади в икру и вышел около большеберцовой кости, и пораженный ужасом Ричард повис на ограде, все так же

сжимая шприц в кулаке, и носорогу ничего не стоило сдернуть его, вскинуть голову, сбросить Ричарда на землю и одним махом прикончить его и перебросить через загон мертвое тело с распоротым животом. Миг — и зверь сорвет Ричарда с ограды, но Томпсон крикнул: «Хватай его!» — и Грэм Холл, перегнувшись через край, схватил Ричарда за рубашку и потянул, и зверь выдернул рог из ноги Ричарда и ударил снова. Он целил в ногу, но Холл дернул Ричарда вверх за рубашку, между тем как носорожиха в стойле со стороны Холла яростно атаковала жерди, и все кричали, и носорог достал свисающую ступню Ричарда. Острый рог только задел подошву, но задел похлеще любой кувалды, размозжив ткани, и сосуды, и мышцы, а носорог уже замахнулся своей громадной головой для решающего удара, но Холл успел втащить Ричарда на поперечину — окровавленного, потрясенного, с огромной дырой в ноге, с треклятым шприцем в руке, и все кричали, и зверь развернулся, высматривая другую жертву, и увидел перед собой двух рабочих, которые застыли на месте, словно окаменев.

Зверь рывком развернулся, и Томпсон заорал: «Уносите ноги!», — и один из рабочих продолжал стоять, скованный ужасом, таращась на носорога, от которого его отделяло чуть больше метра. «Уносите ноги!» — и второй рабочий тоже стоял как вкопанный, парализованный страхом, и на какую-то долю секунды зверь остановился, готовясь распотрошить первого рабочего, замершего в каком-то метре от него, выпустить ему кишки и размазать по всему стойлу. «Уносите ноги!» — и второй рабочий пришел в себя и сорвался с места, и зверь рывком отвернулся от первого рабочего и пошел в атаку на второго. Тот промчался через весь отсек, преследуемый топчущим зверем с опущенным для удара рогом, и первый рабочий тоже очнулся и сорвался с места и, потеряв голову от испуга,

бросился в ту же сторону, что и атакующий носорог, бежал рядом со зверем и вдруг упал со всего роста, не помня себя от страха, растянулся в пыли возле грохочущих копыт, лихорадочно вскочил в облаке пыли, и второй рабочий прыгнул на ограду, и кто-то подхватил его, и носорог вонзил свой рог в жерди в пятнадцати сантиметрах от его болтающихся ног, потом развернулся, высматривая первого. Тот уже карабкался вверх в противоположном углу, и носорог с грохотом пошел в атаку, но было поздно.

И все, о чем здесь рассказано, длилось не больше восьми секунд.

Ричард прыгал вдоль поперечины на одной ноге, цепляясь за верх ограды и не расставаясь со шприцем, и Холл переступал рядом с ним по своей поперечине, не выпуская ворота его рубашки, и во всех четырех отсеках распаленные запахом крови носороги фыркали, топали и бодали жерди, и стоял невообразимый шум. Я соскочил с ограды на землю, и Томпсон тоже соскочил. Я побежал вокруг ограды к Ричарду и Холлу, и Томпсон прыгал на одной ноге за мной, крича, чтобы подали аптечку. Обогнув ограду, я увидел, как Ричард перебрасывает через верх распоротую ногу, готовясь соскочить вниз, мертвенно-бледный, с искаженным от боли лицом, и он крикнул поспевавшему за мной на одной ноге Томпсону: «Все, отстрелялся!» — и соскочил на землю. Он приземлился на здоровую ногу, и я подставил ему плечо, и он повис на мне, прыгая на здоровой ноге.

— Все, отстрелялся...

— Ложись!

Он упал на спину — с бледным, искаженным от боли лицом, и нога его была пропорота насквозь, волосатая кожа, мягкие ткани, кровь, кость обозначили кривую зияющую рану длиной сантиметров в десять. Он заставил себя сесть, чтобы взглянуть на рану, и снова откинулся на спину, ужаснувшись.

— В первый же раз...

— Аптечку! — рявкнул Томпсон.

— Все, отстрелялся!

Подбежал с аптечкой Бен.

— Погонишь меня пинками до самого Солсбери?

Он кривился и кусал себе пальцы с безумным взглядом.

— Я впрысну тебе морфий.

— Что, не стрелять мне больше?

Томпсон отломил кончик ампулы, я сжал ногу Ричарда, и Томпсон вонзил ему иглу в бедро и впрыснул

морфий. Ричард дернулся и схватился за бедро.

— Ведите его к палаткам.

Я помог ему опереться на локоть, Холл зашел с другой стороны, и мы забросили руки Ричарда себе за шею. Кровь из желтеющей жировой тканью раны текла ручьем на его ботинок. Уцепившись за нас, кривясь от боли, хватая воздух ртом, он на одной ноге запрыгал к палаткам.

Томпсон торопливо прыгал туда же впереди нас. Когда мы добрались до палаток, он уже наполнял тазик дезинфицирующим раствором и кидал в него корпию. Мы опустили задыхающегося Ричарда в складное кресло и подставили другое кресло под раненую ногу. Все было перепачкано кровью; ошеломленные члены отряда столпились вокруг нас. Томпсон положил на зияющую рану смоченную холодным раствором корпию, Ричард вскрикнул и сжал руками колено, кривясь от боли.

— У кого самая быстрая машина?

— У меня, — сказал я.

— Я думал, ты погонишь меня пинками до самого Солсбери, — выдохнул Ричард, сжимая руками ногу.

— Выручай, — сказал мне Томпсон.

Я побежал через высокую траву к своим палаткам. Выбросил из машины все барахло.

— Неси фрукты! Подушки, одеяла, сигареты! Четыре бутылки пива! — крикнул я Брайтспарку Тафурандике.

Завел мотор и, давя траву, затрясся по кочкам к палаткам Томпсона. Он уже заканчивал бинтовать рану.

— А что же морфий?

— Еще не подействовал.

Прибежал Брайтспарк Тафурандика, неся все то, что было велено принести.

— Кому пива? — спросил я.

Я был сам не прочь подкрепиться. Ричард открыл глаза и выхватил у меня из рук бутылку, ловя воздух

ртом.

— Не нужно тебе пить пиво после такого потрясения! — сказал я, но Ричард сунул горлышко в рот, сорвал зубами колпачок, выплюнул его, ткнул мне бутылку обратно и снова зажмурился от боли и стиснул руками колено.

Ему не хотелось пить, просто надо было что-то укусить.

— Вот дьявол! — крикнул он, проклиная боль.

— Поехали.

Мы отнесли Ричарда в мою машину. Он попробовал прыгать, привстал, но от прилива крови к ране у него вырвался крик. Морфий еще не подействовал. Мы уложили его на заднем сиденье так, чтобы раненая нога была приподнята, подложили подушки. Томпсон сел впереди рядом со мной. Я прогрел мотор и включил сцепление. Мы протряслись по кочкам метров десять, но Томпсон крикнул, чтобы я остановился, я и высунул голову в окно.

— Кто знает тропу на Маунт-Дарвин?

— Нкоси... — Старик-водонос поднял руку.

— Садись, Гунга Дин.

Старик забрался в задний отсек фургона. Мы покатали по тряской колее.

— Надо же было так оплошать, — выдохнул Ричард.

— Забудь об этом, парень, — сказал Томпсон.

— Это моя вина... Как я мог забыть про пенициллин...

— Да ведь я контролировал тебя.

— Ты положился на меня. Ты доверился мне, и надо же...

— Виноват рабочий, — сказал я. — Не затянул узлы как следует.

Я гнал со всей скоростью, какую только допускали ухабы.

— Я должен был сам проверить веревки, — выдохнул Ричард.

Я видел его в зеркале заднего вида, на каждом ухабе он хватался за ногу и кривился от боли.

— Мы вправе ждать от других, что они добросовестно делают свое дело.

— Который из них? — спросил Томпсон.

— Сейчас не припомню. — Я гнал по кочкам с предельной скоростью, маневрировал рулем, оставляя позади столб пыли.

— Вот кого я гнал бы пинками до самого Солсбери. Надо же — именно когда я открыл счет своим носорогам.

— Понял теперь? — сказал Томпсон. — Понял, какие это адски коварные звери?

— И быстрые. — Я гнал вовсю, мы постепенно остывали.

— Только тогда и оценишь толком их габариты, когда такая махина задаст тебе жару в стойле.

— Понял ты меня теперь? — спросил Томпсон. — Понял, почему я не охочусь так, как Куце?

— Этот носорог резво двигался, — заметил я. — Быстрее молнии.

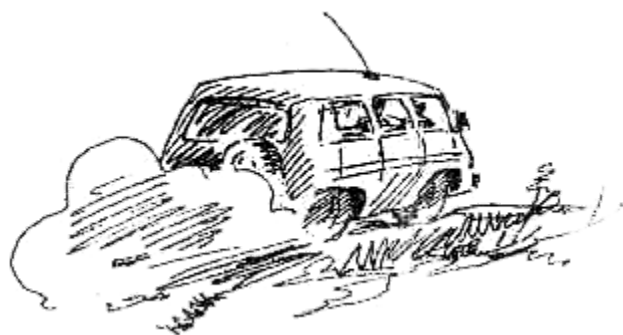
— Понял ты меня теперь? Я слишком часто сам висел на волоске, оттого и отношусь к ним с величайшим почтением, будь они неладны!

— Прорицатель верно сказал, — простонал Ричард. — Угадал, чтоб ему...

— Вздор! — сказал Томпсон.

— Но я-то свое получил, — простонал Ричард. — Жребий пал на меня.

— Я гляжу, ты на все готов, чтобы подыграть прорицателю, — заметил я.

Глава восемнадцатая

Было уже темно, когда вдаль над бушем показались редкие огни Маунт-Дарвина. Три часа непрерывной езды по кочкам, выбоинам, ухабам. Морфий подействовал, на какой-то срок боль почти заглохла, молодой Ричард в эйфории громко разговаривал, даже иногда смеялся; от морфия все происшедшее казалось ему чем-то вроде дурной шутки, и мы с Томпсоном выпили припасенное мной пиво и балагурили с Ричардом. Потом действие морфия кончилось, Ричард опять начал стонать и задыхаться, сжимая руками колени, и тряска причиняла ему невыносимую боль. В зеркале я видел, как он кривился, и временами он громко ругался и кусал свою охотничью шляпу, и мы молча гнали вонсю через буш. Повязка вся пропиталась кровью, и ступня, по которой пришелся второй удар, распухла и посинела. Мы чертовски обрадовались, увидев огни Маунт-Дарвина и маленькую больницу для африканцев на окраине города. С ревом промчались по проселку и ворвались в больничные ворота по хрустящему гравия, и по крыльцу навстречу нам уже сбегала медсестра-африканка. Грэм Холл связался по радио с управлением, а оттуда позвонили в Маунт-Дарвин. Я затормозил у дверей, едва не задев медсестру. Томпсон выскочил из машины и запрыгал на

здоровой ноге вверх по ступенькам, торопясь найти врача. Мы с сестрой помогли Ричарду выбраться из машины, и он громко закричал, когда кровь прилила к раненой ноге.

Больница помещалась в маленьком здании с рифленой железной крышей; на широких цементированных террасах сидели пациенты-африканцы, вышедшие подышать свежим воздухом. Они напряженно смотрели, как мы волочим кривящегося от боли Ричарда вверх по ступенькам и по террасе. Появился фельдшер в белом халате, сопровождаемый подпрыгивающим Томпсоном. Врача в Маунт-Дарвине не оказалось. Через застекленную дверь мы ввели Ричарда в маленькую операционную. Положили его на стол, и он вскрикнул, кусая шляпу.

— С носорогом поцапались? — спросил, не вынимая сигареты изо рта, фельдшер, выдавший виды новозеландец.

— Я впрыснул ему морфий, — сказал Томпсон.

Мы стояли грязные, в пропыленной одежде. Ричард лежал с обезумевшим взглядом, кусая свою шляпу.

— Ну, и как вам там живется, ребята? — Фельдшер разматывал окровавленный бинт; Ричард вскрикивал и дергался от каждого прикосновения.

— Отлично.

Фельдшер снял весь бинт, показался ком окровавленной корпии, и Ричард корчился и давился криком, не выпуская шляпу изо рта.

— Будь другом — выбрось. — Фельдшер протянул мне свою сигарету.

Я швырнул окурок через дверь куда-то в темноту; несколько пациентов бросились за ним. Ричард хватал воздух ртом, весь серый под слоем пыли; он обливался потом, лицо его казалось восковым, и Томпсон навалился ему на живот, прижимая его к столу.

— Так, посмотрим. — Фельдшер убрал окровавленную корпию, Ричард громко закричал, Томпсон изо всех сил держал его, я увидел рану и почувствовал, как у меня все внутри переворачивается.

Рана была больше, чем я ожидал, — зияющая, изогнутая, видны и кость, и мышцы, и подкожный жир, и волосатая кожа кругом отливала мертвенным серо-сине-черным оттенком, а отверстие в задней части икры, куда вошел рог, наверно, было еще больше, и мне стало нехорошо. Я стиснул локоть Ричарда; он корчился и кусал шляпу.

— Так вы, друзья, носорогов пачками ловите? — сказал фельдшер, потом обратился к медсестре. — Открой мою сумку.

У нее под белой шапочкой был черный парик.

— Сперва обезболивание? — крикнул Ричард.

— Я до тебя еще не дотронулся.

— Как тебе нравится здесь у нас, доктор? — спросил Томпсон, навалившись на живот Ричарда.

— Вполне.

У сестры что-то не ладилось, я взял у нее черную сумку и открыл.

— И сколько же носорогов вы поймали? — спросил фельдшер.

— Четырнадцать.

Мне хотелось крикнуть: «Кончай трепаться о носорогах, впрысни бедняге обезболивающее!» Фельдшер достал пузырек и шприц и поднес их к свету; разговор не мешал ему действовать быстро.

— Сейчас он впрыснет тебе М-99, — сказал я.

Ричард обливался потом и грыз костяшки пальцев.

— Шляпа уже надоела? — спросил фельдшер, подходя со шприцем. — Дай-ка руку сюда, дружище, а в рот можешь сунуть другую.

Я оттянул руку Ричарда, подал ему шляпу, он впился в нее зубами и повернул голову в другую сторону.

— Держи его крепче.

Я сжал руку Ричарда, и фельдшер вонзил иглу прямо в вену.

— Как это ты так быстро вену находишь? — поинтересовался Томпсон. — Когда я колю носорогов, столько ковыряюсь!

— Я тоже не большой спец по носорогам, — скромно признался фельдшер. — В Новой Зеландии они не водятся.

— А как там, в Новой Зеландии, с рыбалкой? — спросил Томпсон.

— Здорово. — Он мыл руки; Ричард корчился, кусая шляпу; я сжимал его руку.

— Что ты ему впрыснул?

— Петедин. Рыбалка отменная.

— Форель?

— Сказочная форель. Перчатки, — обратился он к медсестре в черном парике.

— О-ой! — корчился Ричард.

— Потрясающая форель. — Он натянул резиновые перчатки; они облегали его кисти, словно смуглая кожа. — Кость не задета.

— Чуть-чуть по почкам не врезал, ты бы видел, что это было.

— Так, сейчас освежим немного. — Он принялся смазывать ногу желтым дезинфицирующим раствором, и Ричард закричал, и мы с Томпсоном держали его изо всех сил. — На лыжах ходишь?

— Нет, — ответил Томпсон.

— В Новой Зеландии для лыжников раздолье.

Он смазал желтым всю ногу корчившегося Ричарда от колена до пальцев; потом мазнул рваные края раны, и Ричард снова закричал.

— Сейчас петедин тебя успокоит. Как самочувствие?

— Ни к черту. — Ричард скрипнул зубами, сжимая мою руку; лицо его было пепельно-серым.

— Держите крепче. — Фельдшер кивнул и смочил раствором рану, и Ричард с криком выгнулся на столе, и я обхватил рукой грудную клетку бедняги, а Томпсон прижал ему колено.

— Эй, ты это брось! — сказал фельдшер Томпсону, — Не трогай его своими грязными лапами, теперь мне придется всю ногу смазывать заново.

— Виноват, — произнес Томпсон.

— Вот и ложись на вас, — сказал фельдшер, принимаясь снова мазать ногу дезинфицирующим раствором.

— Порядок, — обратился он к Ричарду. — Рану второй раз не трону.

«Слава Богу», — подумал я.

— Теперь можно и зашивать.

— О-ой! — дернулся Ричард. — Сделай укол.

— А как же, обязательно, — ответил фельдшер.

— Только не в рану, умоляю, только не в рану...

— Ладно, дружище, ладно. — Он взял шприц с длинной иглой, убедился, что Томпсон закрывает поле зрения Ричарда, и со словами: «Да, Новая Зеландия — прекрасная страна» — сунул иглу в открытую рану. Ричард дернулся, взвыл, сжал мою руку, замотал головой, и я почувствовал как сам бледнею.

— Прекрасная, — фельдшер извлек иглу, — и скучная.

Он снова, чуть отступя, воткнул иглу в ткань и впрыснул еще анестетика, и Ричард закричал, и мы с Томпсоном крепко держали его.

— Почему же скучная? — спросил Томпсон.

Фельдшер приготовился сделать третий укол.

— Не о чем даже поспорить, разве что о ценах на масло...

— А-а-ай! — закричал Ричард.

— Да на телячьи отбивные, — продолжал фельдшер. — И на сыр. — Он продолжал обкалывать

рану. — И так далее в этом роде.

Ричард корчился, и мы прижимали его к столу, и у меня отлила кровь от лица и звенело в ушах.

— То ли дело здесь... — Новый укол. — Происходят исторические события. — Укол. — А девочки какие...

Ричард задыхался, кривился, обливался потом, корчился, кусая шляпу.

— Если, конечно, вы любите девочек. Ну-ка, повернись на бок, дружище.

— У-ух, черт! — сказал Ричард.

Мы прижали его боком к столу, и фельдшер принялся обкалывать рану на задней стороне икры, и Ричард кричал:

— Ч-чер-рт!

— А ты малость побелел, — сказал мне фельдшер.

— Не без того.

— На днях, — он сделал укол, — полицейский привез африканца на операцию, — новый укол, — и сам же в обморок хлопнулся.

Продолжая рассказывать про полицейского, он закончил впрыскивать обезболивающий препарат, и мы крепко держали Ричарда. Петедин явно подействовал, Ричард уже не так сильно корчился и дергался, больше стонал и кусал шляпу, и волосы его прилипли к мокрому лбу, и нам уже не надо было так крепко держать его, но он по-прежнему стискивал мою руку. Когда дело дошло до швов, Ричард почти совсем успокоился. Фельдшер вооружился большой изогнутой иглой и ниткой, захватил пинцетом край раны и проткнул, и Ричард дернулся, и мне снова стало худо.

— Что-нибудь почувствовал?

— Немножко, — выдохнул Ричард.

— А вот и нет, — возразил фельдшер. — Кожа онемела, ты чувствуешь боль в глубине раны. Думай о своей девушке.

— Советую тебе тоже думать о своей девушке, — обратился он ко мне.

— Ладно, — отозвался я.

Фельдшер продолжал зашивать рану. Он наложил двадцать девять швов; я думал, этому конца не будет, но Ричард и впрямь перестал чувствовать боль, и тогда мне стало малость полегче, и со швами рана смотрелась куда лучше.

В ту же ночь я повез Ричарда дальше, в Солсбери.

Уже стемнело, когда вечером следующего дня мы с Томпсоном вернулись в Ньямасоту. Подойдя к своим палаткам, я тщетно высматривал Брайтспарка Тафурандику. Несколько раз позвал его, злой как черт от голода и усталости. Наконец сердито извлек из сумки бутылку пива и примостился на складном стуле перед костром. Я почти управился с бутылкой, когда появился Брайтспарк Тафурандика. Он держал под мышкой испуганную курицу.

— Где ты пропадал?

— Я ходил покупать для нас курицу, нкosi, — обиженно ответил он.

— Ты ходил пить пиво, черт бы его побрал!

Брайтспарк Тафурандика продолжал изображать обиду.

— Да я пива этого в рот не беру. Я купил для нас отличную курицу.

Он нечаянно зацепил ногой оттяжку палатки, шлепнулся на четвереньки, и курица бросилась наутек. Хлопая крыльями и кудахтая, она испуганно промчалась через лагерную площадку, обогнула костер, нырнула в траву и благополучно скрылась в ночном мраке. Брайтспарк Тафурандика вскочил и ринулся вдогонку, выкрикивая нехорошие слова. Я и не подозревал, что старый хрыч способен развивать такую прыть. С шумом он исчез в траве, приказывая курице вернуться. С

минуту продолжался треск и топот, потом Брайтспарк изменил тактику, попробовал приманить беглянку вкрадчивыми уговорами и клохтаньем. Ничего не добился и вернулся к палатке.

— А теперь согрей мне воду помыться и приготовь еду, — сказал я, перейдя на чилапалапа.

Брайтспарк Тафурандика с досадой вглядывался в темноту, поглотившую вероломную хохлатку.

— Как там молодой европеец? — спросил он недовольным голосом.

— В порядке.

— Доктор наложил ему швы?

— Много швов, — ответил я.

— Э-хе-хе, — Брайтспарк покачал головой. — Верно сказал прорицатель, что он будет ранен.

— Вздор, — возразил я. — Все эти прорицатели — вздор.

Мои слова потрясли Брайтспарка Тафурандику.

— Прорицатели вовсе не вздор! Так же верно, как то, что есть Бог на небесах.

— Бог? — Я пристально поглядел на небо. — Где Бог? Что-то я его не вижу.

— Бог — на луне, — объяснил Брайтспарк Тафурандика.

— На Луне? Но американцы побывали на Луне и не встретили там никакого Бога.

Брайтспарк Тафурандика уставился на меня через костер.

— Вы, в самом деле, — медленно произнес он, — верите в этот вздор?

— Какой вздор?

— Что американцы побывали на Луне.

— Конечно, — сказал я.

Брайтспарк Тафурандика смерил меня недоверчивым взглядом.

— Э-эх! — печально вымолвил он.

— А ты не веришь? — спросил я.

— Верю ли я? Конечно, не верю! Только женщины и мальчишки способны поверить в такое.

— Но ведь есть фотографии, — сказал я. — Снимки.

— Снимки... — протянул Брайтспарк Тафурандика, вдвойне разочарованный: мной и курицей. — Это все выдуманно, чтобы досадить русским.

— А русские побывали на Луне? — спросил я.

Брайтспарк посмотрел на меня с досадой.

— Никто не может побывать на луне, нкosi. Потому что это невозможно.

— Вот как? А в прорицателей ты веришь?

Брайтспарк Тафурандика рассердился.

— Что сказал прорицатель про первого европейца, который погиб? Что он сказал про молодого европейца, который пострадал вчера? — Он погрозил мне указательным пальцем. — Вам следует поберечься, нкosi. У вас ведь светлые волосы.

— Ну, не такие уж светлые, — возразил я.

— Очень даже светлые на солнце. А следующим, до кого доберется чипимбири, будет человек со светлыми волосами.

— Ты боишься за свое жалованье? — спросил я.

Я не больно-то верю в прорицателей и колдунов, но Фосбери погиб, а молодой Ричард попал в переплет, и я искренне радовался, что у меня не такие светлые волосы, как у Томпсона, у Куце и у Невина.

Часть четвертая

Глава девятнадцатая

В последних числах августа пришел конец долгой засушливой зиме, и на Руйе у границы Мозамбика стало несравненно жарче, твердая горячая земля стала еще горячее и тверже, сухой буш — еще суше, и скелеты деревьев отбрасывали скупую тень, и прибавилось летучей пыли, и в сухих руслах песок обдавал отраженным солнечным зноем. Через месяц-полтора, когда земля вовсе омертвеет, начнутся большие дожди и придется прекратить операцию «Носорог». В конце августа на Руйе операция была почти завершена. Осталось совсем немного носорогов, мы почти всех вывезли, и в последнюю августовскую неделю следопытам приходилось труднее прежнего. Зная, что их преследуют, носороги все время были настороже, и следопытам приходилось по раскаленным каменистым холмам забираться далеко от лагеря старины Нормана, чтобы обнаружить хоть какой-то след, и, когда являлись туда, зверь успевал уже отойти на изрядное расстояние, и только под вечер мы настигали и обездвигивали его и только после полуночи привозили в Ньямасоту.

В начале последней недели августа на Руйе, по нашим подсчетам, оставалось всего три чипимбири,

если верить следам: самка с полувзрослым детенышем и старый самец, который жил отшельником у самой мозамбикской границы, тот самый, которого местные жители считали белым. Мы видели его следы, но не видели самого зверя. Следы были крупные. Нам очень хотелось, чтобы он и впрямь, как говорили африканцы, оказался белым, хотя мы не очень-то в это верили. Никто еще не описывал носорога-альбиноса. Скорее всего, он казался белым из-за оттенка почвы в местах лежки. Мы вышли на следы самки и детеныша, они направлялись к границе, потом к ним прибавился след еще одного взрослого носорога. Целый день шли мы по этим следам, но до ночи так и не увидели зверей.

На другой день, едва рассвело, мы вернулись туда, где накануне прервали поиск, и снова пошли по следу. Уже под вечер увидели всех троих — самку, детеныша и самца, и самец, в самом деле, был белого цвета. Нас разделяло примерно сто двадцать метров, и над травой выступали только спины зверей, однако было очень похоже, что самец и впрямь белый. Возможно, так казалось из-за приставшей к его коже глины, но в таком случае это была какая-то необычная глина. А может быть, нам представилась возможность поймать первого в мире носорога-альбиноса?

Мы притаились и стали наблюдать. Животные держались вместе — либо потому, что у них была пора спаривания, либо потому, что их свел вместе страх перед настойчивыми преследователями. Ветер дул в нашу сторону. Носороги вели себя беспокойно, настороженно, но видеть нас они не могли. С двумя ружьями можно было попытаться обездвигить сразу и самца и самку, но приближение темноты не позволяло потом отыскать их, разбежись они в разные стороны. Если же стрелять в самку и детеныша, они побегут вместе. Мы очень жалели, что нельзя сразу взяться и за самца: снова выследить его будет очень трудно.

Томпсон и Холл стали подкрадываться к носорогам, мы остались на месте, наблюдая. Самец все время был настороже, охраняя самку и детеныша, но мы были надежно укрыты, и ветер был для нас благоприятный. Томпсон и Холл приблизились на шестьдесят метров к самке и детенышу, но все еще не могли разобрать — верно ли, что самец альбинос. Мы здорово огорчились, что нельзя обездвигнуть самку и самца одновременно. По сигналу Томпсон и Холл выстрелили вместе, поразили самку и детеныша, и все три зверя обратились в бегство.

Три зверя с грохотом побежали, и мы тотчас пошли по следу. С полтора километра следы не разлучались, потом детеныш начал падать, и самка сбавила скорость, чтобы не потерять его. Самец не покидал их, но, когда самка начала падать, он, в конце концов, ушел один.

Мы нашли сначала детеныша; менее чем в километре от него лежала самка. Большой белый самец, последний носорог на Руйе, ушел.

Глава двадцатая

На другой день мы отправились за ним вдогонку задолго до восхода солнца. В черном небе еще светили яркие звезды. Начало рассветать, когда мы, основательно продрогшие в кузове «мерседеса», добрались до лагеря старины Нормана на берегу Руйи. Норман уже отправил двух следопытов проверить, не повернул ли носорог ночью в нашу сторону, поскольку мы собирались возобновить преследование с того места, где накануне подобрали самку. Нужно было перехватить его до того, как он уйдет через границу в Мозамбик, где Руйя называется Луйей и где нам его не достать. Не сумеем взять встревоженного погоней зверя — придется из-за него возобновлять операцию «Носорог» в следующем году после дождей. Только ради одного зверя. Если нас не опередят браконьеры.

Пока мы пили утренний чай у костра, старина Норман отозвал Томпсона в сторонку, они пошептались, затем вошли в палатку Нормана. Томпсон вышел из палатки с очень довольным видом; я решил, что речь шла о борьбе с браконьерами. До последней минуты старина Норман ни с кем не делился — что, как и когда он предпримет.

Через три часа ускоренного хода мы достигли того места, где накануне подобрали самку. Отыскивали след

носорога и весь день шли по следу, теряя и снова находя его, до самого вечера шли, но зверя не увидели. И никаких свежих знаков — ни навоза, ни мочи; он даже не ложился отдыхать среди дня, с ходу миновал несколько удобных лежек. Было очень жарко. Носорог знал, что его преследуют, отлично знал еще накануне, когда уходил вместе с самкой и детенышем. Одно утешало нас в тот день: он уходил не в сторону границы. Описывая широкие петли по ложбинам и холмам, он, в конце концов, все-таки направился в глубь родезийского буша. Вечером, перед наступлением темнота, когда все равно бесполезно искать, мы сдались. Уже в темноте вернулись в лагерь старины Нормана, и он сидел в своей палатке при свете фонаря перед внушительной стопкой бумаг, и опять они с Томпсоном посовещались с глазу на глаз, потом мы, усталые донельзя и сытые по горло Руйей, забрались в кузов «мерседеса» и покатали к себе в Ньямасоту.

На другой день — снова в путь, туда, где прервали поиск, нашли след, но через три часа потеряли его. До самого вечера искали, но так и не нашли больше. Это было двадцать девятого августа, через два дня ожидалось прибытие Куце и переезд в Мусусумойю. По такой местности на переброску лагеря должно было уйти не меньше двух дней, а по окончании работ в Мусусумойе нам предстояло перебазироваться в Гокве — еще два-три дня, и совсем немного останется до начала дождей. Тут бы нам и махнуть рукой на белого самца, но уж очень хотелось Томпсону взять последнего носорога, чтобы больше не думать о Руйе. И чтобы убедиться: верно ли, что он белый.

— Еще один день, — сказал Томпсон старине Норману. — Завтра.

На другой день мы затемно приехали в лагерь старины Нормана на Руйе. Мы застали только его повара.

Глава двадцать первая

Все браконьеры знали, что мы охотимся последний день и завтра уедем отсюда. Браконьеры очень тщательно выбирали места для своих ловушек и для хранения рогов и шкур, и мясо старались сбывать незаметно, а некоторые и вовсе затаились в краалях, прекратив на время браконьерство, и никто из них не пользовался винтовками и допотопными шомполками, пока мы в таком количестве работали на Руйе, но это не мешало им считать нас и наших следопытов недотепами: до сих пор ничего не обнаружили, даже не нашли ни одного из трех лагерей, где собирались браконьеры из других краев каждую зиму, когда большинство рек пересыхает и все животные идут на водопой к Руйе. В ночь перед последним днем нашего пребывания в этом районе, задолго до рассвета, старина Норман нанес удар.

Старина Норман разделил объездчиков на группы, и они еще затемно отправились в разные стороны на «лендрове́рах», на велосипедах и пешком, и каждая группа точно знала, куда направляется, кого будет задерживать, какими свидетельствами располагает против каждого и что еще нужно обнаружить, и удар явился для браконьеров полной неожиданностью.

Старина Норман и его люди застигли их врасплох — кого закутанным в одеяло, кого сидящим перед утренним костром; один за другим были ликвидированы все три лагеря, укрытые между дальними холмами, и одновременно в радиусе тридцати километров другие группы вылавливали затаившихся в краалях местных браконьеров. В тот день на «лендровегах», на велосипедах и пешком старина Норман и его люди перемещались из лагеря в лагерь, из крааля в крааль быстрее, чем «степной телеграф» мог распространить весть об облаве. Всего было намечено задержать тридцать шесть человек, и только один ускользнул.

Жара давала себя знать уже в девять утра, когда мы в свой последний день на Руйе напали на след белого носорога. Мы надеялись, что этот день принесет нам удачу. Тем более, что след был хороший, утренний, а не вчерашний. Носорог опередил нас всего на два-три часа, и царило почти полное безветрие. Вот бы последний день принес нам удачу...

Около полудня мы настигли его. Носорог все утро находился в движении, но он уже два дня успешно уходил от нас и решил, что может позволить себе передохнуть в жаркие полуденные часы. Взойдя на очередной бугор, мы увидели его внизу, метрах в ста двадцати, он стоял в редкой тени хвостом к ветру. «Ложись, — скомандовал жестом Томпсон. — Ложись, ложись, ложись!» — и мы все, взмокшие, возбужденные, распластались на земле. Вот она — удача! Мы лежали, чертовски радуясь, что сегодня простимся с Руйей, и Томпсон проверил пеплом направление ветра, и ветер был благоприятный, и Томпсон двинулся вниз по склону. Носорог был здоровенный и с виду совсем белый, и я с волнением думал, что мы, возможно, ошиблись насчет глины, может быть, он и впрямь альбинос — первый в мире альбинос из семьи черных носорогов. Затаив дыхание, смотрели мы, как Томпсон крадется через

заросли вниз по склону. Девяносто метров, восемьдесят метров, семьдесят, и старый самец стоял все так же хвостом к ветру, поводя ушами во все стороны; шестьдесят метров, еще немного — и можно стрелять. Пятьдесят пять метров... пятьдесят... Томпсон поднял ружье, и в эту секунду зверь повернулся мордой к нему. Повернулся рывком, насторожив уши, поглядел на Томпсона, фыркнул и обратился в бегство. Пыхтя и сопя, изогнув хвост над огромными беловатыми бедрами, на предельной скорости ворвался в траву и пропал.

— За ним! — крикнул Томпсон.

Настроение у нас сильно упало. Мы пробежали через траву туда, где носорог скрылся из виду, отыскиали след и двинулись вдогонку, но по следу идти можно было только шагом, а зверь бежал. Стояла адская жара, и настроение у нас было неважное.

Мы отшагали так около тридцати километров. Носорог топал почти без передышки. Хорошо еще, что не взял курс на границу. Мы преследовали его со всей возможной скоростью, усталые, взмокшие, по горло сытые Руйей, жарой, охотой на носорогов вообще и на этого самца в частности. Единственное, что нас ободряло, — надежда, что он и впрямь может оказаться альбиносом. Хотя Томпсон сомневался в этом, а ведь он ближе всех нас подходил к зверю. Рабочие клялись, что это альбинос. Во второй половине дня мы дважды настигали его, и оба раза он обращался в бегство. Только приметит нас — и бежит; не сопит, не пыхтит, не сверкает злыми глазами, а бежит, прижав к голове здоровенные уши и загнув кверху хвост. Этот старый горемыка знал, что человек охотится за ним, знал, что всех остальных носорогов выловили, и был здорово напуган. В первый раз после полудня мы увидели его опять-таки с бугра, и мы растянулись ничком — «Ложись, ложись, ложись!» — и Томпсон стал

подкрадываться к нему, но за восемьдесят метров носорог то ли услышал, то ли почуял его и бросился наутек. И второй раз тоже мы заметили его с гребня; видно, он задержался на дне лощины, чтобы подкрепиться, и это позволило нам сократить разрыв, но все равно нас разделяло больше полутора километров. Носорог бежал рысью вверх по противоположному склону, одиноко бежал в жарких лучах желтого солнца. Ни услышать, ни почуять нас он не мог, просто страх гнал его вперед и вперед, без определенной цели. Однако на этот раз он трусил к мозамбикской границе.

Мы здорово устали. Ориентируясь на скалы, венчающие гребень, за которым исчез носорог, мы скатились вниз по нашему склону, огибая деревья, петляя, прыгая через камни, продираясь сквозь высокую траву, задыхаясь и обливаясь потом, пересекли дно лощины, где он подкреплялся, и побежали вверх по другому склону к нашим ориентирам на гребне, бежали все медленнее, с колотящимся сердцем; как-никак с рассвета на ногах, и только таблетки глюкозы и глоток воды из брезентового мешка; все мы были в хорошей форме, но не так-то легко под конец нескончаемого долгого жаркого дня бежать вверх по длинному, раскаленному, неровному склону в жарких лучах немилосердного солнца курсом на мозамбикскую границу, преследуя осточертевшего тебе носорога в изрядно осточертевшей местности. Из последних сил взбежали мы вверх по склону, и с гребня нам открылся вид на позолоченные палящими лучами предвечернего солнца, теряющиеся в лиловой мгле Мозамбика, немилосердно знойные, сухие, бурые холмы и лощины Африки. Под нами извивалась меж камней знакомая тонкая струя Руи, чтобы где-то далеко-далеко влиться в Замбези. И там же, внизу, в каких-нибудь трех километрах по прямой, проходила

незримая граница, после которой Руйя становилась Луйей.

— Ищите след!

Мы смотрели во все глаза, задыхаясь, запарившись. Скорее всего, носорог сейчас спускается к Руйе, чтобы напиться, за весь день он ни разу не подходил к воде, и сейчас его, конечно, одолевает жажда. Носорог не видел нас, когда переваливал через гребень, и, наверно, направился кратчайшим путем к воде.

— Ищите!

Томпсон первым обнаружил след, хлопнул себя по бедру и двинулся вниз по склону. Носорог действительно бежал к реке, весь вопрос заключался в том, к какой — Руйе или Луйе? До темноты оставалось всего два часа. Носорог, надо думать, бежал, мы же могли преследовать его только шагом. Вся надежда на то, что он задержится у реки. Здесь простиралась его территория. Томпсон хлопнул себя по бедру, подзывая Грэма Холла. Тяжело дыша, взмокший, багроволицый, показал рукой:

— Иди по следу. Я зайду ниже по течению, попытаюсь перерезать ему дорогу и погнать обратно, в сторону от границы. Если удастся подойти к нему и будет попадание, кричи: «Есть, есть!» Если я попаду, сделаю то же самое.

Томпсон побежал по склону, отклоняясь от следа, и я присоединился к нему. Бежать было рискованно, но мы рассчитывали, что носорог уже спустился к реке и не услышит нас, а другого способа отрезать его от мозамбикской границы не было. Стараясь ступать бесшумно по твердой почве, мы пересекли овраг и стали подниматься на следующий холм, и я подумал, что это, наверно, последний родезийский холм, дальше пойдет Мозамбик, но снизу мы не могли разглядеть пограничную веху. Тяжело дыша, с колотящимся сердцем, бежали мы вверх по склону, и я готов был

сдаться, но тут Томпсон повернул на запад и стал резать склон трусой. Потом сделал мне знак, чтобы я пригнулся, и мы зашагали в сторону Руйи, все так же тяжело дыша.

Не больше полукилометра отделяло нас от реки, но из-за травы и деревьев ее не было видно. Томпсон, запыхавшись, проверил пеплом направление ветра. Порядок... Пригнувшись, мы резали склон, старались идти без шума и не слишком громко дышать. Ветер был в нашу пользу. Отшагав четыреста метров, мы увидели реку, до нее было метров восемьдесят — сто. Присели, внимательно осмотрели берег и кусты, однако не увидели ни Грэма Холла, ни носорога. Томпсон проверил ветер и осторожно, очень осторожно двинулся к реке.

Теперь могло случиться все что угодно или ничего. Может быть, носорог где-то там, в кустарнике, отдыхает, кормится, пьет воду или принимает грязевую ванну, от которой кажется таким белым, а может быть, он уже ушел. Пересек Руйю и направился обратно в родезийские холмы или же потрусил вниз по течению и пересек незримую линию и затерялся в знойном лилово-буром мареве Мозамбика, спеша покинуть места, где не осталось больше носорогов. Медленно, осторожно крались мы вниз по откосу к реке, примечая деревья, на которых будем спасаться, если он вдруг откуда-то вынырнет. Мы не видели и не слышали ни Грэма Холла, ни следопытов. Вверх по течению местность просматривалась метров на полтора. Вниз по течению — и того больше, до самого Мозамбика. От границы, где Руйя прорезала холмы, нас отделяло метров триста. Томпсон проверил ветер, он работал на нас с Томпсоном — дул вдоль реки в сторону Мозамбика, но, если носорог притаился выше по течению, он мог почуять запах Холла и опередить нас на своем пути к границе, так что в этом смысле ветер нельзя было назвать благоприятным. Лучше бы он дул в

другую сторону. Мы шли очень тихо и осторожно. Семьдесят метров до реки... шестьдесят... пятьдесят... Когда до реки оставалось менее полусотни метров, носорог выскочил из укрытия, видимо, уловив запах Холла. Сначала мы слышали шум — треск, топот, сопение, потом он вырвался из приречных зарослей на открытое место и помчался дальше: голова поднята, уши прижаты, хвост изогнут над спиной. Он был не просто встревожен, а испуган, и мчался он напрямик вдоль реки в нашу сторону и в сторону Мозамбика, мчался туда, куда мы никак не хотели, чтобы он убежал; Томпсон и тут оказался прав, и он совершил единственно возможный маневр, чтобы заставить носорога свернуть. Пренебрегая опасностью, он мчался, и солнечный свет позолотил его светлые волосы; он вскочил и побежал между деревьями к реке наперерез носорогу, словно защитник-регбист, и на бегу он размахивал ружьем и кричал: «А-а-а-а!» — и всякие слова, которые приходили ему в голову, чтобы зверь увидел его и испугался и повернул в сторону, и носорог, топоча по берегу, увидел Томпсона и пошел на него. Огромное тысячекилограммовое серо-белое чудовище с грозным рогом, с бешеными глазами. От такой атаки хоть кому не поздоровится, и Томпсон бросился к деревьям. В последнюю минуту ловко увернулся от атакующего зверя и полез на дерево, и носорог с грохотом подбежал к дереву, на ходу сделал грозный выпад своим длинным рогом и помчался дальше.

Я тоже висел на дереве. Дерево было удобное, с ветвями наподобие ступенек, и с него открывался хороший вид. Огромный серо-белый зверь, последний носорог на Руйе, фыркая, прижав уши, изогнув кверху хвост, топал вниз по берегу, курсом на прорезанные рекой холмы. Вон он... Я смотрел с дерева, как затравленный носорог спасается бегством, я долго провожал его взглядом, а он бежал с треском, с

грохотом вдоль Руйи, становясь все меньше и меньше, мелькая между деревьями, и могучая серая спина нырнула в траву между холмами, удаляясь в лиловую мглу там, где Руйя становилась Луйей. Вот промелькнула в последний раз. И пропала.

Я спустился с дерева, радуясь, что пришел конец нашим похождениям на Руйе. Спрыгнул на землю, посмотрел на Томпсона, который тоже слезал с дерева, и подумал: «Стало быть, не Томпсона судьба взяла на мушку». Завтра приедет Куце, он возглавит операцию в Мусусумойе и затем в Гокве, а когда кончится месяц его руководства, уже хлынут дожди.

— Ну, что — альбинос? — спросил я.

— Не знаю, — ответил Томпсон.

Глава двадцать вторая

Было уже довольно поздно, когда мы от мозамбикской границы вернулись в лагерь старины Нормана. В этот последний день мы покрыли с полсотни километров, преследуя большого белого самца, с самого утра у нас не было во рту ни крошки, и мы ужасно устали. В лагере старины Нормана пылали два новых больших костра, вокруг них сидело множество африканцев, появились еще два «лендровера» и прибавились две палатки. «Лендроверы» принадлежали британской южноафриканской полиции, на них приехали полицейские офицеры. Вместе с ними приехали констебли и старший сержант — африканцы. У больших костров сидело и стояло около сотни африканцев, тридцать пять из них — в наручниках. Тридцать пять браконьеров, остальные — помощники и свидетели старины Нормана. На походных столах перед полицейскими палатками стояли две пишущие машинки, горели фонари; два офицера стучали по клавишам, а сидящий напротив них полицейский-африканец переводил показания свидетеля. Старина Норман сидел у своей палатки за походным столом, заваленным бумагами, и тоже занимался свидетелями. Стоял гул множества голосов. Один только Томпсон

знал, что у старины Нормана было задумано ударить по браконьерам в этот день, и нас поразило небывалое оживление в неожиданно разросшемся лагере Нормана. Наши рабочие удивленно восклицали: «Ух ты! Сколько полицейских!» — а мы улыбались. До чего же приятно было видеть, как тридцать пять приунывших негодяев в наручниках сидят у костров под охраной полиции. Томпсон расплылся в улыбке.

— Поздравляю! — Он прошагал через весь лагерь и протянул руку старине Норману.

Старина Норман поднял на него глаза поверх очков, щурясь от яркого света фонаря; из-за царившего в лагере шума он не слышал, как мы подъехали.

— Да, удачный выдался денек, — сказал он.

— Поздравляю, старина Норман.

— Спасибо, спасибо. — Норман мягко улыбнулся, поправляя очки. — Нам сегодня здорово повезло.

Руки в бока, рот до ушей, Томпсон любовался зрелищем тридцати пяти подонков, сидящих вокруг костра.

— Красота!

— Пойдемте, что покажу, — тихо произнес Норман, очень довольный собой.

Мы пошли, не переставая восхищаться им. В свете фонаря на брезенте у полицейской палатки аккуратными рядами была разложена целая коллекция оружия, снабженного ярлычками.

— Здорово! — сказал Томпсон. — Чертовски великолепно!

Девять единиц огнестрельного оружия: три винтовки, из них две в отличном состоянии, одна малокалиберка и пять допотопных шомполок. Все тщательно вычищены. Тут же лежали найденные вместе с ними боеприпасы. К старым шомполкам приложены гвозди, подшипники, гайки, болты, куски

проволоки — материал для картечи. Рядом — патронные сумки, банки и бутылочки с порохом.

— Красота! — улыбался Томпсон.

Мы все улыбались.

— Это вот изготовлено в тысяча семьсот каком-то году, — сказал старина Норман, поднимая с брезента шомпольное ружье.

Мы осмотрели его — чудесное старинное ружье с великолепным резным прикладом.

— Порох для детонации засыпаешь сюда, — Норман показал на вороночку рядом с курком, — потом добавляешь еще порох через дуло, это основной заряд, сверху сыплешь гвозди, гайки и болты. Делаешь пыж из травы или еще из чего-нибудь и ба-бах!

Детонирующий порох должен был воспламеняться искрой, высекаемой курком из кремня, но браконьерам негде было взять кремни, и они поджигали порох спичкой. Поджег, прицелился и держи зверя на мушке полминуты и больше, пока не бабахнет основной заряд, окутывая ружье и тебя облаком дыма. Всякое случалось на охоте. Не один охотник сам оказывался жертвой разорвавшейся шомполки.

— Чертовски великолепно!

— Они все исправны?

— Все, — ответил старина Норман.

Я взял другую шомполку, самодельную. Стальная трубка укреплена на деревяшке, играющей роль приклада.

— Черт-те что, — сказал я; спусковой механизм отсутствовал, но хозяин ружья смастерил некое подобие казенника. — Не хотел бы я охотиться с таким оружием.

— Да, не всякий отважится стрелять из такой шомполки, — согласился старина Норман.

Как не восхититься отвагой негодяев, которые выходили один на один против слона, или буйвола, или

носорога с таким никудышным оружием, стреляя гвоздями, болтами и кусками проволоки. Если бы не отвратительный факт, что, как правило, они только калечили зверя и он, претерпев адские муки, становился отшельником.

— Подонки.

— А что за порох? — спросил я.

— Порох разный, — ответил старина Норман. — Тут всего понемногу. Есть самодельный — из минеральных удобрений, есть составленный по всем правилам, кое-что добыто из патронов. Кто как сумел.

— Чертовски здорово, Норман, — сказал Томпсон.

— Попробуем выстрелить, — предложил я.

— Идет, — согласился Томпсон; у него было отличное настроение. — Держать будешь ты.

— Нет уж, — возразил я. — Держи ты.

Рядом с огнестрельным оружием лежал лук с запасом стрел. Лук был сделан мастерски. Стрелы оснащены куриными перьями, наконечники — железные, позади наконечника древко обмотано волокном с ядовитой пропиткой.

— Чертовски очаровательно.

За луком и стрелами на отдельном брезенте было разложено множество ловушек. Два объездчика-африканца распутывали их и сортировали. Они встретили нас улыбкой.

Мы насчитали семь-восемь десятков больших петель из стального троса толщиной три восьмых дюйма — старый трос с рудников. «Ржавчину» — окисную пленку — наводили для маскировки, когда накаляли трос, чтобы уменьшить его упругость. Некоторые ловушки были привязаны к толстым колодам длиной до трех метров, призванным душить животное и оставлять широкий след для браконьера. Больше трехсот силков из луба баобаба предназначалось для цесарок.

— Отлично поработали, — улыбнулся Томпсон объездчикам.

Они улыбнулись в ответ.

— Спасибо, сэр.

— Чертовски хорошо поработали!

— А вот еще. — Старина Норман подвел нас ко второй полицейской палатке.

Здесь на земле были расстелены шкуры. Не менее десяти шкур куду, одна шкура слона, по одной шкуре льва и леопарда, рог носорога и множество кусков звериной кожи, на каждом — ярлычок. Томпсон нагнулся, чтобы поближе рассмотреть трофеи.

— И это лишь малая часть их добычи.

Объездчики разбирали груды вяленого мяса общим весом около сотни килограммов.

— Сушилось на козлах.

— Только малая часть.

— А остальное куда девалось? — спросил я.

— Знаю куда, — ответил старина Норман. — Знаю. Дайте только срок.

— Европейцы?

— Представь себе, — сказал Норман. — И дело не ограничивается Родезией. Дайте только срок.

— Вот-вот, дайте только старине Норману срок. — Томпсон одобрительно похлопал его по плечу.

— Кто-нибудь из них сопротивлялся?

— Какое там, — ответил Норман. — Мы застигли их врасплох. Поймали и того, в чью петлю попала носорожиха, которую оперировал ветеринар. Сразу сознался.

— Как же ты узнал? — Томпсон вытаращил глаза от удивления.

— Пошли.

Старина Норман подвел нас к большому костру, у которого сидели африканцы. Они глядели, как мы приближаемся. Двое рабочих варили кашу в пяти

котлах. Тридцать пять обвиняемых глядели на нас, озаренные беспокойным огнем костра. Томпсон уставился на них, уперев руки в бока.

— Который?

— Вон тот, — показал старина Норман.

Браконьер опустил глаза.

— Эй, ты! — Томпсон гневно посмотрел на него.

Браконьер поежился.

— Почему ты не выследил носорожиху и не добил ее?

Браконьер молча глядел себе под ноги.

— Тебе известно, как глубоко врезался трос? Он в самую кость врезался! Много месяцев она не могла ходить, как следует, а бежать и подавно. Тебе ничего не стоило бы выследить и добить ее! Ты этого не сделал. Почему?

Браконьер молчал.

— Потому что ты лентяй! — кричал Томпсон. — Потому что не хотел возиться! Пусть животное мучается, лишь бы тебе было меньше хлопот!

Томпсон давил взглядом браконьера. Его подмывало сказать еще кое-что, объяснить этому бессовестному подонку, что он, Томпсон, хотел бы сделать с ним: затянуть петлю вокруг его окаянной ноги до самой кости, пусть бы он так помучился. Сказать это и еще кое-что, но он предпочел воздержаться, пусть суд разбирается.

— Живодер, бессовестный сукин сын!

Старина Норман рассказал о каждом — что за кем числится. Вон тот — колдун. Ежегодно в засушливый сезон являлся на Руйю со своими ловушками. Заодно делал бизнес, читал заклинания над ловушками других браконьеров. Считалось, что он еще и заклинатель дождя. Большая шишка по масштабам Руйи. Никто из местных не даст показаний против колдуна, но это роли не играет, Норман взял его с поличным. А этот вот —

оружейный мастер. Чинит ружья всем желающим. Недурно зарабатывает.

Но старина Норман, сверкая очками в свете костра, метил выше этих подонков. Он получил от браконьеров кучу сведений о стоящих за ними заправилах, мерзавцах из мерзавцев, и теперь намеревался добраться до них. Дайте только срок.

— Так-так, — злорадно произнес негодующий Томпсон, подбоченясь. — Чертовски приятное зрелище, верно?

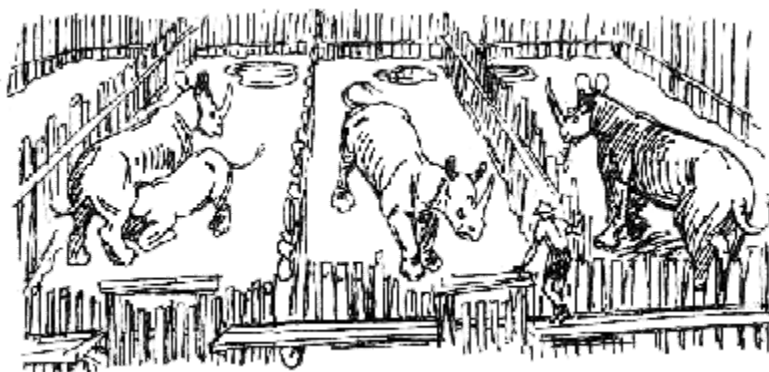
Что говорить, сердце радовалось при виде сидящей вокруг костра приунывшей компании, надежно скованной друг с другом наручниками. Очень приятное зрелище. Полицейские «лендроверы» и палатки, стучащие машинки, разложенные на брезенте сотни ловушек, огнестрельное оружие и прочие экспонаты, куча свидетелей и люди вождя Масосо, собравшиеся в ночной час у ярких костров посреди африканского буша, — все это являло собой очень внушительную, утешительную и приятную картину.

Это была наша последняя ночь на Руйе, и мы перестали огорчаться, что не смогли взять большого белого носорога.

Часть пятая

Глава двадцать третья

На другой день еще до рассвета Томпсон скомандовал: «Подъем! Вука! Подъем!» И мы соскочили с походных кроватей, нимало не сожалея о том, что это наш последний ранний подъем. По высокой траве мы прошли с фонарями к загону, чтобы перегнать в клетки последних носорогов для переброски в Гона-ре-Жоу. Было холодно, было темно, и фонари озаряли ярким желтым светом высокую траву и надежный загон, и носороги, заслышав нас, принялись сопеть и пыхтеть и бросаться на жерди, но, когда мы взобрались на верх ограда и яркий желтый свет пал на могучих, грозных серых зверей, стоявших на пыльной земле, они притихли, озадаченные сиянием шипящих фонарей. Брайтспарк Тафурандика, путаясь в траве, принес мне к загону кружку кофе, и лицо его говорило, что он сыт по горло этими подъемами ни свет ни заря во имя ловли носорогов. Я сказал ему, чтобы начал свертывать лагерь, чтобы снимал палатки и укладывал вещи в мою машину, а когда взойдет солнце, чтобы приготовил яичницу, оладьи и разогрел банку сосисок. Повар Томпсона тоже принес ему кружку кофе, и в свете утренней луны было видно, как всюду снимают палатки. Лица у всех были очень сонные. Мкондо и второй

водитель подогнали к загону ревущие дизелями и освещающие фарами буш тяжелые грузовики с клетками.

Вдоль северной стороны квадратного загона была вырыта длинная отлогая яма; грузовики с клетками спустились в нее задним ходом так, что кузов оказался вровень с земляным полом отсеков. Клетки сколотили из самых прочных брусьев, укрепили стальными скобами и оснастили запорами; каждая клетка обошлась в триста фунтов стерлингов. Длина — три с половиной метра, высота — два с половиной, ширина — метр двадцать, так что, войдя внутрь, зверь уже не мог развернуться. Стенка, у которой будет голова носорога, скошена вперед так, чтобы рог скользил вверх, не находя опоры, если зверь, пытаясь вырваться, начнет бодать ее. У первых клеток стенки с обоих концов сделали вертикальными, и уже через несколько километров пути голова носорога высывалась наружу в пробитую брешь.

Загон открывался в два коротких прохода, длина и ширина которых соответствовали размерам взрослого носорога, и, как только грузовики стали на место, рабочие, подбадривая друг друга криками, столкнули тяжеленные клетки с грузовиков и подтащили к проходам. Уже рассвело, когда клетки встали как надо и Томпсон начал отрабатывать маневр с дверью.

Широкую дверь клетки открыли в проход и привязали к ней длинную толстую веревку, за которую взялись два десятка рабочих.

— Готовы? — крикнул Томпсон.

Двадцать рабочих выстроились гуськом за клеткой, словно собираясь состязаться в перетягивании каната.

— Донса! — скомандовал Томпсон, рабочие потянули, и широкая дверь захлопнулась с громким стуком.

— Нет, нет, нет! — крикнул Томпсон. — Вы тянете, словно старые бабки! Вроде бы не первый раз переводим чипимбири в клетки, а вы тянете, будто старухи! Пока вы будете вот так закрывать дверь клетки, чипимбири успеет ее снова распахнуть, а если он испугается, вы его туда уже не заманите!

Он сердито уставился на них.

— Бабки старые!

Они ухмылялись, белые зубы сверкали в желтом свете фонарей и утренней зари. Небось радовались, что скоро избавятся от нас. Только обещанное пиво вдохновляло их тянуть канат.

Томпсон с досадой распахнул дверь.

— Повторим... Донса!

Рабочие налегли изо всех сил, торопливо переступая назад, и дверь с грохотом захлопнулась, и они натянули веревку, не давая двери открыться. Томпсон воткнул болт в уши и повернулся к рабочим.

— Вот так! Почему сразу правильно не сделали, ждали, когда я накричу на вас? Дружней надо, ясно?

После репетиции мы сделали перерыв на завтрак. Солнце только-только выглянуло из-за горизонта. Я пошел обратно на свою площадку; она выглядела голой, тоскливой и неприглядной: палатки сняты, вещи разбросаны... Брайтспарк Тафурандика попытался навести какой-то порядок, поставив у костра складной стул и стол с моим завтраком. Я сел и принялся за еду, поглядывая кругом. Приятно было погреть у костра озябшие ноги, приятно сидеть на солнышке за столом, и теперь, когда настало время уезжать, мне взгрустнулось. Нам неплохо жилось на Руйе, мы поймали много чипимбири и каждый раз радовались своему успеху, и я с удовольствием возвращался ночью в лагерь, где меня ждал старый Брайтспарк Тафурандика.

— Ты рад, что мы уезжаем, Старая Непьющая Лошадь?

— Э, — ответил Брайтспарк Тафурандика, — мне очень грустно. Хотя мы поймали много чипимбири.

— Кто поймал?

— Мы поймали, — прошамкал Брайтспарк Тафурандика щербатым ртом. — Армейский кашевар — тоже солдат.

— Желудок в армии главный мотор? — спросил я Брайтспарка Тафурандику, самого нерадивого из экспедиционных поваров.

— Нкоти, — сказал Брайтспарк Тафурандика, — а сколько чипимбири поймали вы лично?

— Ладно, мы с тобой квиты. Скажи-ка, кто дал тебе имя Брайтспарк — Смышленный?

— Моя мать дала.

— Великое дело — материнская любовь, — заключил я.

После завтрака я вернулся к загону; солнце уже взошло.

Я оказался первым, и носороги, фыркая, сопя и вздымая пыль, пошли в атаку на ограду в надежде достать меня рогом. Особенно бесновалась самка, которую мы называли Барбарой. Я велел ей угомониться, в ответ она попятилась и снова долбанула жерди. Барбара никого не признавала. Я влез на ограду, чтобы обзреть носорогов сверху. Когда человек оказывался заведомо вне пределов досягаемости, носороги переставали пыжиться и принимались жевать ветки или находили себе еще какое-нибудь занятие, например — особенно Барбара — пытались достать рогом друг друга через щели между жердями. Иногда казалось даже, что им отчасти приятно общество человека; зная, что все равно до вас не добраться, они все-таки вроде бы огорчались, когда вы слезали с ограды и уходили.

По верхней поперечине я добрался до середины загона, откуда мог заглянуть во все четыре отсека; и каждый из зверей — особенно Барбара — воспользовался этим предлогом, чтобы с фырканием броситься в мою сторону. Сорвутся с места и топают через стойло, чтобы, резко затормозив огромными копытами в облаке пыли, попытаться зацепить рогом мои ступни, хотя знают, что все равно меня не достать. Одного за другим я рассматривал стоящих внизу могучих серых зверей высотой в рост человека, с громадной головой, увенчанной грозным рогом, с поросячьими ушами. Они томились скукой и, раз уж меня нельзя изничтожить, готовы были терпеть мое присутствие — все-таки развлечение. Они вяло

установились на меня, надеясь, что я свалюсь с ограды или придумаю еще что-нибудь интересное в этом роде. Самец, прозванный нами Освалдом, принялся задумчиво жевать здоровенный, длиной и толщиной с ногу человека, куст молочая с длинными шипами. Приподняв голову и следя за мной, он мерно шевелил цепкими губами, и молочай торчал из его пасти этакой огромной сигаретой, и белый сок струйками стекал по подбородку. Носороги обожают молочай, готовы все отдать за изрядный кусок колючего лакомства; африканцы говорят, будто носорог от молочая пьянеет. Но Освалд жевал просто так, чтобы чем-то заняться. В соседнем отсеке стояла большая носорожиха — та самая, что убегала от нас вместе с белым носорогом, и томящийся скукой детеныш бродил вокруг нее, скуля и всячески докучая матери. Скользнув по мне безучастным взглядом, он продолжал, скуля, трусить по отсеку. Ему было около полутора лет, и рог его представлял собой черный тупой пенек в окружении шершавой, бугристой кожи. На ушах, где вырезали метки, запеклась кровь, смешанная с пылью; ранки еще не совсем заросли. Он метался по стойлу, ища себе занятие, решил хотя бы пососать мамашу, подошел к ее широкому чреслам, опустил на колени и вяло ткнулся в соски головой, задрал кверху зад. Носорожиха продолжала стоять не двигаясь.

Барбара мрачно созерцала меня, надеясь, без особого оптимизма, на какой-нибудь случай. Каждый раз, как я поворачивал голову в ее сторону, она шла в атаку. Наклонив голову и роя копытами землю, с фырканьем вонзала рог в жерди, над которыми я стоял, так что вся ограда шаталась. Попытится, поглядит на меня с отвращением, посмотрит по сторонам — ничего, и уныло прижимает уши к голове; потом опять накачивается злостью для новой атаки на жерди. Пободав ограду и видя, что я не поддаюсь на

провокации, она принялась фыркать на Освальда в соседнем стойле и дубасить рогом разделяющие их жерди. Освальд, знай себе, продолжал уписывать молочай. Барбара попятилась с грозным видом, поразмыслила, затем обратила свою ярость на жерди, отделяющие ее от носорожихи с детенышем. Те никак не реагировали. Наклонясь над пустым стойлом, я взял одну из зеленых веток, которые положили туда накануне в расчете на поимку белого носорога, и протянул Барбаре. Объятая свирепой радостью, она пошла в атаку на ветку и пырнула ее рогом. Я убрал ветку, и Барбара попятилась со злобой во взоре, ожидая, что я повторю маневр. Я бросил ветку на землю в ее отсек, и Барбара, опустив голову, сверкая налитыми кровью глазами, бросилась в атаку и изничтожила зеленые побеги. К этому времени Освальду надоел молочай, он выплюнул остатки и несколько раз боднул жерди, за которыми продолжалась расправа с веткой. Барбара возликовала, отвернувшись от растерзанной ветки и с грохотом ринулась на Освальда. Некоторое время два тысячекилограммовых зверя отводили душу, молотя разделяющие их жерди. В облаках пыли они фыркали, топали, бодали жерди, яростно сверкая глазами. Внезапно раздался глухой щелчок, и рог Барбары обломился у самого основания, осталась только круглая красная кровоточащая рана, а сам рог лежал в пыли у топочущих копыт. Но Барбара, как ни в чем не бывало, пырнула шершавые толстые жерди окровавленной мордой, добираясь до Освальда, попятилась, наклонила голову и снова пошла в атаку, и Освальд с грохотом дубасил жерди со своей стороны. Снова и снова Барбара бросалась в атаку, размазывая мордой кровь по перегородке. Оба зверя упивались таким времяпрепровождением, но я достал из пустого стойла еще одну ветку и с криком сделал выпад в сторону Барбары, чтобы она перестала колотить жерди

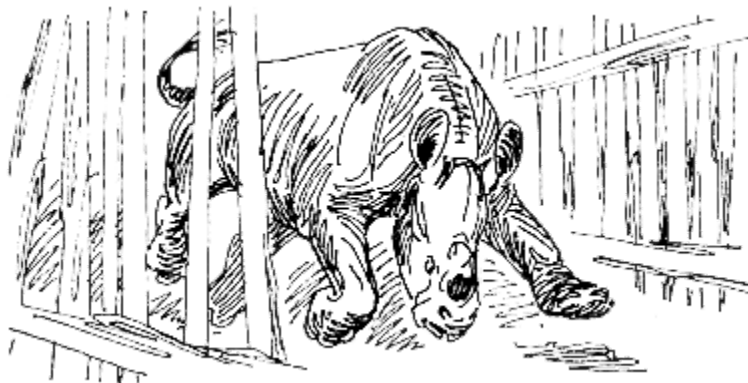
раненой мордой. Я кричал и хлопал веткой по ограде, и Барбара повернулась в мою сторону и пошла в атаку на ветку, обратив на нее всю свою ярость. Освальд продолжал бодать стенку, и я дразнил Барбару веткой, чтобы отвлечь ее от Освальда, до которого она так упорно добиралась, и Барбара терзала ветку, окропляя листья своей кровью. Наконец Освальду надоела вся эта история, он отвернулся и понуро принялся жевать молочай. Барбара еще некоторое время терзала ветку, но пыл ее заметно убывал, а затем она и вовсе потеряла интерес к этому занятию. Рог лишен нервной ткани, но рана все-таки была чувствительной.

Барбара с надеждой поглядела в сторону Освальда, еще раз атаковала перегородку, пырнула мордой жерди, я снова хлопнул веткой по ограде, Барбара развернулась и сделала короткий выпад, потом окончательно остыла. Вытянув большую цепкую губу, словно палец, забрала листья в рот, перекусила ветку и принялась уныло жевать, озаренная восходящим солнцем.

Подошел Томпсон, и она снова стала кидаться на жерди, добираясь до него. Когда у ограды собрались рабочие, Барбара вложила душу в грозные атаки, вознамерившись всех их казнить. Освальд с видом полного отвращения ко всему на свете жевал молочай.

Глава двадцать четвертая

Для начала Томпсон решил отделаться от Барбары — уж очень она осточертела нам, долбя мордой жерди в своем стремлении всех прикончить. Отделаться от Барбары оказалось проще простого.

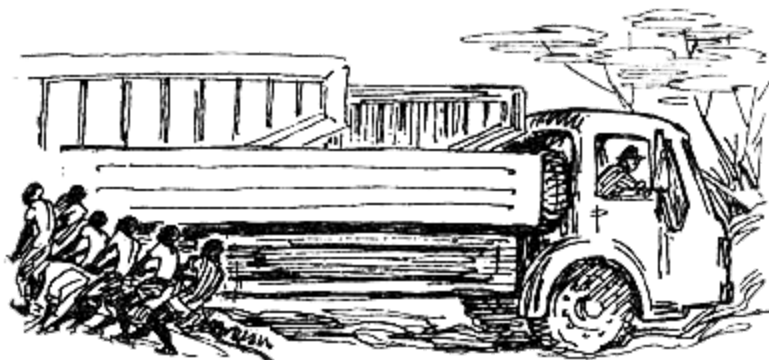
Рабочие выстроились в ряд вдоль длинной веревки, привязанной к распахнутой двери. Как только следопыты начали вынимать жерди там, где стояло Барбары прилегало к проходу, она совсем взбесилась и пошла дубасить жерди окровавленной мордой, вкладывая в каждый удар всю свою тысячу килограммов, что заметно облегчало работу следопытам. Чем шире становился просвет, тем сильнее она бесновалась — била жерди окровавленной мордой, взбивала пыль толстенными ногами и сверкала разъяренными глазами, желая протиснуться в щель и расправиться с клеткой, которая маячила перед ее взором. Но просвет был еще слишком узок, и Барбара, попятившись, снова шла в яростную атаку, упиваясь собственным бешенством, и следопыты вытащили еще одну жердь, и вот уже Барбара просунула в щель голову и плечи, однако широченные бока не пускали ее. Взревев от ярости, ибо страсть к убийству не находила удовлетворения, она уперлась передними ногами,

выдернула голову из просвета, следопыты вытащили еще по одной жерди с каждой стороны, и Барбара, наклонив голову, с ревом бросилась вперед, так что все стойло зашаталось. Она билась и дергалась, протискиваясь в просвет, наконец, прорвалась и с ревом, в совершенном исступлении, ринулась на ненавистную клетку, чтобы уничтожить ее. Одним махом одолела короткий проход, спеша учинить расправу, и Томпсон крикнул: «Донса!» — и рабочие дружно натянули веревку и захлопнули дверь за Барбарой, и Томпсон тотчас затолкал в ушки болт. Все оказалось проще простого.

Барбара атаковала скошенную стенку клетки, но широкая окровавленная безрогая морда скользила вверх, и носорожиха, визжа от бессильной злобы, снова атаковала и скользила, атаковала и скользила, размазывая кровь, наконец, попыталась вскарабкаться по стенке вверх и дотянулась могучей окровавленной головой до вентиляционного отверстия в передней части клетки; после этого Барбара хотела попятиться для атакующего броска, но дверь была закрыта, и невозможно развернуться кругом, и она стала неистово брыкаться, дергаться, биться и реветь. Клетка качалась, трещала, тряслась и скрипела. Мы устроили перекур, выжидая, когда Барбара уgomонится. Наконец, она умаялась, из клетки доносилось только громкое свистящее дыхание. Все брусья были вымазаны кровью.

Томпсон наклонился в заднее вентиляционное отверстие, и не успела Барбара взбрыкнуть и взреветь, как он вонзил в нее здоровенный шприц с морфием, чтобы заглушить боль в раненой морде. После чего мы, обливаясь потом, крича и чертыхаясь, орудуя ватами и ломami, задвинули клетку Барбары в кузов грузовика.

Освалд повел себя совсем иначе. Он сопел и пыхтел и кидался на жерди, пока мы их вытаскивали, когда же путь был открыт, стал с величайшей осторожностью изучать обстановку. Обнюхал просвет и явно остался им недоволен. Мы замерли на верху ограды и смотрели на него, боясь пошевелиться, чтобы его не отвлечь. Настороженно обнюхивая просвет, он несколько раз подавался вперед с наклоненной головой, но тут же пятился обратно; наконец, фыркая и вздрагивая, вошел в проход, готовый в любую минуту отпрянуть назад, и начал изучать клетку. То подастся вперед, то отступит, то опять подастся вперед, издавая громкие, тревожные, фыркающие звуки и заглядывая внутрь клетки, и мы боялись шелохнуться. Он делал маленькие шажки огромными ногами, и могучие мышцы его были предельно напряжены, и весь он дрожал, готовый метнуться обратно. Вот уже наполовину в клетке, вот на три четверти, одни бедра торчат наружу, и Томпсон поднял руку, готовясь дать команду, и тут Освалд струсил. РванулсЯ назад, сопя и фыркая, озираясь ошалелыми глазами, и застрял в ненавистой ему

двери. Дернулся и, визжа от ярости, вложил всю свою мощь в удар по стальной петле, так что клетка закачалась. После чего развернулся и протопал обратно по проходу в свое стойло.

— Ну, выходи, старый дурень.

Он сердито таращился на нас.

— Выходи, тебе говорят.

Он продолжал таращиться.

— Выходи же, тупица окаянный!

Освалд не трогался с места.

— Ясно, — сказал Томпсон. — Мешки!

Грэм Холл просунул мешок в переднее вентиляционное отверстие клетки, Томпсон свесил другой мешок в коридор перед выходом из стойла и покачал его.

— Эй, торо!

Натура носорога не могла стерпеть такого нахальства. Разъяренный Освалд пошел на врага, чтобы истребить его, с грохотом проскочил в проход, и Томпсон живо убрал свой мешок.

— Эй, торо! — крикнул Грэм Холл, помахивая мешком внутри клетки, и Освалд ураганом ворвался в клетку, чтобы растерзать мешок, и Томпсон скомандовал: «Давай!» — и рабочие, натянув веревки, захлопнули широкую дверь, и Томпсон молниеносно запер ее болтом.

— Олэ! — сказал он.

Настала очередь носорожихи с детенышем. Немало времени, сил и бранных слов потратили мы на них. Сперва надо было заарканить детеныша — процедура долгая и располагающая к сквернословию, потому что никто из нас не умел бросать аркан по-ковбойски. После многократных попыток — с проклятиями, ценными указаниями и контрукказаниями — нам удалось все же накинуть петлю на шею детеныша. Затем мы открыли проход для носорожихи и принялись кричать и тыкать

ее палками и дразнить мешком, но она не желала никуда идти без детеныша, а выводить их из стойла вместе мы не могли, потому что не было достаточно большой клетки, способной вместить обоих. Кончилось тем, что мы выстрелили в нее шприцем с М-99. Затем, не дожидаясь полного действия препарата, набросили на нее аркан и протянули конец веревки в освободившийся отсек Барбары, через отсек в проход, из прохода в клетку и через переднее вентиляционное отверстие наружу, где все дружно впряглись. Надо было протащить носорожиху через проход раньше, чем сработает М-99, и, хотя препарат заметно ослабил ее, нежелание двигаться с места осталось. Она уперлась в землю ножищами и тянула назад, хрипя и задыхаясь. Схваченная веревкой могучая шея вытянута, стонущая пасть раскрыта, ошалелые глаза рвутся из орбит... Это было все равно, что пытаться сдвинуть с места гору. Шаг за шагом, крича, чертыхаясь и обливаясь потом, тащили мы ее в клетку. И все это время детеныш бился на аркане, не желая расставаться с матерью. Потом наступила и его очередь. Он громко скулил, отбиваясь, и, когда мы наконец водворили его в клетку, стал отчаянно призывать родительницу.

После этого мы погрузили клетки на грузовики и прочно закрепили в кузовах. Караван взял курс на Гонаре-Жоу: два грузовика и сопровождающий их «фольксваген».

Остальная часть отряда должна была позже в тот же день выехать в Мусусумойю. От Ньямасоты до Гонаре-Жоу — тысяча с лишним километров, и нам предстояло покрыть это расстояние без остановок, потому что у носорогов в клетках не было воды.

Глава двадцать пятая

Наш караван катил через сухой знойный буш, трясясь, качаясь и вздымая тучи пыли. Первыми ехали на «фольксвагене» мы с Невинном, за нами — тяжелые грузовики с полуторакилометровым интервалом, чтобы не глотать пыль от впереди идущей машины. Мы старались выдержать скорость около двадцати пяти километров в час, чтобы не растрясти наших носорогов. Они предпочитали лежать, потому что не очень уверенно чувствовали себя на ногах в качающихся клетках. Я спрашивал себя, как они воспринимают происходящее. До сих пор все: поимка, плен, люди, звуки и запахи, даже перевод в клетки — находилось в пределах их разумения, но темная клетка, теснота, не позволяющая повернуться, гул моторов, качка и тряска — все это было для них непостижимо. Надо думать, они основательно перепугались, но у нас не было другого способа помочь им.

От Ньямасоты к Маунт-Дарвину через буш ведет несколько путей, и мы выбрали самую длинную дорогу, зная, что она лучшая. Трястись со скоростью двадцать пять километров в час — дело нудное и утомительное, «фольксваген» мог ехать куда быстрее, но нам нельзя было отрываться от грузовиков: вдруг что-нибудь стрясется. В «фольксвагене» была переносная

радиостанция, позволяющая вызвать помощь. Была походная аптечка. Были сигареты. И даже несколько припасенных мной бутылок пива, хотя и теплого.

Удушливая, плотная пыль клубилась густым высоким облаком и лезла в кабину через открытые окна. Земля взывала о дожде, но ей предстояло взывать еще целый месяц, до самого жаркого, смертоносного месяца — октября. Мы пересекли Бунгве, и Мудзи, и Шамву, спускались в сухие русла и со скрежетом взбирались вверх по противоположному склону, не веря, что здесь когда-то, в незапамятные времена, текла вода, и говорили себе: будь они неладны, такие-сякие двадцать пять километров в час. Ох и нудное это дело — перевозить носорогов.

С вершины холма желто-буро-серый буш казался тускло-лиловым от знойного марева. Местами мы проезжали вспаханные поля — бурые, окаменевшие, истосковавшиеся по дождю, кое-где бродил тощий скот. По соседству с полями обычно располагались краали их владельцев: хижины из жердей под растрепанной кровлей, небольшие амбары из того же материала, скотный двор, обнесенный изгородью из сухих веток, две или три жены, смотря по состоятельности хозяина, стайка детишек, поджарые псы, копающиеся в земле куры, козы, иногда — три-четыре поросенка. Коз в этих краях много. Козлятина не больно-то вкусна и козы поедают весь подножный корм, куда лучше было бы держать овец или побольше свиней, но переделать здешнего хозяина невозможно, он любит, чтобы было много коз. Козы — его состояние, за них и за крупный рогатый скот покупают жен. Чем больше коз, тем больше детей, больше дочерей, за которых можно получить еще коз. По-своему логично.

Обитатели краалей махали нам руками, провожая взглядом машины, ползущие со скоростью двадцать пять километров в час; кое-где мы развивали скорость

до сорока километров, но тут же опять сбавляли, и ребятишки выбегали из хижин и улыбались и прыгали от восторга. Иногда встречался прибитый к дереву указатель. Иногда мы останавливались, чтобы грузовики догнали нас. Пропускали их вперед, и мимо нас ползли громадные облака пыли и здоровенные трясущиеся клетки с носорогами, потом мы снова их обгоняли. Мелкая пыль покрывала наши брови, зубы, губы в уголках рта. Защищая от пыли волосы, мы не снимали шляп.

Двадцать-таких-сяких-пять километров в час...

Возле указателя с надписью «Миссия и больница Мери-Маунт» мы увидели трясущийся по дороге местный автобус, и эта картина напомнила мне английскую провинцию субботним утром. Затем после долгой езды добрались до Ньямахобоко, где почему-то сразу три африканские лавчонки, крытые рифленым железом, с цементными ступеньками, выстроились в ряд под солнцем посреди буша. На одной — большая реклама кока-колы, на другой — такая же реклама хабли-бабли, у третьей — поперек стены огромный красно-белый плакат: «Кончил дело — закури сигарету „Лайф“». Перед магазинами прогуливались куры; сидевшие на солнышке африканцы воззрились на нас. Мы остановились, чтобы подождать грузовики, и я зашел в лавку с рекламой хабли-бабли, принадлежащую, как гласила вывеска, некому С. Н. Зичаво. Меня встретил запах сахара, ситца, муки, веревок, лемехов и пота.

— Дайте-ка нам хабли-бабли, — попросил я.

Мистер С. Н. Зичаво виновато улыбнулся.

— Хабли-бабли нет, только кока-кола.

— Что? Нет пепси-колы?!

— Нет, сэр.

— Но ведь на рекламе написано: «Пейте хабли-бабли, пейте на здоровье». А кока-кола — в соседней

лавке.

— Так точно, сэр.

— Или в Ньямахобоко такой спрос на пепси-колу, что все разобрали?

— Так точно, сэр, — улыбнулся мистер С. Н. Зичаво.

— Тогда уж сняли бы рекламу, — предложил я. — Только сбиваете с толку проезжих. А пиво есть?

— Есть, сэр! — просиял мистер С. Н. Зичаво. — Какое угодно — «Лайон» или «Касл»?

— Только не мне, — вмешался Невин. — Я при исполнении.

— Ладно, — сказал я. — Бутылку «Лайон» мне и бутылку кока-колы Управлению национальных парков и охраны дикой фауны.

Солнце склонилось к горизонту, когда мы въехали в Маунт-Дарвин. Есть в Родезии городок под названием Энкелдоорн, что можно перевести как «сплошные колючки», давший повод для следующей шутки: дескать, объявлен всеродезийский конкурс, победитель которого награждается недельной путевкой в Энкелдоорн, номер два — двухнедельной путевкой и так далее. Так вот, на место Энкел-доорна следовало бы поставить Маунт-Дарвин, да только этот городишко до того захудалый, что даже шутки не удостоился.

Мы остановились у бензоколонки, вскоре приползли и наши грузовики. Пока они заправлялись, я влез на клетки, чтобы посмотреть на носорогов. Наши узники лежали, испуганные и присмирившие, беспокойно поводя ушами. Даже мое появление не заставило их подняться и вызвать меня на дуэль или хотя бы взглянуть на меня. Барбара тоже лежала смирнехонько; на нее было страшно смотреть — морда в крови, и все кругом перепачкано кровью. Я с тревогой спрашивал себя, каково-то ей придется в Гона-ре-Жоу безоружной. Правда, второй рог уцелел, но он был совсем короткий и помещался ближе ко лбу — не очень-то повоюешь, не

говоря уже о том, что пройдет какое-то время, прежде чем она приспособится им действовать. Заметят ли львы, что она лишилась своего главного оружия? Скорее всего, заметят и скорее всего все равно не станут связываться. Придется ей изменить свои повадки, перестать бросаться на всех и каждого, покуда снова не отрастет передний рог.

Грустно было смотреть на детеныша. Теперь, при выключенном моторе, он опять чуял мать в соседней клетке и взывал к ней, и она отвечала. Но оба продолжали лежать. Я спросил водителей, как себя вели пассажиры; они ответили, что сперва брыкались и ревели, потом легли на пол. Может быть, их укачало? Африканцы толпой окружили грузовики, издавая восхищенные возгласы.

В гараже при бензоколонке мы смыли пыль с лиц и рук. Потом остановились у лавочки, чтобы запасти для меня пива на весь долгий ночной переход. Пиво было холодное — первое за много дней холодное пиво, и я завернул его в газеты. Наступил вечер, и я подумал, что носороги, наверно, томятся жаждой, ведь на закате они идут на водопой. А напоить их в клетках невозможно, мы уже пробовали: они бросались на ведра и расплющивали их. Придется им терпеть до самого Гонаре-Жоу.

Глава двадцать шестая

По хорошей дороге, что вела на Биндур, грузовики развили непривычно высокую после долгого передвижения ползком скорость — до шестидесяти с лишним километров в час. С началом заката суровые желто-бурые краски ландшафта сменились серо-лиловыми, а горизонт занялся огромным молчаливым багрово-оранжево-желтым пламенем, потом буш окутала темнота, и только запад еще оставался багровым. Лучшее время дня в Африке... Я откупорил первую после Ньямахобоко бутылку пива, первую, за много-много дней, холодную бутылку.

— Может, угостить рабочих? — спросил я.

— Лучше не надо, — откликнулся молодой Невнн.

Сразу за Биндурой пошел гудрон. Часы показывали без пяти шесть, пора докладывать по радио в управление, как идут наши дела. Мы свернули на обочину и остановились. Мимо с ревом проехали наши грузовики; мы помахали, и водители помахали в ответ. Катящиеся в сторону Гона-ре-Жоу клетки с носорогами отлично смотрелись на фоне заката. Мы включили рацию и стали ждать, когда будет ровно шесть, и я откупорил еще бутылку пива, и Невин позволил себе сделать глоток — для дезинфекции, и в динамике было

слышно, как люди из отрядов по борьбе с мухой цеце докладывают в свой отдел итоги прошедшего дня. Жуткие итоги... Охотникам службы по борьбе с мухой цеце вменено в обязанность очищать от дичи две широкие полосы, пересекающие Южную Родезию; одна полоса, длиной около тысячи километров, — на севере, на верхней части уступа реки Замбези, другая, длиной около двухсот километров, — на юго-востоке. Это в общей сложности пятьдесят семь тысяч квадратных километров, которые охотникам надлежит очищать от дичи: убивать, убивать, убивать подряд всех копытных, убивать, чтобы уморить голодом проклятую муху цеце, заражающую человека смертельной сонной болезнью, а домашних животных болезнью нагана; муху цеце, переносчицу трипаносом, простейших организмов класса жгутиковых, проникновение которых в кровь человека вызывает высокую температуру, потом сонливость, потом долгое угасание и, наконец, смерть. Трипаносомы паразитируют в крови диких животных, мухи сосут эту кровь, потом садятся на домашний скот и на человека и вводят в их кровь паразитов. Сонная болезнь ужасна, борьба с ней тоже ужасна. Истреблять животных, чтобы уморить голодом муху... Далеко-далеко за черно-багровым горизонтом охотники на отведенном им участке буша сидели в своих «лендроверах» и поочередно докладывали об итогах.

— Номер четыре тысячи семьсот пятьдесят семь, взрослый бородавочник, самец.

— Понял, — отвечали из отдела.

— Номер четыре тысячи семьсот пятьдесят восемь, взрослая антилопа куду, самка.

— Понял.

Ежегодно в названных полосах отстреливают огромное количество копытных. В распоряжении старшего егеря двадцать пять охотников-африканцев, которые каждый день на рассвете выходят из базового

лагеря и каждый вечер возвращаются с отчетом, сколько и каких животных убито, и каждый вечер старший егерь докладывает по радио об итогах в свой отдел. Я понимаю, это необходимо. Единственный способ преградить путь мухе цеце — это морить ее голодом, такая политика «выжженной земли», проводимая всеми африканскими странами. Без таких кордонов цеце распространится по всей стране, убивая на своем пути людей и домашний осот. Не будет кордонов — африканцы останутся без скота, вся экономика рухнет. Специалисты говорят, что другого выхода нет, и почему бы мне им не верить. Но все равно эти реляции производили удручающее впечатление.

Поздно вечером мы проехали через Солсбери, сделав остановку, чтобы заправиться горючим и купить себе и водителям рыбы с жареной картошкой, галет и шоколада, носороги по-прежнему лежали в своих клетках, и вид у них был довольно жалкий, и детеныш звал свою родительницу. У бензоколонки один полицейский спросил:

— Что там у вас в клетках?

— Носороги, — ответил я.

— Ох уж эти остряки! — сказал он.

Наши машины ехали через ночь с интервалом два-три километра, скорость по гудрону — восемьдесят километров в час, впереди «фольксваген», за ним, прорезая фарами тьму, два грузовика с четырьмя огромными клетками, в которых четыре несчастных зверя лежали и слушали, как гудят моторы и шуршат колеса. Наверно, при такой скорости ночью им в кузовах было холодно. И, наверно, их мучила жажда. Встречные машины попадались редко, и так же редко видели мы огоньки ферм. Через Энкелдоорн проехали в полночь и ничего от этого не потеряли. Я гнал от себя сон, чтобы Невин не заскучал. Чем заняться? Размышлениями, разговором, созерцанием скользкой

мимо африканской ночи; курить уже совсем не хотелось. Ночь тянулась бесконечно долго. Но вот редколесье сменилось кустарниковым велдом, пошли плантации сахарного тростника. Рассвет застал нас в Траянгле; было очень тихо и очень красиво. Носороги совсем приуныли. После Буффало-Рейнджа мы свернули с гудрона, взяв курс на широкие просторы Гона-ре-Жоу. Пропустили вперед один из грузовиков, водитель которого хорошо знал дорогу; у второго грузовика мотор был послабее, и он шел за нами. Мы проехали почти тысячу километров от Ньямасоты, и долгий путь сказывался не только на людях, но, надо думать, и на носорогах тоже.

Глава двадцать седьмая

В девять утра мы въехали в Гона-ре-Жоу: пять тысяч двести квадратных километров заповедной территории. В зоне кустарникового велда намного жарче, чем на плато, и деревья здесь зеленее, и с холма было видно темно-зеленую полосу пышной растительности вдоль берегов широкой девственной Лунди, извивающейся на фоне огромного, простертого до самого горизонта лилового ковра буша. В это время года Лунди мелеет, но все равно воды было вдоволь, и отлогие берега из чистого светлого речного песка, шириной до пятидесяти-шестидесяти метров, напоминали пляжи; выше шли раскаленные серые камни, а вдоль кромки воды ярко зеленел высокий камыш. Сверху Лунди казалась синей, а спуститься к воде, она отливает чистой густой зеленью. Лунди богата рыбой: тут лещ, и терапон, и вунду, и даже меч-рыба поднимается по реке из вод далекого океана; водятся крокодилы, много бегемотов, а обширные безмолвные просторы Гона-ре-Жоу изобилуют копытными. Прекрасная местность для носорогов.

Подпрыгивая на ухабах, мы медленно катили перед вторым грузовиком по тихим холмам и лощинам к лагерю Чипинда-Пулз, расположенному километрах в

тридцати от Лунди. У дороги паслось большое стадо слонов, и мы остановились посмотреть на них. Они продолжали пастись: вытянут хобот, захватят зеленую ветку, ломают ее, потом согнутым хоботом засовывают себе в пасть. Трещали обламываемые ветки, громко урчали слоновьи животы. Стадо спокойно отнеслось к нашему появлению, но на всякий случай два слона наблюдали за нами. Еще мы видели трех куду, трех бородавочников и следы бегемотов. Проехав через плоскую равнину, мы очутились на обрамленной высокими деревьями поляне и увидели загон, где предстояло выгружать носорогов. Перед загоном стоял наш первый грузовик, и нам сразу бросилась в глаза свалившаяся с него клетка. Господи!

Клетка стояла на ребре, упираясь верхним концом в край кузова. Местный объездчик Осборн, взмокший, чертыхающийся, командовал бригадой африканцев, которые силились задвинуть клетку обратно в кузов.

— Что случилось?

Осборн снял промокшую от пота шляпу и швырнул на землю. Этот рослый, упитанный, добродушный и благодушный лысеющий мужчина сейчас был зол как черт и поведал нам о случившемся, перемежая рассказ непечатными словами. Такие-сякие веревки, которыми была привязана такая-сякая клетка, каким-то образом, трам-тарарам, развязались, и, когда грузовик с открытыми бортами, трам-тарарам, подал кузовом в такую-сякую яму, чтобы можно было, трам-тарарам, спустить клетку к входу в загон, водитель вдруг нажал на такие-сякие тормоза, и одновременно носорог, трам-тарарам, вдруг вздумал брыкаться, и такая-сякая клетка вывалилась из кузова, трам-тарарам. Я посмотрел на стоящую наклонно клетку.

— Это клетка Барбары, — сказал я.

— Барбара не Барбара, ей там сейчас не сладко.

Послышался громкий треск, и клетка качнулась. Барбара восседала на собственном заду, словно дрессированный носорог в цирке. Бедняжка, нелегко ей давалось знакомство с Управлением национальных парков и охраны дикой фауны.

— И давно она так сидит?

— С полчасца.

Снова стук и треск и негодующий вопль, и снова клетка качнулась. Возмущение Барбары было вполне понятно. За последние двое суток ей здорово досталось.

— Давай! — закричал Осборн рабочим.

Он задумал водворить клетку обратно в кузов при помощи вена-камина. Вена-камина — своего рода стальные тали; два человека приводят их в действие, поочередно налегая на большой рычаг; вена означает «ты», камина — «я». Осборн продел трос под клетку, и вена-камину прикрепили к толстому дереву перед грузовиком; одновременно группа рабочих подпирала клетку снизу короткими вагами.

— Взяли! — крикнул Осборн, и мы все с натугой уперлись в клетку Барбары, и двое, приставленные к вена-камине, лихорадочно заработали рычагом, и здоровенная клетка со скрипом сдвинулась на сантиметр-другой, и рессоры грузовика скрипнули, сжимаясь, и Барбара принялась выть и брыкаться, и клетка съехала обратно. Пустое дело. Несколько часов уйдет, пока удастся поднять клетку на грузовик и подвезти к загону.

— Ладно, черт с ним. Лучше опустим клетку на землю и выпустим носорожиху на волю, а уж с водой как получится.

Весь смысл перевода носорогов из клеток в загон заключался в том, чтобы напоить их. Если сразу выпускать животных, им придется самим искать воду, а они не пили уже более полутора суток.

— Сколько здесь до ближайшего водопоя?

Почти тринадцать километров. Она найдет дорогу, но какое-то время ей на это понадобится.

— Сколько?

— Денек уйдет. Все-таки местность незнакомая, и ей будет очень тревожно.

— Да, паршиво. Носорогам нужна вода. Но день-другой она еще выдержит.

— Она сломала рог, осталась без оружия. Ей будет очень тревожно в незнакомой местности.

— Барбара слишком тупа, чтобы испугаться, — возразил Невин.

— Найдет воду нюхом, — сказал Осборн; он был озабочен. — Походит, поищет, но, в конце концов, найдет. Будем надеяться, что другие носороги пропустят ее через свою территорию.

Да, некстати Барбара лишилась своего оружия... Намается еще, пока воду найдет. Как ее израненная морда? Я взобрался на грузовик и осторожно заглянул в вентиляционное отверстие стоящей на ребре клетки. Барбара сидела на своем могучем зад, словно собака, просящая подачки, и обращенный на меня свирепый взгляд не сулил ничего доброго. В клетке гулко отдавалось сердитое сиплое дыхание. От ударов о стенки морда опять кровоточила. Барбара была по горло сыта Управлением национальных парков и охраны дикой фауны.

Осборн освободил канат, крепивший к стволу вена-камину, и велел одному рабочему влезть с тросом на дерево с развилкой. Другой конец троса он продел под клетку.

— Вена-камина! — скомандовал Осборн.

Двое заработали рычагом: «Вена-камина, вена-камина».

О каждым движением на сантиметр выбиралась слабина, наконец трос натянулся, и верхний конец

клетки оторвался от заднего борта грузовика. Барбара вопила и брыкалась, раскачивая клетку. Осборн вывел грузовик из ямы, чтобы не мешал.

— Порядок! — крикнул он рабочим на вена-каmine. — Теперь обратно!

Здоровенная клетка начала со скрипом опускаться. Барбара снова забилась, дергая дерево с развилкой. Мы отошли подальше на случай, если сук переломится. Не дай Бог, это было бы последней каплей в чаше испытаний, выпавших на долю несчастной носорожихи. Сантиметр за сантиметром клетка, скрипя, опускалась вниз, и все время Барбара бесновалась и дергала дерево. Наконец клетка легла на землю. Тотчас Барбара перестала биться. Слышно было только громкое злое сопение.

— Мы ей здорово осточертели.

— Точно! — подтвердил Осборн и осмотрелся кругом. — Ну-ка, все на деревья! Мпофу! — Он отыскал взглядом своего старшего следопыта.

— Нкости?

— Отгони мой «лендровер» подальше, во-о-он туда, счастливого пути.

Рабочие, смеясь, полезли кто на деревья, кто на ограду загона. Невин отогнал в сторонку «фольксваген». Он здорово устал.

Осборн повернулся к водителю грузовика:

— У твоего хозяина, наверно, куча денег?

— Точно, сэр, — отозвался водитель, — куры не клюют.

— Все равно ему будет жаль потерять этот грузовик. Ты лучше подвинься.

Лагерь Осборна был разбит под деревьями метрах в ста от загона; я только теперь его заметил. Походный столик был накрыт для завтрака.

— Мадара! — позвал он своего старика-повара.

— Да, мамбо, — донесся откуда-то глухой ответ.

— Хочешь, чтобы носорог проткнул тебе поясницу?

— Нет, мамбо, не хочу, — ответил старик.

— Тогда лезь на дерево.

— Хорошо, мамбо. Мамбо!

— Что?

— А как же ваши вещи?

— Если она вздумает посягнуть на мое имущество, — прокричал Осборн, — ты живо спускайся с дерева и ткни ее пальцем в глаз.

— Хорошо, мамбо.

Рабочие, ухмыляясь, облепили деревья и ограду. Я тоже примостился на дереве, отыскав удобную развилку.

— Вы чудно смотрите, — сказал Осборн. — Прямо загляденье.

Он взобрался на клетку. Барбара притихла. Лежа на клетке, Осборн свесился над дверью и начал освобождать запор. Мы внимательно следили за ним. Вот отвинтил гайку разводным ключом. Вытаскивает из ушков тяжелый болт. Наконец распахнул широкую дверь, и нашему взгляду открылся могучий грозный серый круп Барбары.

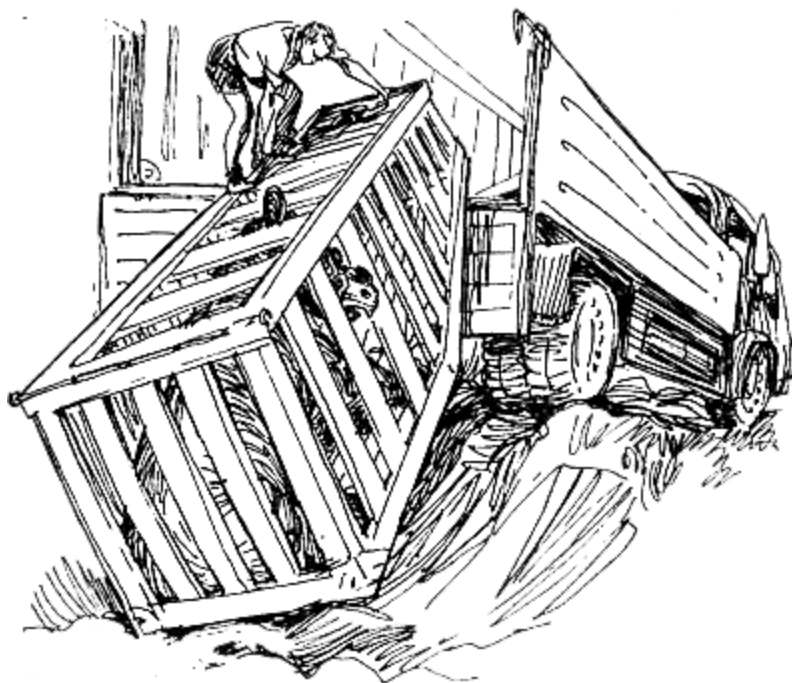
Она продолжала стоять недвижимо. Откуда ей знать, что дверь сзади открыта.

— Эй! — окрикнул ее Осборн.

Барбара не двигалась.

— Эй! — Осборн нагнулся и ткнул ее пальцем.

Барбара фыркнула и, тяжело переступая, стала выбираться задним ходом из клетки. Нескладная, сердитая, она пятилась через дверь, вот уже и спина на воле, и показалась низко опущенная, огромная, свирепая, фыркающая голова с налитыми бешенством поросячьими глазками, и Барбара мотнула головой и боднула клетку с примостившимся наверху Осборном.

Всю свою тысячекилограммовую ярость вложила носорожиха в удар и продолжала дубасить клетку, и клетка ходила ходуном, и цепляющийся за брусья Осборн закричал:

— Бры-ы-ы-ысь отсюда!

Барбара изо всех сил бодала и трясла огромную клетку, и клетка трещала и качалась, скользила и подскакивала, и Осборн отчаянно цеплялся за брусья, крича:

— Бры-ы-ы-ысь отсюда!

Мы дружно хохотали и думали: счастье Осборна, что Барбара лишилась переднего рога, не то она подцепила бы клетку вместе с Осборном, и лететь бы им по воздуху через весь заповедник. Хорошенько отделав клетку, носорожиха стала озираться свирепым взглядом в поисках более интересной жертвы. Увидела загон и ринулась на него, топоча копытами, и ударила окровавленной мордой с такой неистовой яростью, что ограда закачалась, грозя сбросить на землю цепляющихся за жерди рабочих, и Барбара, свирепо фыркая, прошла вдоль всей ограды, нещадно долбя

жерди, срывая на них злость. Завернула за угол, высматривая новую жертву, увидела накрытый для Осборна столик и решила уничтожить его.

— Эй! — кричал Осборн. — Эй!

Тысячекилограммовая туша трусила через прогалину прямоком на стол с аккуратно разложенным прибором.

— Эй! — орал Осборн, стоя на клетке. — Назад!

Но Барбара даже ухом не повела, она видела только столик.

— Эй!

В ту же секунду Барбара поразила цель.

Тысяча килограммов с ходу врезались в складной столик, лихо боднули его — хрясь! трах! бам! — и полетел он по воздуху, и полетели, кувыркаясь, во все стороны чашки, блюда, тарелки, ножи и вилки.

— Эй! — кричал Осборн, подпрыгивая на верху клетки. — Сейчас же прекрати это!

Барбара поддела складной стул, и он воспарил по красивой дуге выше деревьев.

— Брось немедленно! — вопил Осборн, и в ответ послышался грохот и звон: это Барбара добралась до кастрюль и сковородок, и они покатались во все стороны, и мы от души хохотали.

— Мадара! — крикнул Осборн.

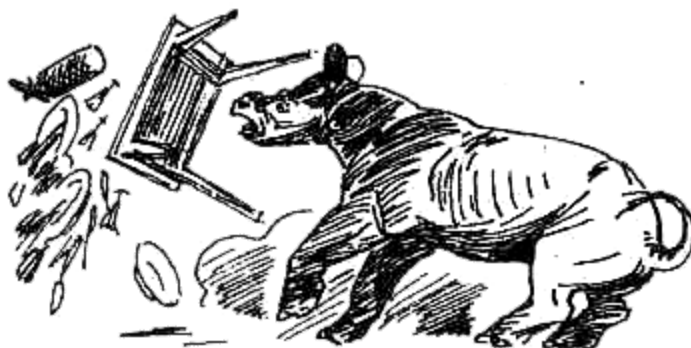
— Нкости? — донеслось откуда-то с дерева сквозь звон кастрюль.

— Ткни ее пальцем в глаз!

Рабочие покатались со смеху. Картина была впечатляющая: наклонив голову, бешено сверкая глазами, яростно фыркая, Барбара с грохотом гоняла по земле кастрюли и сковороды Осборна. Мы все хохотали. Наконец разгром лагеря был завершен. Злобно фыркая, она еще раз напоследок обвела поляну свирепым взглядом, развернулась и с шумом, с черной

неблагодарностью в душе ворвалась в заросли своего нового местожительства.

Мы смотрели, как исчезает в траве ее спина, озаренная солнцем. Мы дружно смеялись, восхищенные ее темпераментом. Барбара направилась совсем не в ту сторону, где находился водопой.

Глава двадцать восьмая

Упираясь руками, подваживая ломami и отчаянно чертыхаясь, мы столкнули с грузовика вторую клетку, в которой помещался Освалд, и придвинули ее ко входу в загон. Затем Осборн влез на верх клетки и отвинтил тяжелый запорный болт. Сверкая глазами и топоча копытами, Освалд вырвался задним ходом из клетки, развернулся, с грохотом вломился в стойло и затормозил в облаке пыли. Яростно оглянулся по сторонам, взбешенный тем, что снова очутился в заточении. И пошел неистово дубасить ограду. Мы подзадоривали его криками и жестами, пока следопыты опускали жерди, закрывая вход, потом дали себе передышку. Освалд еще потыкался в ограду, наконец, остановился, озадаченный тишиной. Обвел отсек злобным взглядом. В стойле была яма с водой, но злоба мешала ему заметить ее. Освалд жаждал крови, а не воды.

— Попей!

Освалд развернулся и атаковал жерди, на которых я примостился. Я удержался. Тогда он поискал другую мишень, узрел какое-то нахальное дерево в углу отсека и сразился с ним. Наконец увидел воду. И подбежал к ней, наклонив голову.

— Ур-ра!

Он окунул морду в воду и принялся жадно пить.

Первым мы выпустили в соседний отсек детеныша, но он был слишком напуган долгим путешествием, непривычной обстановкой и новым стойлом и не заметил воду: стоит посреди отсека и глядит на нас испуганными глазами. Когда же мы попробовали подсказать ему, где вода, кидая в яму прутьи, он только шархнул в сторону. Тогда мы оттащили его клетку прочь и поставили на ее место клетку с мамашей. Он сразу почуял родной запах, подбежал ко входу и заскулил, и носорожиха откликнулась и принялась биться и брыкаться. Осборн замахал руками, чтобы отпугнуть детеныша, но тот пошел в атаку на него и боднул двери клетки своим пеньком, и могучая мамаша стала брыкаться еще сильнее, и клетка заходила ходуном, так что Осборну пришлось покрепче уцепиться за брусья, чтобы не упасть.

— Брысь! — закричал он на детеныша, но тот продолжал молотить дверь, и Осборн цеплялся за брусья: — Брысь!

Наконец Осборну удалось отвинтить гайку. Едва он распахнул дверь, детеныш, наклонив голову и прижав уши, ринулся вперед, стараясь протиснуться в клетку к родительнице мимо ее могучих бедер. Она попятилась, озадаченно фыркая, и едва не затоптала собственного отпрыска. Выбралась, растерянно моргая злобными глазами, споткнулась о свое дитя, потом развернулась кругом и ворвалась в стойло, неотступно сопровождаемая детенышем. И растерянно остановилась, сопя и фыркая и свирепо глядя на нас.

— Может быть, сделаешь милость, попьешь?

Она круто повернулась на голос Осборна и с ходу боднула жерди, на которых он стоял.

— Почему все только мне достается?

Мы дружно хохотали.

Я бросил палку в яму с водой, носорожиха пошла в атаку на нее и увидела воду. Жадно принялась и сделала шумный глоток, чтобы детеныш услышал, оттолкнула его задней ногой от сосков, куда он упорно добирался, и он подбежал к яме. Торопливо окунул морду в воду, и мамаша повернулась, чтобы следить за нами, пока он пьет: береженого Бог бережет. Она гневно смотрела на нас, подняв голову и тяжело дыша. Надо думать, ей очень хотелось пить, но тревога за детеныша не позволяла повернуться к нам спиной.

— Ладно, сказал Осборн, — слезаем с ограды.

Он поручил одному из следопытов наблюдать и сообщить, когда напьется носорожиха. Мы прошли к его разоренному лагерю, чтобы позавтракать. Мадара успел подобрать уцелевшее имущество.

Только мы начали есть, как от загона донесся голос следопыта:

— Напилась!

Мы управились с завтраком. К Осборну вернулось хорошее расположение духа. Я не очень чувствовал усталость, так как успел по дороге немного поспать в «фольксвагене», но Невин здорово умаялся. День выдался отменный. Слышно было, как носороги топают в стойлах. Мы ели из мисок, потому что Барбара расправилась со всеми тарелками Осборна. Мадара приготовил нам омлет, так как Барбара мимоходом встряхнула ящик, в котором лежали яйца, но все равно получилось вкусно. Я спрашивал себя, как она там сейчас.

— Жаль, не удалось ее напоить, — сказал Осборн.

— За Барбару не беспокойся, — отозвался я. — Ей всюду обеспечены друзья.

— Не завидую самцу, который надумает заигрывать с Барбарой.

— Она сразу превратится в застенчивую скромницу, — возразил я.

Хорошо было находиться в Гона-ре-Жоу, зная, что Барбара пробирается к водопою и множество других новоселов осваивают велд, да еще три зверя ждут своей очереди в стойлах. Со временем все они перезнакомятся, и года через два появится много новых детенышей. Местность для носорогов подходящая. Когда-то давным-давно они водились здесь в большом количестве, но одних застрелили, другие попались в ловушки до того, как район был объявлен заповедником. Приятно было сознавать, что нас окружает заповедная территория площадью пять тысяч двести квадратных километров, где все начинается заново.

— А теперь, — обратился Осборн к Мадаре, — сложи-ка остатки моего имущества в «лендровер» и уезжай подальше, в безопасное место.

Мы вернулись к загону и влезли на ограду. Завидев нас, носороги принялись пыхтеть и сопеть.

— Все, как следует, попили? — обратился к ним Осборн. — Все довольны?

Освалд боднул разок жерди, на которых примостился Осборн, потом отступил.

— Вода, — учтиво сообщал им Осборн, — вот в той стороне.

Он показал рукой, и Освалд еще раз боднул жерди.

— Корм, — Осборн помахал рукой, — растет на деревьях. Браконьеров почитай что нет. Со всеми жалобами обращаться не ко мне, а к инспектору по охране дичи. Постарайтесь не убивать друг друга до смерти. Постарайтесь не убивать обслуживающий персонал, и меня в особенности. Надеемся, вам здесь понравится. Надеемся еще увидеть вас — на почтительном расстоянии. Постарайтесь больше нас не навещать. Всего доброго, всего доброго!

Он улыбнулся каждому зверю по очереди и повернулся к своим следопытам.

— Этого болвана выпускайте первым.

Все были в безопасности: кто на ограде, кто на дереве. Машины отогнали подальше. Все имущество, кроме водовозной тележки, надежно припрятали. Стальная тележка вмещала около семисот литров и весила вместе с водой около полутора тонн. Только тяжелый танк мог бы управиться с ней.

Следопыты принялись выдергивать жерди, по две за раз, открывая выход из стойла Освалда, и Освальд разбушевался. С налитыми бешенством глазами он яростно атаковал ограду, так что она закачалась, и жерди запрыгали и заклинились, и Освальд с грохотом попятился и пошел в атаку на следующие жерди, которые осмелились тронуться с места, и как следует долбанул их, и просвет почти уже позволял ему выйти, и он, фыркая, взбивая копытами пыль, вложил весь свой огромный вес в неистовую попытку прорваться наружу, но попытка не удалась, и он тяжело попятился в облаке пыли, одержимый яростью, и я начал опасаться за водовозную тележку. В соседнем стойле носорожиха мирно жевала зеленую ветку; детеныш сосал материнское молоко. Следопыты выдернули еще две жерди, и Освальд снова бросился вперед. Фыркая и размахивая рогом, он втиснул плечи в просвет, но тугое брюхо не пускало его, и он взревел от ярости и затопал ножищами, сражаясь с жердями, и наконец, вырвался на волю.

Могучим усилием вырвался на волю, споткнулся, тут же выпрямил ногу — и увидел стальную тележку и бросился напрямик на нее. Сердито фыркая, шел он на тележку, но в последнюю секунду обогнул ее и остановился. Поглядел на нас, насторожил уши, потом отвернулся и, сопя и пыхтя, изогнув хвост над спиной,

умеренной трусцой направился в незнакомые заросли. С таким видом, будто точно знал, куда направляется.

Носорожиха по-прежнему вела себя смирно. Она стояла в дальнем углу отсека — подальше от нас, заслоняя собой детеныша. Следила за нами, пережевывая ветку. Из-за могучего крупа выглядывала голова отпрыска. Они спокойно и безучастно восприняли бурную акцию Освальда. Лишь бы их самих не трогали.

Следопыты начали выдергивать жерди, и носорожиха фыркнула и наклонила голову и попятилась, толкая задом детеныша. Однако от атаки воздержалась, только сопела и пыхтела. И наблюдала, застыв на месте. Детеныш, высунувшись из-за ее спины, тоже наблюдал; потом прижал уши к голове. Носорожиха видела просвет в ограде, однако не трогалась с места. Бока ее вздымались, но из этого не следовало, что она настраивается на схватку. Вот и еще две жерди убраны, и вроде бы просвет позволяет ей протиснуться, а она все стоит и мрачно таращит глаза. Следопыты одну за другой выдернули еще четыре жерди. Путь свободен.

— Пошевеливайтесь, сударыня.

Она пыхтела и таращилась, но пошевеливаться не желала. Голова ее была наклонена не для атаки, а для обороны. Мы ждали. Ждали, затаив дыхание, на верху ограды. Наконец носорожиха нерешительно покинула угол.

Она ступала медленно, наклонив голову к земле и принюхиваясь, раздувая ноздрями пыль, выкатив глаза и сверкая белками, и детеныш робко переступал следом за ней. Носорожиха шла, настороженно посапывая, глядя в открывшийся просвет и шумно обнюхивая землю, и неуверенно вышла из стойла, и детеныш семенил за ней по пятам. Не глядя наверх, на нас, не

глядя по сторонам, она перешла на тяжелую трусцу, робкую, нерешительную трусцу, и тут ей попалась на глаза водовозная тележка.

Первым чужеродным предметом на ее пути оказалась эта тележка, и носорожиха с громким фырканием наклонила голову и пошла в атаку. Выкатив свирепые глаза, фыркая, она с грохотом бросилась на тележку, и детеныш поскакал следом за ней.

— Не тронь мою тележку! — закричал Осборн, и в ту же секунду носорожиха поразила мишень.

На полном ходу пырнула сбоку полутонную стальную тележку, которую только тяжелый танк мог одолеть, и тележка взлетела в воздух, словно пустой бидон. Могучий рог подцепил шасси, могучая шея напряглась, и тележка взлетела в воздух на три метра и опрокинулась, разбрасывая воду, и с плеском грохнулась в лужу, и Осборн вопил:

— Оставь в покое мою тележку!

А носорожиха, фыркая, наклонив голову, рванулась вдогонку за тележкой и снова яростно боднула ее и поддела рогом, и тележка взлетела еще выше, кувыркаясь в воздухе с крутящимися колесами, разбрызгивая воду, и грохнулась на землю, и носорожиха тут же настигла ее. С ходу пырнула рогом — трах! бах! — и пошла с грохотом катать по земле, по траве, колотя рогом. Впечатляющее зрелище... Но тут рог застрял между спицами колеса, и носорожиха никак не могла его выдернуть и взревела от бешенства и замотала из стороны в сторону огромной неистовой головой, раскачивая здоровенную тележку, и верхняя половина рога обломилась, и тележка упала и замерла, явно сраженная наповал. Носорожиха еще раз пырнула ее пеньком напоследок, потом повернулась, злобно сопя и фыркая, и взгляд ее отыскал детеныша. Сердито глянула на нас, облепивших верх ограды, и,

сопровождаемая детенышем, затрусила к нам — огромная, грозная, голова поднята, уши насторожены.

На полдороге она остановилась, грозно взирая на нас, вздымая могучие бока, и мы смотрели на нее в немом восхищении, даже Осборн примолк. Убедившись, что произвела должное впечатление, носорожиха презрительно фыркнула, отвернулась и тяжело побежала враскачку, и детеныш, прижимая уши к голове, легким галопом последовал за ней.

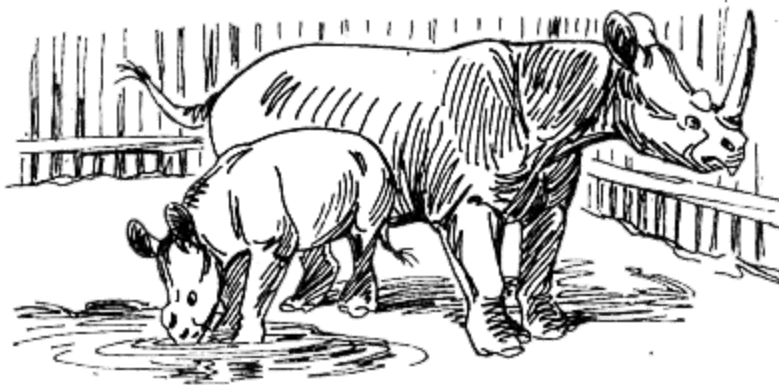
Мы смотрели ей вслед. Она трусила по желтой траве — голова с обломком рога поднята вверх, уши нацелены вперед, глаза все примечают кругом, — и детеныш скакал за ней. Солнце золотило выступающие над травой серые спины; гулко отдавался тяжелый топот носорожихи. Мы продолжали стоять на верху ограды. Пробежав метров двести, она вдруг остановилась. Она не знала, куда теперь податься. Развернулась кругом и посмотрела на нас, подняв голову с настороженными ушами. Потом повернулась к нам боком и поглядела в другую сторону, прислушиваясь. Снова развернулась кругом. Детеныш был прикрыт ее тушей, и его мы не видели. Носорожиха озиралась, принюхивалась, прислушивалась беспокойными ушами, всем телом изучала новую для нее местность. Она ловила запахи, ловила звуки — не подстерегает ли где-нибудь опасность. Возможно, пыталась определить по запаху, в какой стороне вода. Она не знала, куда вернее всего идти в этом краю. Наконец решилась, повернулась и снова побежала тяжелой рысцой. Мы по-прежнему стояли на верху ограды, провожая ее взглядом. Она хорошо смотрелась, озаренная солнцем новой родины. Носорожиха уходила вдаль, и от трусящего за ней детеныша мы видели только высвеченный солнцем загривок. Вот опять остановилась, чтобы принюхаться, осмотреться, прислушаться, — и снова бежит, становясь все меньше и меньше, и уже не слышно топота ее копыт

и не видно детеныша. Еле видно саму носорожиху. А теперь и она пропала из виду.

Мы спустились к широкой прекрасной реке Лунди и разбили лагерь в тени и легли спать.

Часть шестая

Тем, кто в это время работал в районе Умфурудзи, приходилось туго: раскаленная, жесткая, каменистая, высохшая земля, раскаленный вязкий песок в руслах, вода оставалась только в самых больших и глубоких бочагах, и палящее солнце валило людей с ног на опаленную землю, и голубой горизонт дрожал в знойном мареве. Операция «Носорог» близилась к концу, на исходе сентября станет чересчур жарко для людей и животных, уже сейчас люди с трудом переносили жару. Тяжко было в Умфурудзи, во всем районе оставалось четыре, от силы шесть носорогов, но они разбрелись кто куда и стали очень пугливыми. В первые четыре долгих, жарких, изнуряющих дня Куце вообще не обнаружил никаких следов. На пятый день он и Капеса вышли на след двух зверей, настигли их и обездвижили. Бывает и так. В последующие два дня они тщетно искали следы — то ли носороги совсем ушли, то ли до них добрались браконьеры. На восьмой день, Куце перебрался со своим лагерем обратно на Руйю, решил попытаться взять последнего одинокого «белого» носорога, который ушел от Томпсона.

Здесь в первое же знойное утро Куце нашел на берегу Руйи след крупного самца, отчетливый свежий

след трех–четырёхчасовой давности. Куце и Капеса начали преследование, и расстояние между ними и зверем неуклонно сокращалось, и они радовались, что последнему носорогу Руйи не придется доживать свою жизнь в полном одиночестве. Четыре часа они преследовали его, и след становился все свежее, и наконец Капеса увидел зверя в трехстах метрах. И носорог был вовсе не белый, а черный. Куце обездвижил его и убедился: черный.

После этого Поль Куце перевез свой лагерь на шестьсот пятьдесят километров в местность, называемую Тенда-Спрингс, поблизости от реки Ньядове, к северу от Гокве. Это была последняя в том году перебазировка участников операции «Носорог». Им оставалось работать всего две недели. Куце взял с собой Дэвида Скэммела вместо старины нормана. У Скэммела волосы потемнее.

Глава двадцать девятая

Для района Тенда характерен густой буш с непролазным подлеском; местность трудная для передвижения и опасная. Крутые холмы и овраги, много скал. Слонов здесь нет, стало быть, нет и слоновых троп в глухой чащобе, а есть только туннели, проложенные носорогами, где человеку надо сгибаться в три погибели. Край низменный, очень жарко, ветер поминутно меняет направление, и видимость в зарослях не больше двух метров. Трудно приходится следопыту. Пробираешься по туннелю, ныряя под сплетенные ветки, раздвигая кусты впереди, нагибаешься, чтобы убрать сухие листья, ставишь ногу на расчищенную землю, просматриваешь путь и опять приседаешь, чтобы расчистить клочок почвы. Новый шаг. Осмотреться. Прислушаться. Проверить ветер. Шаг вперед — и опять сгибайся, чтобы убрать листья. А ветер все время меняется. Для того, кто охотится на носорога, намереваясь убить его, Тенда — опаснейшее место. Для того, кто хочет поймать носорога живьем, — смертоносное.

Ранним утром второго дня Капеса обнаружил след у водопоя на Ньядове. Вместе с Куце шел Скэммел, вооруженный крупнокалиберной винтовкой. Молодой Невин Лийс-Мей остался в лагере достраивать загон.

След был старый, многочасовой давности. Три часа шли они на север по следу, и ветер был благоприятный, но местность очень уж неудобная. Затем след повернул на запад, пересек Ньядове, за рекой повернул снова — на юг, где простиралась глухая чащоба. Носорог явно искал себе подходящую лежку. Около часа шаг за шагом шли они за ним по жарким густым зарослям и еще ни разу не увидели, не услышали, даже запаха не почуяли. Потом ветер переменялся. По следу было видно, что зверь взбудоражен, он явно учуял преследователей. Вооруженное рогом чудовище было совсем близко. Наконец они услышали его. Услышали сердитое громкое фыркание, пыхтение, треск кустарника. Носорог яростно ломился через заросли, пересек каменистый распадок и снова нырнул в чащу. Полчаса они крались за ним в зарослях и опять слышали, как он вырвался из чащи. Тут они его увидели в первый раз. В пятистах метрах от них носорог трусил вверх по каменистому склону курсом на участок зарослей. Он знал, что его преследуют, и был взбешен.

Могучий самец углубился в чащу и притаился там. Описал в зарослях полукруг и притаился рядом с собственным следом, поджидая охотников.

Куце пошел на него в одиночку. В чащу они углубились втроем, но затем Куце велел Скэммелу и Капесе остановиться. Он услышал, как зверь шевелится, где-то в зарослях хрустнула ветка. Куце проверил ветер и медленно двинулся через густой кустарник, делая полукруг, чтобы зайти с подветренной стороны туда, где ему слышался треск. Был час дня, они преследовали носорога уже пять часов. Куце видел перед собой всего на метр-полтора. С предельной осторожностью он бесшумно заходил с подветренной стороны, сосредоточив всю свою волю на затаившемся где-то в чаще грозном, могучем звере, но, чтобы подчинить себе носорога, он должен был его увидеть.

В трех-четырех шагах от зверя Куце уловил его запах. Он застыл на месте, весь внимание, всматриваясь в чащу пытаюсь разглядеть носорога, почувствовать его, точно определить, где притаился могучий убийца, которого надо обнаружить и подчинить себе прежде, чем он обнаружит и прикончит тебя. Две минуты стоял Куце недвижимо, с колотящимся сердцем, напрягая все органы чувств, вслушиваясь в знойную глухую тишину зарослей, и лютый зверь ростом с человека, грозный, разъяренный, тоже стоял недвижимо, прислушиваясь, принюхиваясь, напрягаясь, пытаюсь высмотреть врага налитыми бешенством глазами, чтобы расправиться с ним; две минуты человек и зверь стояли так в трех-четырех шагах друг от друга, и во всем мире не было больше ничего, только ищущее, напряженное внимание, и они никак не могли точно нащупать друг друга. Тогда Куце, весь подобравшись, сделал один осторожный, бесшумный шаг, сделал другой — и увидел зверя в ту самую секунду, когда тот пошел в атаку. Носорог, подстерегший Поля Куце, с ревом выскочил из чащи сбоку от него и с трех шагов ринулся в атаку, сверкая глазами, с твердым намерением пронзить ему рогом живот и выпустить кишки. Все вдруг исчезло, остался только внезапный громкий треск и топот неведь откуда вынырнувшего зверя, и Куце круто повернулся. Повернулся и отскочил вправо, повинувшись безотчетному внутреннему приказу, и зверь сделал выпад своей могучей головой, самую малость не дотянулся до живота Куце и пронесся мимо. Куце мгновенно вскинул обездвиживающее ружье, целя в бедра зверя, но тот уже развернулся. Развернулся кругом и снова с грохотом пошел на охотника, и Куце отпрянул назад и в сторону среди кустов; зверь опять сделал выпад рогом и опять промахнулся. Куце спиной продирался через заросли, петляя, цепляясь за ветки, и зверь ломился следом за ним, вырывая с корнем кусты,

чтобы добраться до Куце и казнить его. Куце продолжал лихорадочно отступать, пятясь, крутясь, спотыкаясь, и ветки полосовали его; весь в крови, сжимая в руках ружье, он с треском продирался спиной через кусты, выписывая в чаще зигзаги, и зверь все так же, с ревом, с налитыми бешенством глазами, корчевал кусты, добираясь до него, треск и топот заполнили весь мир, носорог неотступно преследовал Куце, норовя пронзить его рогом, подбросить в воздух и прикончить. С десятков метров ломились они через заросли, где видно от силы на два метра перед собой, и зверь все же добрался до ловца. В убийственном броске со всего маху вонзил ему рог в бедро до самой кости, и не было в потрясенном, рокочущем мире ничего, кроме страшного удара смертоносной головы и острого запаха зверя, и зверь напряг свою могучую шею и подбросил ловца вверх. Окровавленный Куце взлетел кубарем над чащей, и грозное доисторическое чудовище ринулось, фыркая, следом за ним, и, когда Куце, обливаясь кровью, с треском врезался в кусты, зверь снова ударил его. Не дав ловцу даже упасть на землю, вложил всю свою тысячу килограммов в новый удар, снова вонзил ему рог в бедро и подбросил его кверху, и Куце опять взлетел кубарем над чащей и опять упал на куст перед головой беснующегося убийцы, и тот в третий раз поддел его на рог. Бросил через себя назад, и Куце, окровавленный Куце, ломая ветки, описал в воздухе дугу и приземлился прямо на круп зверя, с лету оседлал убийцу. Взбешенный носорог растерянно опирался — найти этого человека, казнить его! Топая, злобно фыркая, он попятился в кусты с всадником на спине. Потом рванулся вперед и сбросил Куце на землю.

Сбросил и с грохотом затормозил. Куце приземлился на собственные ягодицы в каком-нибудь метре от задних ног носорога. Он по-прежнему сжимал в руках обездвиживающее ружье. Разъяренный зверь, сверкая глазами, вздымая могучие бока, продолжал растерянно стоять на месте; Куце, обливаясь кровью, неподвижно сидел в каком-нибудь метре за ним. Малейшее движение, малейший звук, и убийца развернулся бы кругом. Исполосованный, потрясенный, окровавленный, Куце смотрел на носорога, напрягая всю свою волю в мысленном приказе: «Ты не убьешь меня!» Пять долгих секунд это длилось. Обрызганный кровью неподвижный человек и тяжело дышащий четвероногий убийца с бешеными глазами. Наконец носорог фыркнул, наклонил голову и пошел напролом вперед через кустарник. Злобно сопя и фыркая, развил скорость и с треском исчез в зарослях.

Куце выронил ружье. Попытался встать — из-под шорт полилась кровь. Он крепко сжал обеими руками бедро возле самой большой раны.

— Капеса! — крикнул он.

Глава тридцатая

Часы показывали половину второго. Воды не было. Куце лежал на боку среди окропленных кровью кустов, загорелое лицо его побелело, волосы спутались, он обливался потом, который затекал в рваные раны на бедре. Скэммел лихорадочно делал перевязку, потрясенный Капеса крепко держал раненого, носильщики смотрели и ахали. И кровь — всюду кровь, шорты черные от запекшейся крови, красные струйки на ногах, черные блестящие сгустки на зеленых листьях, черные и красные капли на ветках высоко над головами людей, черное месиво на земле под охотником. Руки Скэммела, накладывавшего повязку, тоже были в крови.

— Я-то думал, ты его подстрелил и сидишь на дереве, — сказал Скэммел.

Он плотно закрыл зияющую рану марлевой подушечкой. Жена Куце давно заготовила перевязочный материал как раз для такого случая. Подушечка пропиталась кровью, Скэммел туго прибинтовал ее к бедру. Куце лежал, приподнявшись на локте, инструктируя его; лицо пепельно-серое, весь в испарине. Капеса поддерживал раненого за плечи.

— Подушечки слишком велики для остальных ран, — сообщил Скэммел.

Лицо его тоже посерело и покрылось испариной, окровавленные руки дрожали. Ему никогда еще не приходилось заниматься таким делом.

— Тогда введи тампоны, — сказал Куце. — Положи поглубже.

Скэммел взял добрый ком ваты. Куце зажмурился. Скэммел положил тампон поверх зияющей раны, сделал глубокий вдох, стиснул зубы и ввел тампон пальцами в глубину раны. Капеса крепко держал Куце. Мертвенно-бледный Скэммел схватил другой тампон, стиснул зубы и положил его в третью рану, после чего дрожащими окровавленными пальцами взял бинт и принялся лихорадочно обматывать им бедро Куце. Потом взял шприц с морфием, воткнул в здоровую ногу охотника и надавил на поршень. Велел принести радиостанцию и попробовал связаться с Невинном в базовом лагере. Минут пять, обливаясь потом и чертыхаясь, крутил он ручку, но окаянный аппарат не работал. Тогда он оставил Куце на попечение Капесы и направился бегом в базовый лагерь.

Воды не было. Много лет назад Куце и Капесе доводилось охотиться вместе в этих краях, и они знали, что в это время года воду можно найти лишь в девятнадцати километрах, у базового лагеря на реке Ньядове. Сначала, пока действовал морфий, вызывая у Куце легкую эйфорию, они заполняли ожидание разговором. Пока действовал морфий, то, что старик-прорицатель оказался прав, а он, Куце, ошибся, воспринималось Полем Куце как некая злая шутка. Правда, зверь не убил его, так что тут Куце оказался прав, никакой носорог не убьет Поля Куце, может быть, лев, может быть, слон, скорее даже браконьер, только не носорог. Но через час действие морфия кончилось, и вернулась адская боль, и к ней прибавилась жажда — сухость во рту, сухость в осипшей глотке, и струйки пота на восковой коже, и звон в ушах...

Они издалека услышали «лендровер», и он еще долго добирался до них. Боль и жажда здорово давали себя знать. Только в пять часов Куце смог, наконец, напиться воды. Они погрузили его в «лендровер», и машина натужно затряслась через буш курсом на полевой аэродром Чода. По такой местности больше часа ушло на то, чтобы без остановок покрыть полтора десятка километров до Чоды. Здесь в жарких багровых лучах заходящего солнца их ждал маленький самолет. Куце положили на носилки и внесли в кабину. В десять минут седьмого самолет взлетел и пошел на Солсбери над озаренной закатом знойной саванной. В семь часов, на полпути к Солсбери, мотор начал чихать.

Глава тридцать первая

Луна только что взошла. Мотор чихал все громче, мощность падала, и маленький самолет, подрагивая, терял высоту. Куце лежал, пристегнутый к носилкам; он повернул голову, но не мог ни видеть происходящего, ни слышать, что говорит по радио летчик, слышал только, как чихает мотор, сотрясая кабину. Раны опять сильно кровоточили. Куце почувствовал, что самолет срывается носом вниз, закричал, но крик его потонул в захлебывающемся рокоте. В лунном свете пилоту удалось разглядеть внизу извивающуюся через буш грунтовую дорогу. Машина быстро теряла высоту, летчик торопливо передавал по радио свои координаты. С черного звездного африканского неба трясущийся, чихающий, ревущий, захлебывающийся самолет спускался на озаренный лунным светом черный ночной буш, и Куце почувствовал, как жаркая кровь прилила к ранам, наполняя их пульсирующей болью. Пилот, маневрируя рулями, нацелился на дорогу, врезанную неровной серебристой полосой в скользящую мимо черноту, он вел трясущуюся, чихающую машину вниз, и летучая чернота под дрожащими крыльями наполнилась треском, и ревом, и рокотом, и кровь прихлынула к гудящей голове Куце. Пилот вел машину

вниз, и под качающимися крыльями мчался черный буш, и серебристая полоса дороги упиралась в поворот, как в тупик, и он еще круче пошел вниз, едва не срезая крыльями кроны деревьев, и тупик стремительно надвигался, и пилот еще сильнее подал ручку вперед, и большие черные деревья на повороте, качаясь, надвигались со свистом все ближе, быстрее, ближе, быстрее, и ничего нельзя поделать. В последнюю секунду он резко взял ручку на себя, и мотор чихнул, и нос машины дернулся вверх по инерции, и летчик силился поднять машину повыше, а макушки деревьев с ревом приближались, большие, черные, и ближе, ближе, ближе — и промелькнули под самыми крыльями. Самолет протащился над макушками, и дальше простиралось вспаханное кукурузное поле. Чихая, фыркая, вибрируя, машина пошла над черным полем, колеса коснулись пашни, самолет вздрогнул и, захлебываясь рокотом, затрясся по полю, и переднее колесо врезалось в гребень борозды. Колесо врезалось, и нос зарылся в землю, а хвост задрался кверху, и носилки Куце сорвались с рамы и ударились о стенку фюзеляжа. Куце ударился головой, рассадил себе веко, сломал скулу, его бросало вместе с носилками в разные стороны, и мир наполнился ударами и грохотом. Потом воцарилась мертвая тишина. Самолет стоял на носу в свете африканской луны.

Летчик и санитар вытащили Куце из машины. В восемь часов утра их отыскал военный вертолет. В девять часов Куце привезли в центральную больницу Солсбери.

Кровь, всюду кровь. На роге свирепого зверя. На кустах в чаще. В «лендровере». В самолете. На кукурузном поле. В вертолете. В санитарной машине. И боль, адская боль.

Глава тридцать вторая

На этом пришлось закончить операцию «Носорог» в 1970 году. Правда, до конца намеченного срока все равно оставалось только тринадцать дней. К тому же было уже слишком жарко и для людей, и для зверей. В следующем месяце должны были начаться дожди.

Продолжение операции намечалось на осень следующего года, после сезона дождей. Куце и Томпсону предстояло снова выехать в экспедицию и отловить трех-четыре носорогов, оставшихся в районе Умфурудзи, а также большого самца, который подстерег Куце у Тенда-Спрингса. Если браконьеры не успеют раньше. Предполагалось также отловить еще шесть десятков носорогов, разбросанных тут и там в глубинке, пока до них не добрались браконьеры. До следующего года Куце рассчитывал совсем поправиться.

В Гона-ре-Жоу для носорогов хватает места. Полсотни лет назад они водились там в изобилии. Сотню лет назад носороги водились тысячами по всей Африке. В момент, когда пишутся эти строки, в Гона-ре-

Жоу обитает сорок один носорог. Всего в ходе операции «Носорог» было отловлено сорок три животных, но, как вы помните, одна самка сорвалась со скалы, преждевременно разрешилась от бремени и погибла. Еще была самка с детенышем, у которой петля врезалась в ногу до кости; так вот, она благополучно оправилась после операции, и ее держали до полной поправки в загоне возле домика Осборна, но то ли от операционного шока, то ли по какой-то другой причине у нее пропало молоко. Как ни старался полуторамесячный детеныш, он не мог извлечь ни капли молока, слабел и худел на глазах, и он был слишком мал, чтобы есть что-нибудь другое. Мать с повязкой на ноге не пускала никого в загон, оберегая его, когда же ее обездвижили с помощью М-99, чтобы заняться ослабевшим детенышем, было поздно. Его отняли у матери и попытались кормить из бутылочки, и Джон Конди приехал из Солсбери, но, увы! — детеныш погиб.

И все же — сорок один носорог! Допустим, Томпсону и Куце удастся отловить и те шесть десятков, что еще бродят в джунглях, тогда в Гона-ре-Жоу будет около сотни носорогов. Возьмем естественный годовой прирост в пять-восемь процентов при сроке вынашивания плода семнадцать-восемнадцать месяцев. Тогда можно рассчитывать, что через тринадцать-пятнадцать лет в Гона-ре-Жоу будет двести носорогов. Через тридцать лет — четыре сотни. А через пятьдесят лет? Что ж, если ничего не изменится, глядишь, через пятьдесят лет число носорогов в Гона-ре-Жоу может достичь восьмисот.

Но рассудите сами. Как будет выглядеть наш мир через пятьдесят лет? Хотя бы через двадцать пять? Несмотря на две мировые войны, несмотря на Гитлера и на Хиросиму, на войны в Корее, Конго и Вьетнаме и всякие политические катаклизмы, несмотря на контроль

над рождаемостью, несмотря на все автомобильные и авиационные катастрофы и массовые убийства, население земного шара удваивается каждые двадцать лет. Когда писались эти строки, оно составляло примерно три миллиарда пятьсот миллионов человек. В Китае около восьмисот миллионов, это четверть всего человечества. В Индии — пятьсот пятьдесят миллионов жителей, в Африке — триста пятьдесят миллионов. Десять — двенадцать лет назад население Африки составляло всего двести миллионов с небольшим.

Отбросим загрязнение среды — отравление атмосферы дымом заводских труб, который, по мнению ученых, затрудняет прохождение столь важных для нас солнечных лучей, отравление морей и их обитателей промышленными отходами, гибель растительности, которая производит кислород для наших легких. Даже если отбросить все это, что будет с Африкой через двадцать, сорок, пятьдесят лет? Если ничего не изменится, через двадцать лет число носорогов в Гонаре-Жоу достигнет трехсот — да только изменится, непременно изменится: через двадцать лет в Африке будет не триста пятьдесят, а шестьсот — семьсот миллионов жителей, нуждающихся в территории.

Судите сами. Можно ли вообще на что-либо рассчитывать? Необходимо что-то предпринять. Так или иначе, в следующем году операция «Носорог» возобновится. Чтобы довести попытку до конца.

Постскриптум

В следующем, 1971 году операция «Носорог» возобновилась, она проходила с мая по сентябрь в области Кариба, в опасной, сильно пересеченной местности с множеством речушек в крутых берегах, с каменистыми ущельями и оврагами. В этом краю проехать на эвакуационных машинах очень трудно. Кругом густые заросли. К тому же здесь водится много слонов и буйволов, что чрезвычайно осложняет выслеживание и охоту. А заросли служат отменным укрытием для носорогов.

Всего за этот год было отловлено тридцать восемь зверей. Правда, одна самка, после того как удалось всадить в нее обездвиживающий шприц, сорвалась со скалы и погибла. Другая получила тяжелые травмы, когда эвакуационный грузовик попал в аварию, и ее пришлось умертвить. Два самца скончались после поимки из-за тяжелых ранений, причиненных им до этого пулями браконьеров.

В области Кариба браконьеры натворили дел. Участники экспедиции нашли скелеты восьми носорогов. У многих пойманных зверей на шее болтались обрывки петель, иные из которых глубоко врезались в тело, вызвав нагноение. У других носорогов были старые шрамы от ловушек.

Последним носорогом в ходе операции 1971 года оказался тот самый, который годом раньше пустил Куце

кровь у Тенда-Спрингса. Пять дней Куце, Капеса и Скэммел шли по его следу.

В первый же день Куце обнаружил признаки того, что зверь ранен браконьерами. На одной ветке был размазан гной, и носорог слегка волочил ногу — стало быть, его ранили в лопатку. В тот день им удалось один раз выйти на него. В густых зарослях носорог бросился в атаку, прежде чем Куце успел всадить в него шприц. Куце прыжком укрылся за деревом, потом живо взобрался вверх по стволу, и разъяренный зверь задал дереву основательную трепку, после чего умчался прочь.

И еще три дня они неотступно преследовали его в глухой чаще. Зная о погоне, носорог совершал большие переходы. А рана в лопатке прибавила ему бешенства. Куце соблюдал предельную осторожность. Не один раз охотничий инстинкт заставлял его притормаживать, и в каждом случае потом оказывалось, что именно в этом месте зверь подстерегал его в укрытии.

На пятый день — последний день операции в том году — они, идя по следу, углубились в непролазные заросли. Так уж совпало, операция завершалась поединком между тем же зверем и тем же человеком, что и годом раньше. Два часа шли ловцы по следу. Внезапно Куце увидел зверя в пятнадцати шагах. Носорог крепко спал. Куце был удивлен.

Чтобы стрелять без помех, он подкрался на шесть шагов к могучему зверю, который жестоко отделал его в прошлом году, и ветер благоприятствовал охотнику, Куце выстрелил и попал в цель. И могучий зверь не пошел на него в яростную атаку, а обратился в бегство.

Они продолжали погоню и через двадцать минут нашли его. Он лежал без сознания, и в лопатке зияла большая гноящаяся пулевая рана. В ту минуту, когда Куце приблизился к носорогу, зверь глубоко вздохнул и со стоном испустил дух.

Поль Куце произвел патологоанатомическое исследование. Вскрыл нанесенную браконьером гноящуюся рану и обнаружил расплюснутую пулю: она отскочила от лопатки, расщепила первое ребро и рассекла верхушку легкого. Рана была месячной давности. Носорог умер от повторного внутреннего кровоизлияния, вызванного реакцией организма на М-99.

Так закончилась операция «Носорог» 1971 года.

